

Министерство образования Республики Саха (Якутия)
Научно-исследовательский институт национальных школ

Министерство по делам народов Республики Саха (Якутия)
и федеративным отношениям

Кейметинов В. А.

По тропам тысячелетий

(Географическая лексика эвенского языка
и топонимика как свидетельство специфической
духовности предков современных эвенов)

Якутск 2000

УДК 801.311 (=941.15)

ББК 81.2 Эв-3

К 33

**Рекомендовано к печати
Ученым советом НИИ национальных школ**

*Консультант и научный руководитель
доктор географических наук, академик РАН,
академик АН РС(Я) М.Г.Гаврилова*

*Рецензенты: кандидат филологических наук,
директор НИИ НШ РС(Я) С.П.Васильева,
кандидат филологических наук О.Н.Кейметнинова,
член Союза писателей РФ и РС(Я), эвенский писатель А.В.Кривошапкин*

Кейметнинов В.А.

По тропам тысячелетий: (Геогр. лексика эвенского яз. и топонимика как свидетельство специф. духовности предков соврем. эвенков) / М-во образования РС(Я), Науч.-исслед. ин-т нац.школ, М-во по делам народов РС(Я) и федер.отношениям. - Якутск: Изд-во ИРО МО РС(Я), 2000. - 180с.

В первой части монографии, названной "Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии", автор рассматривал происхождение топонимов Якутии и сопредельных с ней территорий. Во второй части автор раскрывает географическую лексику и топонимику тунгусо-маньчжурского происхождения, ареал распространения которых охватывает территорию от Монголии, Маньчжурии, севера Китая, Кореи, Японии до берегов Северного Ледовитого океана и от островов Тихого океана до Урала.

В монографии впервые дается достаточно аргументированное объяснение происхождения гидронимов всех основных рек Сибири, макротопонимов Сибирь, Урал, Саяны, Саха (Якутия), Шантарские острова, Сахалин, Шикотан, Китай, Япония и некоторых этнонимов аборигенных народов данного обширного региона, которые произошли из географической лексики тунгусо-маньчжурских, в том числе эвенского и эвенкийского, языков.

Применяя комплексный метод исследования географической лексики и топонимики, эмпирических знаний древних людей о ближней и дальней окружающей среде, анимистических представлений и мировоззрения, образа жизни и традиций, автор стремится показать своеобразную духовность предков, ставшую основой специфического менталитета тунгусоязычных народов.

Монография адресована широкому кругу исследователей прошлого. Особенности географической среды, зафиксированные в топонимах (растительный и животный мир, почва, особенности грунта, болотистости, подвергаемость к затоплениям, мерзлотность, наличие подлечных источников и некоторых минералов) могут заинтересовать работников многих отраслей хозяйствования.

Книга представляет ценность для учащихся старших классов, студентов, учителей и преподавателей, производящих углубленное изучение тунгусских языков, историю, географию, природоведение и культурологию.

© Кейметнинов В.А., 2000

*Посвящается светлой памяти
моих родителей
Афанасия Алексеевича Кейметтинова
и Екатерины Дмитриевны Кривошапкиной,
передавшим мне наивную,
но мудро духовность далеких предков*

Автор

**Язык племени – это выражение всей его жизни,
это музей, в котором собраны все сокровища его культурной
и высшей умственной жизни**

*Из эпитафии к "Словарю якутского языка" Э.К.Пекарского.
Русская Мысль, 1886, № 10, Научный обзор*

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа является расширением и углублением предыдущей работы, названной нами "Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии", изданной в г. Якутске в конце 1996 - начале 1997 годов. Работая над ней, мы выявили основную специфику топонимики тунгусского, в первую очередь эвенского и эвенкийского, происхождения. Такой особенностью, на наш взгляд, является то, что в ней зафиксирована географическая лексика этих языков. При этом эта географическая лексика в виде разных топонимов зафиксирована на такой обширной территории, как от Урала на западе до островов Тихого океана на востоке и от северных территорий Китая на юге до берегов Северного Ледовитого океана.

В отличие от тунгусоведов, изучавших до нас топонимику тунгусского происхождения главным образом путем структурного лингвистического анализа, мы старались осуществлять лингвистический анализ с акцентированием внимания на выяснение семантики и этимологии каждого термина, шире использовать комплексный метод исследования путем привлечения в оборот различных архивных, научных, фольклорных источников, так или иначе затрагивающих изучаемую тему.

Если в работе над первой частью данной работы превалировала опора на личные наблюдения многочисленных информантов из числа носителей языка, а также самого автора, по роду деятельности, побывавшего во многих описываемых в работе регионах Якутии, на привлечение исторических и других факторов, подтверждающих ту или иную версию, то в работе над второй частью мы старались путем моделирования на физической карте

выявить нечто общее в объектах, существующие названия которых имеют какое-то созвучие. Отрадно, что подобное моделирование каждый раз подтверждало сходство особенностей объектов, имеющих примерно одинаковое название на тунгусо-маньчжурских языках.

Высказывая те или иные версии о происхождении и семантике конкретных топонимов, автор опирался на словари эвенского, эвенкийского, якутского, русского языков, а также на двухтомный "Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков", выпущенный под редакцией В.И.Цинциус. Вместе с тем, автор не мог не воспользоваться еще не зафиксированными в словарях и других источниках знаниями языка, традиций и культуры, все еще бытующих в самом народе. В транскрипции эвенских и тунгусских топонимов и терминов автор, придерживаясь в основном общепринятого алфавита эвенского языка, воспользовался и некоторыми предложениями известных эвеноведов кандидатов филологических наук К.А.Новиковой и В.Д.Лебедева об усовершенствовании алфавита, которые в большинстве случаев наиболее адекватно отражают фонетические особенности языка и основываются на научных изысканиях большинства ведущих эвеноведов прошлого и нашего времени. Так, мы полностью согласны с утверждением последних о наличии мягких согласных в начале слова, которое следовало бы отмечать мягким знаком после мягкого согласного, а не дифтонгированными гласными, как принято в школьной грамматике и словарях эвенского языка. Мы пишем ньёлтин "солнце", вместо принятого нёлтин, дьёл "камень" вместо дёл и т.д., ибо мягкий знак в данном случае отмечает не особенность гласного звука, следующего за согласным, а именно мягкость предыдущего согласного. Вместо фарингального "х" в начале слова используем такой же фарингальный "һ", который используется не только в якутском языке, но и в других языках. Использование "х" в подобных случаях приводит иногда к нежелательным казусам

или несколько изменяет семантику слова, например: һуй “рана”, һуйдэй “кипеть”, һэдэ и т.д. Противники усовершенствования эвенского алфавита недостаточно учитывают подобные фонетические особенности эвенского языка, необоснованно полагая эти особенности влиянием только якутского языка.

Актуальность изучения разрабатываемой темы вызвано исключительной малоизученностью топонимики и географической лексики эвенского и эвенкийского языков, где наиболее богато представлены лингвистические особенности языка, так как и географическая лексика, и топонимика являются наиболее древними по происхождению терминами, зафиксированными в письменных источниках других народов. Именно в географической лексике и топонимике отражена историческая судьба предков, веками выработанная ими духовность, выделившая их в самостоятельные этносы. В этом смысле именно в географической лексике и топонимике отражен специфический менталитет предков эвенов и эвенков.

В географической лексике и топонимике отражены многие лингвистические особенности эвенского и эвенкийского языков, которые остались вне внимания тунгусоведов. С этой точки зрения данная работа может помочь по-новому взглянуть на неизученные особенности языков.

Автор выражает искреннюю благодарность своим многочисленным информантам из числа носителей языка, традиций и культуры эвенов и эвенков, директору НИИ НШ РС (Я) к.ф.н. С.П.Васильевой, своевременно осознавшей актуальность изучения данной темы и использования фактического материала для преподавания в образовательных учреждениях, академику РАН и АН РС (Я) доктору географических наук М.К.Гаврильевой за редактирование, научную консультацию и конкретные советы по проблемам, касающимся географической науки, своим рецензентам к.п.н. О.Н.Кейметиновой, к.ф.н. С.П.Васильевой и эвенскому писателю, известному общественному

деятелю А.В.Кривошапкину за объективную оценку представленной работы.

И, наконец, автор выражает благодарность Министерству по делам народов РС (Я) и федеративным отношениям, лично министру, доктору технических наук А.М.Ишкову, его заместителю, руководителю Департамента по делам малочисленных народов Л.П.Рехлясовой за понимание необходимости возрождения духовности аборигенных народов и финансирование издания данной работы в этот сложный период.

ГЛАВА I.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

По данным различных источников предки современных эвенов и эвенков в первом тысячелетии нашей эры жили на обширной территории, начиная с северной территории Манчжурии, Китая, Кореи, а также на всех южных регионах Восточной Сибири с Саянских гор и Прибайкалья до берегов Тихого океана. Во втором тысячелетии тунгусоязычные племена значительно расширили ареал своего расселения, переместившись на запад, север и восток. И уже в конце XVI в начале XVII вв. эти племена можно было встретить чуть ли не у самых Уральских гор на западе, в XVII-XXVIII вв. - на Камчатке и Чукотке и несколько позже, в XVIII в., у южных берегов Северного Ледовитого океана. Расселение на такой территории, включающей в себя самые различные зоны и климатические условия, не могло не повлиять на обогащение географической лексики тунгусских, в первую очередь, эвенкийских и эвенских племен. До 30-х годов XX в. эвены и эвенки были известны под общим названием тунгусы и по научной классификации они входят в северную подгруппу тунгусоязычных народов. Но уже в XVIII в. некоторые исследователи, в том числе участник Второй Камчатской экспедиции (1733-1743 гг.) Я.И.Линденау, заметили некоторую разницу между ними. Я.И.Линденау в своем "Описании народов Сибири" назвал предков современных эвенов пешими тунгусами или ламутами, а предков эвенков - тунгусами. Он также отметил некоторые различия в языках этих племен. Несомненно, что с тех пор заметно усилились различия

между эвенским и эвенкийским языками. Но наиболее древние по происхождению слова, в том числе народные географические термины и термины, обозначающие визуально наблюдаемые объекты окружающей среды, нередко одинаковы или близки по своей семантике или этимологии, если даже они оформлены по-разному. Географическая лексика эвенского и эвенкийского языков в той или иной степени отражена в работах всех ведущих тунгусоведов, в том числе, эвеноведов. Однако, эта лексика чаще рассматривалась как бы со стороны, в той плоскости, насколько она соответствует аналогичной лексике прежде всего русского языка, так как последняя считалась наиболее развитой и соответствующей научным представлениям об окружающем мире. Именно поэтому все то, что по семантике не было адекватно лексике русского языка, отвергалось как несоответствующее современным научным представлениям. К таковым, например, можно отнести отдельные термины эвенского языка, обозначающие направления света, названия месяцев, некоторые названия космических объектов, зафиксированные в XVIII в. Я.И.Лиденау в указанной выше работе.

В конце 50-х годов XX в. автор данных строк, будучи студентом ЛГПИ имени А.И.Герцена, в беседе с известным тунгусоведом профессором В.И.Цинциус сообщил ей некоторые термины, обозначающие направления света, названия космических объектов и названия месяцев, услышанные от своих родителей-эвенов Ламунхинского рода Якутской АССР. Так, эти эвены, признающие себя выходцами из Охотского побережья и считающие себя ламутами, до 60-х годов XX в. *восток* называли — дьугуптэ или дьуптэ, *юг* — тиргани, *запад* — тикуптэ, *север* — һинултэндэ. Впоследствии, значительно позже, эти названия света я встретил лишь у Я.И.Лиденау в его работе "Описание народов Севера". Разумеется, речь не идет о полном совпадении записей Я.И.Лиденау и наших вариантов, но и по семантике слов, и по транскрипции и те, и другие

или очень близки, или совпадают полностью. Так, Я.И.Лиденау *восток* называет *Dorta*, *юг* — *Tirgani*, *запад* — *Tickrupta*, *север* — *Sinckaltin*, что практически мало, чем отличается от более поздних вариантов, услышанных автором этих строк от ламунхинских эвенков. Очень близки или практически полностью совпадают названия времен года, месяцев и некоторых космических объектов, сохранившиеся в памяти эвенков-ламутов Кобяйского улуса Республики Саха (Якутия) до указанного периода и аналогичные названия, записанные от пеших тунгусов (ламутов) Я.И.Лиденау более чем два с половиной века назад.

В период бурного развития научных представлений об окружающем мире, обостренного борьбой за воинствующий материализм, многие народные термины на языках младописьменных языков, нередко рассматривались как ненужный анахронизм и отвергались как лишнее свидетельство отсталости этих народов. Справедливости ради следует отметить, что некоторые термины и действительно не соответствуют научным представлениям, утвердившимся значительно позже. Однако многие из этих терминов свидетельствуют лишь об особенностях восприятия окружающей действительности теми или иными племенами. Вместо отвергаемых терминов в лексику эвенского языка искусственно внедрялись неологизмы из русского или других языков, в зависимости от того, влиянию какого языка больше всего подвержен тот или иной диалект эвенского языка. Все это невольно создавало впечатление, что эвенки, а также другие младописьменные этносы, не имеют своего духовного прошлого и их участь заключается лишь в том, чтобы слепо заимствовать то, что создано другими народами.

Географическая лексика эвенского языка в той или иной степени нашла отражение практически во всех русско-эвенских или эвенско-русских словарях, опубликованных до настоящего времени.

Наиболее близкая к собственно эвенскому восприятию окружающего мира географическая лексика нашла

отражение в исследованиях первого эвенского ученого филолога и эвенского поэта В.Д.Лебедева "Язык эвенов Якутии" и "Охотский диалект эвенского языка", а также в работе К.А.Новиковой "Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор". Большой вклад в изучении топонимики тунгусского происхождения, географических представлений и этногенеза тунгусов внес известный тунгусовед Г.М.Василевич. Интересны работы Ф.К.Комарова "Словарь русской транскрипции эвенкийских и эвенских терминов и слов, встречающихся в географических названиях Якутской АССР", "Словарь географических названий Якутской АССР", составленный им же, а также "Словарь народных географических терминов", подготовленный Э.М.Мурзаевым.

Но никто из них не раскрыл систему географической лексики эвенского языка как бы изнутри. Между тем, географическая лексика и терминология, отражающая визуально наблюдаемые объекты окружающей ближней и дальней среды — это наиболее богатая и специфическая по содержанию, одновременно наиболее древняя часть эвенской лексики. В ней зримо отражена специфическая духовность предков современных эвенов, ставшая основой выделения их с самостоятельным этнос. В мире, кроме эвенов и эвенков, нет ни одного другого этноса, чьи географические термины в качестве официально утвердившихся географических названий множества гор, рек, озер и других объектов, а также в качестве названий огромных регионов или стран, остались бы на карте такой обширной территории.

В этой связи возникают вопросы. Почему многие географические названия, этнонимы достаточно крупных по численности и значимости в современном мире этносов, утвердившихся в российских документах и через них в документах других европейских и азиатских народов, признаются большинством исследователей, иногда и самими народами, о которых речь идет, названиями тунгусского или тунгусо-маньчжурского происхождения?

Почему большинство из них не имеют до сегодняшнего дня достаточно аргументированной научной расшифровки или объяснения?

Можно ли попытаться расшифровать средствами современного эвенского, эвенкийского, или других тунгусских языков первоначальное значение тех или иных названий? Если да, то в чем секрет своеобразного феномена, когда названия многих регионов и стран, а также некоторые этнонимы народов европейского и азиатского континентов, в том числе более развитых, чем тунгусские народы, официально утвердились на языках племен, называемых первыми "дикими" и кочевыми?

Достаточно ли для расшифровки этого явления только лингвистического анализа, практиковавшегося до сих пор тунгусоведами-лингвистами?

Действительно многие топонимы, подвергшиеся влиянию языков других народов, не могут быть расшифрованы только путем лингвистического анализа. Учитывая это, как и в предыдущей нашей работе "Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии", лингвистический анализ топонимов и географических терминов мы рассматриваем лишь как один из методов исследования. Многие термины, относящиеся к окружающей среде, не могут быть расшифрованы, например, без учета различных, в том числе анимистических, представлений и вытекающих из всего этого особенностей обобщения и словесной фиксации визуально наблюдаемых явлений природы, космических объектов и т.д. В этом, видимо, проявлялись некоторые национальные особенности мировосприятия и мышления в целом.

Возьмем, например, термины *биаг* и *илан*, которые употребляются в эвенском языке как различные варианты понятия, выражаемые в русском языке словом "луна". Этимология слова *луна* в русском языке, по данным специалистов, связывается со словом *белая* или *блестящая*. Предками русских уловлена одна особенность спутника Земли — Луны, то, что она (луна) отражает белый или

блестящий свет. В эвенском же языке этимология слова *биаг* в смысле *"луна"* связана с бытовой терминологией. В эвенском языке *биас* или *биа (бе)* означает *"место по обе стороны юрты, вокруг костра, где люди собираются по вечерам и затем укладываются спать"*. То есть, обозначая *"луну"* термином *биаг (биа, бе)*, предки эвенков, а также эвенков отметили другую особенность луны, связанную с периодом деятельности человека и его местонахождением в определенное время суток в помещении, в частности, в юрте. Семантика эвенского *биаг "луна"* означает *"появляющаяся тогда, когда все собираются по обе стороны очага юрты"*. Надо полагать, что появление луны для предков эвенков было неким мериллом времени, определяющим время, когда надо находиться в определенном месте, то есть сидеть у костра по обе стороны очага юрты. Когда не было другого измерения для определения времени или сроков жизнедеятельности, такое название луны, на наш взгляд, вполне можно считать допустимым.

Также с термином *солнце*. Если этимология русского термина связана с исчезнувшим в современном русском языке *сьлнь (посолонь – "по солнцу", усолонь – "тень", солнопек – "солнцепек")*, то этимология эвенского слова *ньэлтин "солнце"* связана с глаголом *ньэдэй*, означающим в переводе на русский язык *"выходить", "восходить", "появляться"*. Таким образом, эвенское слово *ньэлтин*, переводимое обычно как *"солнце"*, в переводе с сохранением семантики слова *ньэдэй* на самом деле означает *"выходящее", "восходящее", "появляющееся"*. Если предки современных славян отметили одну из особенностей данного неизвестного им объекта, а именно то, что этот объект *"печет"* или *"дает тень"*, то предки современных эвенков отметили другую объективную особенность этого же объекта, а именно то, что этот объект постоянно восходит. И в первом, и во втором случае предками современных славян и тунгусов уловлены, несомненно, те или иные объективные особенности одного и того же объекта в зависимо-

сти от того, как они воспринимают мир. Следовательно, трудно однозначно сказать какой из этих слов является более научным. Практически неполностью адекватны и другие термины, в том числе, например, термины *полог*, *дулаг* и *эдьэг*, переводимые на русский язык соответственно: "*верхний*", "*средний*", "*нижний*". Вот эта, казалось бы, несущественная разница в семантике того или иного слова, которым представителями разных племен и этносов обозначается один и тот же реальный объект с указанием каких-то, реально существующих его сторон или признаков в зависимости от присущего только им мировосприятия или мироощущения, стала, видимо, первоначальной основой различения этносов. Именно поэтому, на наш взгляд, представляется не совсем правильным стремление лингвистов, в том числе тунгусоведов, поспешно подыскивать, в первую очередь, общие закономерности в развитии языков разных этносов и свести под эту некую общую схему особенности словотворчества и соответственно грамматики того или иного еще недостаточно изученного языка. Мы далеки от того, чтобы отрицать общие закономерности развития языков, но раз реально существуют разные этносы, то, видимо, в языках этих этносов отражаются какие-то специфические особенности мировосприятия этих этносов и, следовательно, специфические особенности их духовности в целом.

Раскрытию этих трудно уловимых специфических особенностей мировосприятия и сложившейся на этой основе духовности предков современных эвенков, а также их ближайших родственников по языку и культуре — эвенков, выражаемых ими через географические и другие термины об окружающей среде, мы и хотели бы посвятить данную работу.

Особенности мировосприятия и духовности любого этноса выражаются не только путем формализованного словотворчества. Поэтому лингвистический анализ является лишь одним из важных методов подтверждения на-

шей концепции об эвенском или общетунгусском происхождении того или иного конкретного термина. Осуществляя лингвистический анализ по утвердившейся в эвенковедении и тунгусоведении методике, мы значительно больше, чем наши предшественники, акцентируем внимание на выяснении семантики и этимологии слова, так как именно в них явственнее всего выражаются особенности мировосприятия и духовности. В этой связи мы стремимся уловить связь эмпирических знаний предков с их анимистическими представлениями, образом жизни, установившимися традициями взаимоотношений с окружающей средой, в том числе себе подобными.

ГЛАВА II.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В КАЧЕСТВЕ ДРУГИХ ТЕРМИНОВ

Термины, обозначающие горный ландшафт

Происхождение слова урэкчэн "гора" и использование его в качестве макротопонима

В эвенском языке наиболее древние слова, означающие общие понятия, как правило, имеют отглагольное происхождение. Так, слово тэр "земля" возникло от глагола тэдэй, означающего в переводе на русский язык "наступить" и в свою очередь означает "то, на что мы наступаем" или "наступаемое". Слово ньэлтин "солнце" возникло от глагола ньэдэй, что означает "выходить", "восходить" и, следовательно, ньэлтин означает "нечто восходящее" или "восходящее". Примеров подобного словообразования в эвенском языке достаточно много. В ходе наших исследований мы неоднократно будем обращаться к этой специфической особенности эвенского словообразования.

Нас интересует происхождение слова урэкчэн, переводимого на русский язык как "гора". Семантика и этимология слова урэкчэн несколько необычны. Слово урэкчэн "гора" произошло от слова урэк или урэл, в свою очередь производных от глагола урдэй "уподобиться" или "стать похожим". Так, слово урэк (~урэл), образованное от основы глагола урдэй ур- присоединением аффиксов -к и -л, означает "похож", "сходен", "подобен", "одинаков". Дальнейшее присоединение к слову урэк(урэл) уменьшительного аффикса -чэн образует прилагательное с уменьшительным значением "похоженький", "сходненький" и т.д.

Следует отметить, что во всех тунгусских языках понятие "гора" обозначается очень близкими к эвенскому по семантике и этимологии словами. Так, по-эвенкийски —урэ, на языке солонов —урэ, на языке негидальцев —ујэ, на языке орочей —увэ. При этом в эвенкийском языке слово урэ, как и в эвенском имеет двойное значение: 1. *Похожий, сходный, одинаковый.* 2. *Гора* (производное от первого значение).

В этой связи можно сделать следующее, подтверждаемое другими сходными примерами, предположение. Предки эвенов и эвенков, а также других тунгусских народов, во всех географических образованиях, по-русски обозначаемых обобщенным словом "гора", увидели и отметили как наиболее общее для них — их внешнее сходство, одинаковость. А обозначение тех или иных объектов по внешнему признаку, в данном случае, сходству, бросающемуся в глаза любому их сородичу, полностью соответствует их эмпирическому опыту и особенностям словообразования эвенского и других тунгусских языков. Подобный способ словообразования, являясь наиболее ранней и характерной особенностью эвенского языка, одновременно отличает его от европейских языков, где многие слова, особенно более позднего происхождения, будучи заимствованными из родственных или других языков, трудно этимологизируются на базе собственного словообразования. Таким образом, слово урэкчэн, переводимое обычно на русский язык как "гора" означает на деле "похоженький", "сходненький" или "одинаковенький".

Забегая вперед, можно отметить еще одну особенность эвенского языка. Географические термины, будучи наиболее ранними, наиболее специфическими формами словообразования очень легко переходят в другие категории и поэтому служат основной базой словообразования эвенского языка. Кроме того, в географических терминах отражается специфический путь духовного развития эвенов в прошлом, что сегодня называют менталитетом народа. Действительно, географические термины, отражая

эмпирический опыт предков эвенов и эвенков, совокупность их духовного развития, свидетельствуют о том, что эти кочевые народы, считаемые многими "дикими", все-таки добились признания других народов, общавшихся с ними. По этой причине на картах Сибири и Дальнего Востока России, сопредельных стран и государств появились топонимы, имеющие тунгусо-маньчжурское происхождение, которые могут быть расшифрованы средствами современного эвенского языка.

В связи с этим можно высказать версию о происхождении макротопонима Урал. По данным известных топонимистов страны (В.А.Никонов, Э.М.Мурзаев), этимология топонима Урал не выяснена. Во всяком случае, средствами языков народов, проживающих в Приуралье, слово Урал, по мнению этих авторов, не этимологизируется. Подобное утверждение дает нам основание считать слово урал внесенным извне, возможно, и из тунгусских (эвенского и эвенкийского) языков.

Обратимся к историческим фактам, косвенно подтверждающим наше предположение. Известный этнограф-тунгусовед В.А.Туголуков в книге "Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири", ссылаясь на исследователей прошлого, приводит множество фактов, подтверждающих обитание в Западной Сибири предков современных эвенков и эвенов. Так, В.А.Туголуков приводит слова англичанина Джосисаса Логана, совершившего еще в 1610-1611 годах путешествие на Печору: "Здесь есть также люди, называемые тунгусами ("тунгуссиес"), страна которых находится за реками Обью и Тазом ("Таес") и доходит до большой реки Енисей". Здесь же Туголуков отмечает: "На карте Сибири, приложенной к труду И.Масса (голландца), на левом берегу Енисея, ниже устья р. "Тогергаеф" сделана надпись: "Тингоеси" ("Тунгусия") (стр. 239). В этой же работе Туголуков, ссылаясь на Г.Ф.Миллера, утверждает, что во времена последнего существовала волость барабинских татар Чангулы, именовавшаяся в те времена Тунгусской, а в ней находился укрепленный

городок Тунус. На территории разбираемого нами региона встречалась еще одна татарская волость Кулема, называвшаяся в то время по-русски Кулемба, а по-татарски Кулюба. Источники XVII в., по данным В.А.Туголукова, упоминают ниже по Иртышу еще две волости — Лобутан и Калыму, которых другой исследователь В.О.Долгих считал татарскими.

Далее В.А.Тоголуков, ссылаясь на других авторов (в частности, на З.Н.Соколову), отмечает наличие тунгусских этнонимов среди обско-ваховских "остяков", т.е. хантов (иртышский князец Самар), а также среди "самоедов" (энцев) — чильчгир, кичигир, а также Аседа, Селирта, Ючи — среди чулымских татар. При этом в данном регионе вплоть до 20–30-х годов XX в. отмечались роды явно эвенкийского или эвенского происхождения как: Баяки, Кему, Килтынэ, Кима, Турумби и Чемба. Мы поддерживаем идею В.А.Туголукова о том, что названия Лобутан и Калыма могут быть соотнесены с этнонимом ламут и с гидронимом Колыма. Для подобного утверждения имеются следующие основания: во-первых, в книге "Колониальная политика Московского государства в Якутии" утверждается, что служивый человек Андрей Горелый в 1654 г. ходил в поход на индигирских ламутов Лаузенья и его сородичей. Сын этого Лаузенья Лобута был взят в аманаты и сидел в Зашиверском остроге. Таким образом, предположения В.А.Туголукова о том, что название волости Лобутан и имени Лобута, имеют ламутское происхождение, на наш взгляд, кажется вполне правдоподобным.

Мы в свою очередь, приводим еще другие факты, которые могут служить дополнительным подтверждением правомерности отнесения этих слов к эвенскому языку. На карте современной Якутии можно найти множество топонимов, которые, несмотря на разные транскрипции, могут быть отнесены к ламутскому, то есть к эвенскому языку. Так, в Оймяконском улусе Республики Саха имеется озеро Лабынкыыр, которое переводится как "озеро

ламутов" или "ламутское озеро". Ламунжинский род эвенов Кобяйского улуса по источникам XVIII–XIX в.в. назван то лабухинским, то лабушинским, то лабыхинским. По сообщению Ефима Николаевича Васильева, в свое время работавшего председателем исполкома районного Совета народных депутатов бывшего Орджоникидзевогo, ныне Хангаласского улуса (района), уроженца Хангаласского улуса, родившегося в начале 30-х годов недалеко от мест, которые сегодня известны как Ленские столбы, эти места еще до относительно недавнего времени назывались Лабыдья или Лабыыда. При этом предки Е.Н.Васильева, относившиеся к роду Агдаакы (Агдарил, Эгдэрил) в XIX веке, считались тунгусами, как и многие проживавшие в этих местах. Это дает основание предположить, что топоним Лабыдья или Лабыыда является одним из вариантов якутской транскрипции эвенского или эвенкийского ламугида или намгида, что в обоих случаях означает одно и то же, а именно "ламутская сторона" или "сторона, за которой проживают ламуты". Подобные транскрипции тунгусских названий часто встречаются на карте Якутии. Так, ниже устья реки Алдан имеется остров Ныкаада. Название Ныкаада означает "сторона, за которой проживают якуты" или "якутская сторона".

Один из притоков реки Томпо называется Кунхода (Тунхода). Анализируя эвенскую топонимику Томпонского улуса Республики Саха (Якутия), мы пришли к выводу, что слово Кунхода, это несколько измененное эвенское Кумкогида, означающее в переводе "сторона, за которой проживает род Кумка" или "сторона кумкогиров". Следовательно, топоним Лабыдья или Лабыыда, также как и Кумода, является несколько измененным вариантом эвенкийского и эвенского слова Ламугида, что означает "сторона, за которой живут ламуты (эвены) или "ламутская (эвенская) сторона". Поэтому мы считаем, что встречающийся в Западной Сибири топоним Лобутан или Лабутан, а также встречающиеся повсеместно на территории Республики Саха (Якутия) топонимы Лобута, Лабынкы-

ыр, Лобыыда, Лобушинский, при всей кажущейся разнице в транскрипции и огласовке, а также в многообразии аффиксов, сохраняют одну единую основу, от которого они произошли, а именно: тунгусское (эвенкийское) и эвенское ламут (намут) *"приморчанин"* или *"житель морского побережья"*. Так называли себя в прошлом предки современных эвенов.

Это дает основание считать, что племена тунгусского происхождения, предки современных эвенков и эвенов, еще далеко до XVII в., возможно, в XV–XVI в.в. освоили регион Западной Сибири вплоть до Уральских гор. А если соединить факт пребывания тунгусов в регионе Западной Сибири, подтверждаемые архивными и другими источниками, с высказываниями топонимистов В.А.Никонова и Э.М.Мурзаева, то вполне допустимо предположить, что слово *Урал* имеет тунгусское происхождение. Исходными могут быть эвенкийское ура со значениями *"гора"*, *"похожий, одинаковый, сходный"*, а также эвенские урэк, урэл со значениями: *"одинаковый"*, *"похожий"* *"сходный"* и производное от них урэкчэн со значением *гора*. Слово урэкчэн по принципу эвенского словообразования первоначально имевшее семантику *"похоженький"*, *"сходненький"*, *"одинаковый"*, стало применяться в значении *"гора"*. Такое словообразование, на наш взгляд, вполне соответствует традициям предков эвенов и эвенков, которые из-за анимистических представлений фиксировали в своем словарном запасе непонятные явления или объекты природы с некоторой опаской, подчеркивая или отмечая лишь визуально заметные особенности, в данном случае, сходство всех горных образований. В дальнейшем при словесной фиксации происходит уточнение особенностей горных образований по тому же принципу. Об этом свидетельствует этимология практически всех слов на эвенском языке, которыми обозначаются разновидности гор, горных образований, возвышений.

Использование анатомических и бытовых терминов для обозначения особенностей ландшафта

Ити — *"лицо"*. Урэжчэн итин — буквально *"лицо горы"*, то есть *"склон горы"*.

Меван, мевчан — *"сердце"*, *"сердечко"*. Термином мевчан или меван эвены обозначают горы, напоминающие своей конфигурацией сердце животного, установленное острием вверх. Термины меван и мевчан употребляются как общие географические термины, так и конкретные оронимы, то есть название гор.

Нири — *"хребет"* или *"горная гряда"*. Термин нири происходит от глагола нирдай, что означает в переводе *"отделять"*, *"расчленять по частям"*. Таким образом, предки современных эвенов, да и эвенков, в горной гряде подметили то, что горная гряда или хребет состоят из отдельных гор, соединенных между собой, которые условно могут быть отделены на составляющие. В этой связи следует отметить и то, что небольшие камни, составлявшие некогда один большой камень, эвены называют нирги, по-русски *"щебень"*, а участок горы или местности, состоящий из этих мелких камней, ниргин. Термин ниргин как микрогеографический термин употребляется и для обозначения мелководного участка реки, состоящего из мелких камней. В этом случае термин ниргин имеет значение *"мелководный участок"*. Таким образом, слова нири, нирги и ниргин, происходящие от глагола нирдай *"расчленять"*, означают разные особенности горного ландшафта, породы камней и водного участка.

Онот — буквально *"мыс"* или *"нос"*, то есть *"выступающий от других частей участок горы"* или *"выступающая гора"*. Интересно отметить этимологию слова онот *"нос"* или *"мыс"*. Слово онот произошло, на наш взгляд, от основы глагола одай *"делать"*, *"сделать"*, *"творить"*, то есть в представлении предков онот является как бы кем-то сотворенным, специально сделанным. Слово онот, таким образом, в переводе означает *"сотворенное"*.

Хәрилэ – “*скала, стоящая на вершине, окраине горы*”, то есть “*скала, находящаяся как бы на крестце (һәри)*”.

Хөрөгэ – “*гора, расположенная в междуречье, несколько отдаленная от основных гор глубокой седловиной*”. Термин һөрөгэ образован от существительного һөрөгөн, означающего в переводе на русский язык “*большой палец*”. Образование существительного от другого существительного усечением конечного согласного этого существительного эвеноведами-лингвистами не отмечено.

Төнөк (төнэк) – “*седловина*”. Термин төнөк (төнэк) образован от основы глагола төдэй “*наступать*”, присоединением аффикса –нөк, (–нэк), образующего существительные со значением результата воздействия на другой объект или единственности подобного воздействия. То есть слово төнөк, буквально: “*наступленное однажды кем-то*” или “*одинокий след чьей-то ступни*”. Слово төнөк обычно подменяется словом эмгун или эмгумдэс “*седло*” или “*похожее на седло*”. Аффикс –дас(–дэс) образует существительное со значением сравнения с каким-либо предметом.

Ангида или **ангав** – “*правая сторона*”. Следует отметить одну особенность ориентирования эвенов в определении правой или левой сторон того или иного географического объекта (рек, озер, гор). В отличие от общепринятой в географической науке точки отсчета в определении правой или левой стороны рек с начала истоков реки или озера, соответственно окружающих их гор, эвены определяют эти стороны в зависимости от положения самого человека. Подобное ориентирование, видимо, связано с необходимостью постоянной сверки своего места расположения даже там, где не всегда сразу можно определить, на какой стороне находится исток реки, особенно небольшого ручья, текущего по низменным местам. Ориентирование, исходя из конкретной обстановки, более практично при повседневном общении с окружающей средой.

Эвены могут сказать ангав или ангида окат “*правая река*”, ангида биракчан “*правая речка*”. Эти же выражения они могут заменить выражением “*ангида до*”, где слово

до, означающее в буквальном переводе "составляющая", употреблено в значении "приток". В этом случае выражение ангида до будет означать "правая речка этой реки" или "речка, впадающая с правой стороны этой реки".

Анта – "правосторонний (-ая, -ое)", "правша (то есть антоним к левше)". Слово анта, как и вышеприведенные слова ангида, ангав, образовано от основы прилагательного анги "правый" присоединением аффикса –та, образующего существительные и прилагательные с обобщающим значением. В зависимости от контекста слово анта может быть или существительным со значением "правосторонность", "правша" или прилагательным со значением "правосторонний". Например, в предложении: Анта урэжчэл ичуснэ. Показались правосторонние горы. Слово анта употреблено в значении прилагательного. Хотарон антатки угоррон. Дорога уходит в правую сторону. Во втором предложении слово антаки употреблено, скорее всего, в роли существительного, где превалирует семантика слова "сторона". Однако термин анта в значении "правосторонность" или условно "правша", как и "левша", чаще употребляется в бытовой терминологии, например: анта бэдэлэл – "только правые ноги", анта унтал – "унты на правую ногу". В существующей научной литературе по эвенскому языку наличие и роль аффикса –то(тэ) в указанном нами значения не отмечена.

Антав(г) – "лес, растущий по склонам гор на правой стороне реки". Термин антав(г) образован от основы прилагательного анта "правосторонняя" присоединением аффикса –в(г) образующего существительные со значением обобщения.

Антав(г). 1. Небольшой лес на склоне горы по правой стороне реки. 2. Правосторонний лес на склоне горы. 3. Любый лес на склоне горы, расположенный в удалении от основного лесного массива. В первом случае под словом антав(г) превалирует базовое понятие "правая сторона" от слова анта "правая", "правая сторона". Во втором случае слово антав(г) потеряло свое базовое, основное значение, и в

данном случае превалирует понятие “лес на склоне горы”, то есть слово антав(г) превратилось в символ несколько другого понятия. В этой связи можно отметить, что тунгусоведы-лингвисты (Г.М.Василевич, В.И.Цинциус), а вслед за ними специалисты других отраслей науки (Ф.К.Комаров, Э.М.Мурзаев, известный якутский топонимист М.С.Иванов) уловили лишь основное значение термина антав. Они не заметили производную семантику данного слова “лес на склоне горы”, так как не были знакомы с отдельными традициями предков эвенков и эвенков, в том числе по ориентированию на местности.

Обозначение ландшафта на истоках горных рек

Дэрэн. 1. *Исток реки.* Термин дэрэн образован от основы глагола дэдэй(-дэ) “отвисать”, “нависать”, присоединением аффиксов -р(-рэ) и -н, образующих существительные со значением обобщения. Дэр “плоскость на вершине горы”, “отвисшее или отвисаемое место”, дэрэн “отвисаемая местность”. 2. *“Перевал в верховьях (истоках) горной реки”.* 3. Дэрэн. Изменение ударения и присоединение аффикса притяжательности -н к основе дэр- придает несколько иную семантику данному слову. В данном случае дэрэн скорее всего означает “отвисшая его (истока) плоскость, равнина”, так как базовое слово дэр употреблено в значении “плоскость”, “равнина”, то есть дэр в первом случае “отвисшее место”, дэр во втором случае “отвисшая плоскость или равнина”.

Оба — “небольшое понижение на местности” или “низменность, окруженная возвышениями в истоках горной реки”. Термин оба образован от основы глагола одай “делать” о- и присоединением аффикса -ба, образующего существительные со значением результата действия. В буквальном переводе оба означает “нечто сделанное” или “нечто приготовленное”. Подобное словообразование является характерной особенностью эвенского словотворчества.

Омчак (омчок, омчик) — *“низменность в истоках реки, окруженная со всех сторон возвышениями”*. Существительное омчак образовано от причастной формы глагола одай присоединением аффикса -к, образующего существительные со значением последствий действия. Термин “омчак” означает *“нечто само сделанное”* или *“нечто само приготовленное”* или *“сотворенное”*.

Обозначение гор и возвышенностей по их конфигурации, высоте и особенностям их склонов

Достаточно разнообразна лексика эвенского языка, отражающая различия гор и возвышенностей по их конфигурации и высоте. Об этом рассказывают следующие термины.

Амкан — *“горка”, “бугор”*. Об этимологии данного слова трудно сказать что-либо однозначное. Однако исходя из закономерностей эвенского языка, то есть чередования звуков в корне (внутренняя флексия или абляут), можно предположить, что слово амкан образовано от основы глагола эмэндэй(эм-) *“подняться на высоту”, “прийти на вершину горы”*, присоединением аффикса -кан, образующего существительные с уменьшительным значением. Подобное изменение звуков в корне в эвенском языке служит для образования слова с другой семантикой, например: атикан *“старуха”*, этикэн *“старик”*, ака *“брат”*, экэ *“сестра”* и т.д. В переводе с сохранением собственно-эвенской этимологии термин амкан означает *“то (место), на которое можно подняться быстро”*.

Эмкэр или өмкэр — *“берег реки”, “небольшое возвышение”*. Термин эмкэр образован от основы глагола эмэндэй (эм-) *“подняться”*, присоединением аффикса -кэр, -кар, образующего существительные со значением признака действия. В существующей литературе по эвенскому языку значение суффикса -кар(кэр) не раскрыта.

От эвенского термина эмкэр, на наш взгляд, заимствован якутский термин эмпэрэ, означающий “крутая скала” или “крутой обрыв”.

Слово эмкэр в переводе с сохранением его этимологии означает “то (место), на которое можно моментально подняться или с которого можно моментально спуститься”. В связи с этимологией терминов амкан и эмкэр следует высказать следующее уточнение. Как мы отметили выше, термины амкан и эмкэр произошли от основы глагола эмэндэй “подняться на высоту”. В свою очередь слово эмэндэй является дериватом, то есть производным от глагола өмдэй “прийти” или “приходить”.

Арбун – “постепенно понижающаяся узкая полоса горного междуречья”. Термин арбун произошел от основы глагола арбудай или арбукулбудай “измельчать”, “понижаться”. Присоединение к основе арбу–аффикса –н, образующего существительные со значением обобщения, придает слову несколько иную семантику, чем базовое слово. Слово арбун в переводе на русский язык означает “понижение горы”, “снижение высоты”, т.е. как бы происходит постепенное понижение высоты или горы. Следует отметить, что не всякая дельта или не всякое горное междуречье может быть названо словом арбун. В этой связи можно заметить, что авторы “Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков”, а вслед за ними Э.М.Мурзаев, автор “Словаря народных географических терминов”, допустили с точки зрения эвенков и эвенов неточность, сведя семантику слова арбун к дельте, междуречью или склону горы.

Гудан. 1. “Возвышенность”. Термин гудан образован от прилагательного гуд “высокий” присоединением аффикса –н, образующего существительные со значением обобщения. 2. “Возвышающаяся над всеми гора”. Термин гудан образован, как и термин гудан (1), но приобрел несколько иную семантику. И в первом, и во втором случае термин гудан может быть использован как название конкретной возвышенности или горы. Так, на севере Красно-

ярского края на левой стороне устья реки Енисей имеется Гыдакский полуостров, который незначительно возвышается над ближайшей низменностью. На территории Кобяйского улуса Республики Саха (Якутия) в верховьях реки Нера, впадающей в правый приток реки Алдана в реку Тумара, расположена гора, возвышающаяся над всеми остальными горами, и называется Гудандья, что означает *“возвышающаяся над всеми”* или *“самая высокая гора”*.

Эг. 1. *“Труднодоступная самая высокая часть или сторона горы”*. 2. *“Труднодоступная, самая высокая гора”*. В эвенкийском языке имеется слово близкое по фонетическому оформлению слова экса. Но эвенки, по данным Г.М.Василевич, подразумевают под этим словом любую скалу. По нашему предположению, термин эг в эвенском языке, скорее всего, является усеченным вариантом прилагательного эгден, означающего в переводе на русский язык *“большой”, “крупный”, “высокий”*.

Иас(яс) — *“невысокие безлесные пригорки, тянущиеся вдоль долины реки или вдоль самой реки, как бы окаймляющие эту долину или эту реку или яр”*. Вместе с тем, в обыденной речи нередко встречается неадекватность понимания семантики слов, обозначаемых словом иас в эвенском языке, словом яр в русском и словом хайа в якутском языках. Так, невысокие безлесные пригорки, тянущиеся вдоль долины Туймаада и реки Лена, по якутски называют Чочур-Мыраан хайата, по-русски горы Чочур-Муран, при этом значение выражений практически адекватно. В понимании же эвена, это не горы, а всего лишь пригорки (по-эвенски иас) с указанной нами выше семантикой.

Ниргин. 1. *“Мелкие, расчленяющиеся на части камни”* (*“щебень”*). 2. *“Склон горы из мелких расчленяющихся камней (щебня)”*. Термин образован от отглагольного существительного нирги *“расчлененный (камень)”*. Существительное нирги образовано от основы глагола нирдай *“расчленять”, “отделять по суставам”*. Присоединение к существительному нирги аффикса -н образует слово со

значением обобщения или множественности. 3. *“Пережат на реке”, “мелководный участок в русле горных рек”*. Термином ниргин, используемым для обозначения склона горы, эвены обозначают и речные пережаты, потому что на этих участках в результате ослабления силы течения накапливаются мелкие камни, называемые эвенами ниргин.

Элдэннэ. 1. *Склон горы.* Термин элдэннэ образован от основы глагола элдэрэй *“сбросить рога”, “падать с корнем”*. Присоединение к основе элдэ аффикса –ннэ образует существительное со значением последствий или результатов действия. В данном случае следует предположить, что предки эвенов неровный склон горы уподобили с основанием сброшенных рогов. 2. *Любое неровное место с небольшим уклоном.*

Ниндики¹ – *“гора или скала, поднимающаяся ступенчатой лестницей”, “складчатость”*. Термин ниндики образован от основы глагола ниндэй, означающего в переводе на русский язык *“вырезать ступенчато”*, присоединением аффикса –ики, образующего существительные со значением результата или образа действия. Таким образом, ниндики означает *“вырезанное ступеньками”, “складчатость”*. **Ниндики**² – 1. *“бурный или коксующийся уголь”*. 2. *Пласт угля на разрезе скалы.*

Нондики – *“возвышающаяся над всеми другими горами”*. Термин нондики образован от основы глагола нондэнчидэй *“возвышаться”*, присоединением аффикса –ики, –ки, образующего существительные со значением обобщения признака или качества предмета. Следует отметить, что, несмотря на достаточно большое количество существительных, образованных присоединением аффиксов –ики, –ки (например, һелики, дэлики, һиники, һорики, дилики и т.д.), словообразующее значение этих аффиксов эвеноведами практически не раскрыто.

Нондан – *“мыс”, “выступающая часть горы”*, буквально *“натыкаемое место”*. Термин нондан образован от основы глагола нондадай *“наткнуться”*, нонда– присоединением аффикса –н, образующего существительные со значением обобщения.

Хөвтэн – *“склоны горных образований, расположенных с одной стороны горной реки”*. Термин **хөвтэн** образован от глагола **хөвтэрдэй** *“идти или ехать по склонам гор, расположенных с одной стороны реки”*. Присоединение к основе указанного глагола **хөвтэ** аффикса **-н**, имеющего обобщающее значение образует существительное со значением множественности *“склоны гор или множество горных склонов, расположенных с одной стороны горной реки”*.

Обозначение по наличию различных пород камней или растительности

Тагин – *“склон горы, горная равнина сплошь покрытая камнями”*, в смысле *“каменистая”, “каменистый”, “каменистость”*. Слово **тагин** образовано от существительного **таг** *“соляная известь”, “каменная соль”* присоединением аффикса **-н**, образующего существительные со значением обобщения. В переводе на русский язык **тагин** означает *“каменистость”, “каменистый”, “каменистая”*. Как известно, слово **таг(даг)** в тюркском и монгольском языках означает *“гора”*. **Тал** – *“месторождение соляной извести”*.

Төрнэ – *“горная равнина или склон горы с мягкой почвой”*. Термин **төрнэ** образован от существительного **төр**, означающего в переводе *“земля”*, присоединением аффикса **-нэ**, образующего существительные с обобщающим значением. В переводе на русский язык термин **төрнэ** означает *“горная равнина или склон горы с мягкой почвой или растительностью”*.

Төнмэк – *“горная равнина, покрытая мягкой почвой и растительностью”*. Термин **төнмэк** образован от основы глагола **төндэй** *“наступать”*, присоединением аффикса **-мэк**, образующего существительные со значением предназначения. В переводе с сохранением семантики слово **төнмэк** означает *“место или равнина, где можно безбоязненно (смело) наступать”*.

Хилик — *“небольшой горный луг”*. Термин **хилик** образован от глагола в повелительном наклонении **һидай** “скоблить”, “выскоблить” присоединением аффиксов **-ли**, образующего глагол повелительного наклонения и **-к**, образующего существительные с уменьшительно-обобщающим значением, и означает *“небольшая выскобленность”*, точнее *“небольшое выскобленное место”*, “лысина”.

Хилир — *“луг на склоне горы”*. Термин **хилир** образован от того же глагола повелительного наклонения **һили** присоединением аффикса **-р**, образующего существительные с большей степенью обобщения и означает *“сплошная выскобленность”* или *“сплошное выскобленное место”*, то есть отсутствие леса на склоне горы уподобляется скобленному месту, лысине.

Хиликаг — *“сплошной горный луг, охватывающий весь склон горы”*. Образован так же, как и термины **хилик** и **хилир** от основы **һили** присоединением аффикса **-каг** (**-кав**), образующего существительные со значением совокупности или множественности предметов.

Хинникэг — *“склон горы или равнина, покрытая выступающими из-под земли или нагроможденными беспорядочно камнями”*. Термин **хинникэг** образован от отглагольного существительного **һинни** “выступающий из-под земли камень”, присоединением аффикса **-кэг** (**-каг**), образующего существительные со значением множественности или обобщения.

Обозначение ландшафта в зависимости от зоны

Авлан — *“чистое пространство, где нет растительности, кроме кустарников и мелкого редколесья”*.

Авляя — *“чистое пространство значительных размеров”* (буквально: множество чистых пространств). Существительные **авлан** и **авляя** произошли от слова **авал**, означающего в переводе на русский язык *“недостаток”*, *“отсутствие чего-либо”*, *“нехватка”*. Аффиксы **-н** в слове **авлан** и **-я** в слове **авляя** образуют существительные с

разным уровнем обобщения. Авлан означает "чистое пространство", "отсутствие леса", авлая "множество чистого пространства", "большое пространство, где нет леса", то есть тундра.

Дендэ(-дэнрэ) – "лесотундра" или "горная тундра" (сравните эвенкийское дуннэ "земля"). Горная тундра, обозначаемая эвенами дендэ(-дэнрэ) отличается отсутствием каменистой почвы, то есть обилием мягкой почвы.

Мэйэн – "лесистая низменность", "таежная низменность". В эвенском языке имеется существительное со значением бесчисленного количества предметов, которое называется мэйнэ. Например, когда в тундре собирается несметное количество диких оленей, эвены называют буйун мэйнэн, что означает "несметное количество диких оленей", так же говорят дьөлэкэ мэйнэн "несметное количество зайцев", һелики мэйнэн "несметное количество куропаток". Аналогично этому можно предположить, что мэйэн означает "несметное количество лесов", то есть "тайга".

Тэбдэр – "лесная зона, где изобилуют высокорослые деревья", "тайга".

Тэнкэ – "стройный высокорослый хвойный лес в долине рек".

Хиги – "лес", буквально "выросшее", "разросшееся". Существительное хиги образовано от основы глагола һедэй (-һидэй) "появиться", "расти", присоединением аффикса -ги, образующего существительные со значением результата действия означает "выросшее", "разросшееся", т.е. "лес". В большинстве существующей литературы по эвенскому языку как наиболее правильная или древняя форма слова хиги "лес" приводится форма исаг с тем же значением. На наш взгляд, форма исаг "лес" является усеченной формой слова һисаг "множество разросшегося" или "лес", так как слово һисаг и слово исаг с тем же значением произошли от основы глагола һедэй (һидэй) "появиться", "расти", "разрастись".

Исаг муданни – "край леса". Словосочетание исаг муданни образовано сочетанием слова исаг, означающего "множество разросшегося", т.е. "лес" (исаг усеченная фор-

ма слова *hисаг*) и слова *муданни*, означающего в переводе "его конец".

Обозначение леса по наличию тех или иных пород растительности

Астакаг — "ельниковый лес". Термин *астакаг* образован от существительного *аста* "ель" присоединением аффикса —*каг*, образующего существительные со значением обобщения. *Астакагапчи* "преимущественно ельниковый лес". Термин *астакагапчи* образован от существительного *астакаг* присоединением аффикса —*пчи*, образующего прилагательные со значением обладания большим количеством предметов.

Болгикаг — "стланниковый лес", образован от основы существительного *болгит* "стланник", присоединением аффикса —*каг*. *Болчикагапчи* — "преимущественно стланниковый лес".

Бургаг — "тополиный лес". Термин *бургаг* образован от существительного *Бур* "остров", присоединением аффикса —*гаг* (*каг*) и в переводе с сохранением этимологии означает "островками растущий" или "островной". *Бургагапчи* "преимущественно тополиный лес".

Дөктөкэг — "ольховный лес". Термин *дөктөкэг* образован от существительного *дөктө* "ольха" присоединением аффикса —*каг*.

Дягдакаг — "сосновый лес". *Дягда* "сосна", аффикс —*каг*. *Эвены-намотканы* называют *дъавда*. Надо полагать, что в данном случае слово *дъавда* происходит от глагола *дъавдай*, означающего: 1. *Липнуть, прилипнуть, в смысле липнуть смолой или смолистостью.* 2. *Дъавда* — "легкий для обработки или строительства".

Ирэкэг — "лиственная поросль" или "лес из поросля лиственницы". Термин *ирэкэг* образован от существительного *ират* присоединением аффикса —*кэг*. *Ирэкэгэпчи* "лес, состоящий из преимущественно лиственного поросля".

Нантавли — *“лес с шишками”*. Термин нантавли образован от существительного нанта *“шишка”* присоединением аффиксов —г(в) и —ли, образующих существительные со значением обобщения и резко выраженного качества.

Нермикэгчэк — *“лес, состоящий из молодых ветвистых лиственных деревьев”*. Термин нермикэг образован от существительного нерми *“молодая ветвистая лиственница”*, присоединением аффиксов —кэг и —чэк. Нермикэгчэгэлчи *“лес, состоящий из преимущественно молодых ветвистых лиственниц”*.

Нивэкэг — *“кустарник из карликовых берез”*. Термин нивэкэг образован от существительного нивэт *“карликовая береза”* присоединением аффикса —каг. Нивэкэгэлчи — *“кустарник из преимущественно карликовых берез”*.

Хетакаг — *“кустарник из тальников или ивы”*. Термин хетакаг образован от существительного хета *“тальник”, “ива”*, присоединением аффикса —каг. Хетакагапчи *“кустарник преимущественно из тальников или ивы”*.

Хулапчи — *“преимущественно из осины”*. Хул *“осина”*, —пчи — аффикс.

Чалбукаг — *“березовый лес”, “березовая роща”* образован от существительного чалбан *“береза”* присоединением аффикса —каг. Чалбапчи *“преимущественно березовый лес”*.

Обозначение местности по наличию ягод или ягодных кустарников

Гуйкитапчи — *“много голубичных кустов”*. Гуйкит — *“голубика”*, буквально *“забодаемая”, “сбиваемая”*. В старину званы голубику собирали сбивая ее с кустов битком из коры березы (туесом). Слово гуйкит образовано от основы глагола гуйдай (гуй—): 1. *Забодать*. 2. *Сбивать*. 3. *Встряхивать*, присоединением аффикса —кит, образующего прилагательные или существительные со значением способа действия по отношению к данному предмету.

Гуйкитакагапчи – “много голубичника”.

Игэлтэлчи – “много красной смородины”. Игэлтэкэгэлчи – “много кустов красной смородины”.

Орбатапчи – “много черной смородины”. Орбат – черная смородина, а также охта. Орбакагапчи – “много кустов черной смородины или охты”.

Хемтэкэгэлчи – “много брусничных кустов”. Хемтэлчи – “много брусники”. Хемтэ – “брусника”.

Умтичапчи – много кустов шикши. Умтичан – шикша.

Примечание:

1. В связи с тем, что другие ягоды, кроме перечисленных, а также кустарники, на которых они растут, в большинстве территорий проживания эвенков встречаются мало, то указанные нами в данном разделе формы от слов, обозначающих такие кусты и ягоды, не образуются.

2. Наличие двойного значения при одной и той же форме, например, гуйкитакагапчи “много голубичника” и гуйкитапчи “много голубики” отражает, видимо, объективную реальность, а именно то, что не во всех ягодниках ежегодно растут ягоды.

Обозначение местности по наличию однолетней или другой дикорастущей зелени (по растительному покрову из скороспелых растений)

Кабавли – “место обильное сибирским борщевиком”. Термин образован от существительного кабав(г) “сибирский борщевик”, присоединением аффикса –ли, образующего прилагательные высшим признаком качества.

Кабагапчи – “место обильное преимущественно сибирским борщевиком”. Слово кабагапчи произошло от существительного кабав(г) присоединением аффикса –пчи, образующего прилагательные со значением обладания большим количеством качества.

Навтакаг – “ягельник”, “ягельные места”, образован от существительного навта “ягель”, присоединением аффикса –каг. Навтакаганчи – “преимущественно ягельные места”.

Нергэтэпчи – “место, где преимущественно растет пушица влагалищная”. Термин образован от существительного нергэт “пушица влагалищная” присоединением аффикса –пчи.

Нантавли – “лес с множеством шишек и орехов”. Нанта – “шишки”, “орех”, аффикс –в образует существительное со значением обобщения “лес с шишками”, –ли образует прилагательное с большим признаком обладания этим качеством “лес со множеством шишек и орехов”.

Хибэгэпчи – “место, где обильно растет хвоц”. Термин хибэгэпчи образован от существительного хибэг “хвоц” присоединением аффикса –пчи, образующего прилагательные, а также существительные со значением большим признаком обладания.

В этой связи можно сделать следующее отступление, чтобы связать в дальнейшем с весьма интересным предположением. В тунгусо-маньчжурских языках, по данным двухтомного “Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков”, выпущенного под редакцией известного тунгусоведа-эвеноведа профессора В.И.Цинциус, корни си-(се-) и хи(–хе) являются достаточно активными корнями, присоединением к которым образуются множество слов, переводимых на русский язык со словами, связанными с понятиями расти, появиться, всходить, просочиться, показаться и т.д. Одним из таких слов, отмечаемых в большинстве тунгусо-маньчжурских языков, а также как заимствованное из этих языков в некоторых других, является слово сивэктэ “хвоц”, буквально: “обильно растущее или ступенчато растущее”. Хвоц по-эвенкийски означает – сивэу или сивэр (баргузинский диалект), по-эвенски –хивэу, по-негидальски – сивуктэ, по-маньчжурски – сиба (~сибэ). Однако эвены и эвенки под словом сивэу (~хивэу) “обильно растущее”, “растущее ступенчато” имеют ввиду не только хвоц или траву “гусятник”, но и заросли вечнозеленого кустарника, растущего по до-

линам рек, а также заболоченную лужайку, реже – обильно растущие полевые цветы. Интересно отметить, что на письменномонгольском и монгольских языках заболоченную чащу называют *siber*, шивер. Далее понятие лесная чаща в тунгусо-маньчжурских языках выражается словом *сиуи*, в эвенкийском – *сиуи*, в эвенском – *һиги*, буквально: “выросшее”, негидальском *сиву*, маньчжурском – *ши(~шува)*, в письменномонгольском *siyu* в всех этих словах, несомненно то, что единый корень *си-(si-)* связан с понятием расти, вырасти. По данным русско-китайского справочника, передающего китайские слова, латинской транскрипцией слово растение обозначается словом *zhiwi*. И в этом слове отчетливо проглядывается корень *zhi-*.

Как видно из приведенного, во всех указанных языках понятия растение, хвощ, чаща, лес очень близки по фонетической и морфологической структуре, более того и по семантике. Исходя из всего из этого, можно предположить, что такой макротопоним, как Сибирь, происхождение которого еще не имеет объяснения, мог произойти от монгольского *siber* или шивер “заболоченная чаща”, связанного по своей этимологии с понятиями “растение”, “появление”, “возникновение” и т.д.

Тунгусо-маньчжурские народы и монголы, ранее обживавшие зону степей, где почва отличается засушливостью и по этой причине относительно небогатым растительным миром, попав на юг современной Сибири, где много заболоченных чащ и просторов с богатой растительностью (громadne луга, лесные просторы, тайга), могли обозначить этот богатый регион словом *siyэг*, шивэр, что приобрело впоследствии в русской огласовке и транскрипции Сибирь. При этом суффикс *-р*, который присутствует во всех указанных языках, кроме китайского, служит для образования существительных со значением обобщения того или иного обильного качества, признака, свойства и т.д. С учетом этого слово *siyэг*, шивер или впоследствии Сибирь означало, видимо, “места с богатой или обильной растительностью”.

Косвенным подтверждением правомерности подобного предположения могут быть следующие обстоятельства.

Первое. На огромной территории восточнее Урала вплоть до Тихого океана и от северных территорий Китая до Северного Ледовитого океана обнаруживаются топонимы тунгусского происхождения, в том числе топонимы, в основе которых имеются корни си-(се-), хи-(хе-). Так, в регионах проживания современных эвенов и эвенков (Красноярский край, Саха (Якутия), Магаданская область, Чукотка) повсеместно встречаются топонимы Сивэги, Хивэгэндэ, Сивэгчэн, Чыыбагылаах (якутский вариант огласовки и транскрипции того же названия) и т.д. На северо-востоке Республики Саха (Якутия) по территории Среднеколымского улуса протекает речка с названием Сивер, на долинах которой растет много хвощей и кустарников.

Второе. По данным исторической науки, в том числе археологии, подтверждается пребывание тунгусо-маньчжурских народов на территории всего этого огромного региона еще задолго до освоения его русскими первопроходцами.

Третье. Еще персидский летописец Рашид-Ад-дин в "Сборнике летописей" среди монгольских и тюркских племен перечисляет племена, которые проживали в Ибири и Сибири и которых вполне возможно отнести к предкам современных эвенов и эвенков или к тунгусо-маньчжурским племенам.

Сочетание ибир-сибир встречается и в современном якутском языке, например, ибир-сибир дойдуттан. В этой связи можно отметить следующее. Выражение ибир-сибир в якутском языке заимствовано из монгольского и тунгусо-маньчжурских языков. Отсутствие в начале слова ибир начального с или фарингального h является закономерностью многих диалектов эвенского языка, в частности быстринского, арманского. Так, представители быстринского диалекта вместо садай или haдай "знать", говорят адай "знать", то есть здесь начальный фарингальный h исчезает.

Займствование из тунгусских языков слов, начинающихся с корня си-(се-) или һи-(һе-), с указанными выше семантикой в тунгусских языках, достаточно часто встречаются в якутском языке. Так в современном якутском языке имеются слова сибэкки *"цветки"* и сибизэн *"домовой"*, *"лесной"*. Слово сибэкки большинством специалистов, в том числе тунгусоведов, считается заимствованным от русского *"цветки"*. Но мы можем высказать иное мнение. Якутское сибэкки *"цветки"* является заимствованным из тунгусских языков, а именно от слова һивэги, сивэги *"хвоц"*, буквально *"растущее"*, *"произрастающее"*. Этимология и семантика слова һивэги (сивэги) в данном случае несколько другие, чем мы привели выше. В этом случае семантика слова һивэги(сивэги) приобретает как бы дополнительный оттенок, а именно: *"дополнительно растущее"* или *"растущее ступеньками"*, то есть цветок любого растения соотносится к дополнительному росту или дополнительной ступеньке растения.

Слово же сибизэн в указанном нами значении заимствовано от тунгусского һибизэн, означающего буквально *"появляющееся"*, *"показывающееся"*. Эти последние два примера о происхождении якутского сибэкки от тунгусского сибэги и сибизэн от глагола һедэй *"появляться"*, *"расти"* являются как бы дополнительным подтверждением происхождения макротопонима Сибирь от тунгусо-маньчжурского сивэр(шивэр), означающего в современном понимании *"места (регион) с богатой растительностью"*.

Хинтапчи (һентапчи) *"место, где обильно растет сарана (лилия даурская)"*. Термин образован от существительного һинта (һента) *"сарана, лилия даурская"* присоединением аффикса -пчи.

Хирбагалчи — *"место, где обильно появляются почки тальника или ивы"*. Термин һирбагалчи образован от существительного һирбаг(в) *"почка тальника, ивы"* присоединением аффикса -пчи.

Обозначение местности по болотистости, по наличию сухих мест и по отношению к той или иной местности

Булун, булэгды, булэлкэн, булэн, булун, булур.

Все указанные выше слова произошли от существительного булэ, означающего в переводе на русский язык: "типа", "болото", "водоросль". Присоединение к основе аффиксов -н, -гды, -лкэн, -н и -р указывает на различную степень болотистости, знание которой способствует ориентированию на местности.

Бүлүн (~бүлэн). Присоединение к основе бülэ аффикса -н образует существительное со значением обобщения. Бүлүн (~бүлэн) означает "болотистость". Присоединение к основе бülэ аффикса -гды образует существительное со значением прерывистости указанного значения, то есть болотистости. Бүлэгды в переводе означает "местами болотистость". Присоединение к основе аффикса -лкэн образует существительное бülэлкэн со значением небольших размеров указанного обобщения. Бүлэлкэн в переводе означает "с водорослью", "с болотом", "с тинной".

Бүлүн. Присоединение к основе бülэ аффикса -н образует существительное с ограниченным уровнем обобщения, в частности, отмечает болотистость по окраинам. Бүлүн в переводе на русский язык означает "болотистость по окраинам" или "окраинная болотистость".

Бүлүр. Присоединение к основе бülэ аффикса -р образует существительные с большей степенью обобщения. Бүлүр в переводе на русский язык означает "сплошная болотистость" или "болото на всей площади той или иной местности".

Большой знаток якутского языка, автор множества очень популярных работ по топонимике Якутии М.С.Иванов-Багдарын Сулба считает, что географический термин бülүн и производный от него топоним Бүлүн являются терминами исконно якутского языка. Однако мы не можем согласиться с ним. Для этого есть следующие

основания: в любом языке, если то или иное слово имеет происхождение именно из этого языка, то оно должно иметь другие родственные слова с аналогичной или близкой к этому слову семантикой и этимологией. В якутском же языке термин бүүн имеет практически ту же семантику, что и в эвенском и эвенкийском языках. К тому же в якутском языке не встречается термин бүүлэ, бүүлү, от которого произошел термин булун. Термин булэ, как отмечают все тунгусоведы, имеет в эвенском и эвенкийском языках несколько значений: *водоросль, болото, тина*.

Термин бүүлү (бүүлэ) в указанном нами значении, но в несколько иной, но близкой транскрипции по данным ТМС, встречается во всех тунгусо-маньчжурских и монгольских языках. Кроме того термины бүүн или бүүлэн имеют и производное значение *"житель или обитатель болотистых мест"*. Топонимы же производные с корня бүүлү (бүүлэ) в своем абсолютном большинстве встречаются в регионах расселения предков современных эвенов и эвенков.

Все это дает нам основание считать, что термин булун, следовательно, и производный от него топоним Булун имеют эвено-эвенкийское или тунгусское происхождение и заимствованы в качестве таковых якутским языком. То же можно сказать и о слове булуус *"подземное помещение"*, *"подвал"* семантика которого сводится в эвенском языке *"подземное замерзшее болото"*.

В связи с приведенными примерами следует высказать следующее:

1. Появление *ү* вместо *э* в конце основы слова бүүлэ связано с гармонией гласных.

2. До создания эвенской письменности (т.е., до 30-х годов XX в.) исследователи (Линденау, Шефнер, Богораз, Цинциус и другие), изучавшие тунгусские языки, в том числе эвенский использовали латинский алфавит, знаки которого более точно отражали фонетические особенности языка. Внедрение русского алфавита, основанного на кириллице, без соответствующих особенностям эвенского языка знаков изменений, во многом привело к

тому, что через письменный язык стали насаждаться искаженные слова. Так, звуки, обозначаемые в латинском языке знаком *u*, в русском – *у*, якутском – *у* или *ү*, в эвенском – *у* далеко не идентичны. Звук *у* в эвенском языке ближе к латинскому *u*, иногда обозначаемому с дополнительным знаком *ü*, а также некому среднему между якутскими *у*, *ү*, *ө*. Исходя из этого, следовало бы в эвенском языке этот звук обозначить, например, знаком *ü*. В таком случае слова булун, булун, булур, тур(төр) следовало бы написать б*ү*л*ү*н, б*ү*л*ү*н, б*ү*л*ү*р, т*ү*р и т.д. Это далеко не единственный пример несоответствия фонемы и знака, из-за которого нередко происходит искажение эвенского слова.

3. Сказанное во втором пункте наших замечаний подтверждает настоятельную необходимость более глубокого изучения фонетических особенностей эвенского языка.

Дэт – *“обильное кочкарником, болотистое место”*. Буквально *“висячее”*, *“находящееся в приподнятом состоянии”*. Слово дэт образовано от основы глагола дэдэй, означающего в переводе на русский язык *“повиснуть”*, *“нависать”*, присоединением аффикса –т, образующего существительное со значением моментальности или постоянства действия, типа балдадай *“родиться”*, балдамат – *“новорожденный”*, *“родильница”*.

Горби – *“дальний, отдаленный”*. Прилагательное горби образовано от наречия гор, означающего в переводе, *“далеко”*, *“далековато”*. От прилагательного горби образовано название рода горбикан, означающее в переводе *“из дальних или отдаленных мест”*. Представительница рода горбикан из Томпонского улуса Христина Захарова интерпретирует название род как гэрбикэн, что означает *“имеющий название, имя”* или *“именитый”*. Однако следует иметь в виду, что эвены (ламуты), как и все тунгусы, не делили своих сородичей на именитых и неименитых по той простой причине, что такое деление не допускалось по их анимистическим представлениям.

Негида — *“низинная или низинные”* относительно уровня возвышенности или горы. Наречие негида образовано от основы прилагательного не-, означающего в переводе *“нижний”*, присоединением частицы -гида, образующего наречие со значением места расположения. От наречия негида образован этноним одного из тунгусских народов негидальцы, означающее, на наш взгляд, *“низинные или жители низинных мест”*. В слове негидальцы негида(негида) — *“низинный”*, —л окончание множественного числа, —цы — русский формант, образующий также форму множественного числа. От слова негида, на наш взгляд, образовалось и слово ньяаку(ньяагав) несколько трансформированное под влиянием якутского языка, но с тем же значением, что и первое слово, а именно *“низинный”* или *“житель низинных мест”*.

Күта — *“трясина”, “трясущее болото”*. Термин күта образован от основы глагола күтадай *“проникать насквозь”, “сквозить”*, присоединением аффикса -а, образующего существительные со значением способа образования. Исходя из этого, слово күта означает *“нечто проникаемое”* или *“нечто сквозимое”*, *“внутри порожнее”*, *“сквозняк”*. Якутское слово кута, обозначающее в переводе на русский язык то же, что и эвенское слово күта, является заимствованным от эвенского или общетунгусского, т.к. якутское кута не этимологизируется средствами якутского языка.

Кингак — *“сухое место”*, буквально *“крепкое или твердое место”*, от эвенского кинки *“крепкий”, “твердый”*.

Киргин. 1. *“Суходольная местность”*. Термин киргин образован присоединением к основе кирги—(*“суходольный”*) аффикса -н, образующего существительное со значением обобщения признака и означает *“суходольность”* или *“суходольная местность”*. 2. *“Окраинная местность”*. Термин киргин образован от прилагательного кирни *“окраинный”, “дальний”*, присоединением аффикса -н, образующего существительные с тем же значением, что указано в первом случае. От географического термина киргин образовано название одного из родов ламутов Кобяйского улуса

Республики Саха (Якутия) киргил (мн.ч.) или киргин бис, что означает в переводе на русский язык "жители суходольных окраинных мест" или "обитающие по суходольным окраинным местам".

Кунтэк – "поляна", "поле".

Обозначение местности по грунтам

Дьоломнан – "множество крупных камней (в долине реки)". Образован от существительного дьол "камень", присоединением с помощью соединительного гласного о, аффикса –мнан, образующего существительные с большей степенью качества.

Ина – "камень". Термином ина обозначается: 1. "Гора, на поверхности которой встречаются множество камней или скала"; 2. "Любой камень".

Игарн – "поверхность земли, состоящая из мелких камней".

Ниргин – 1. "Поверхность или участок горной поверхности, состоящая из мелких продолговатых камней". 2. "Пережат в реке". "Мелководный участок в русле реки, состоящий из мелких камней".

Кинтак – "участок земли с твердой почвой".

Киргин – "суходольный участок земли".

Батон(–батын) – 1. Мерзлый слой почвы в осенний период. 2. Оттаявший поверхностный слой почвы весной. 3. Мерзлота. Термин батон(–батын) образован от существительного бад, означающего в переводе на русский язык "внешний облик", "наружность", присоединением с помощью соединительного гласного –о, аффикса –н, образующего существительные со значением обобщения, и означает, во-первых, "снаружи промерзшая", "поверхностная промерзлость", во-вторых, "мерзлота". В илимнейском диалекте эвенкийского языка также имеется слово батун, имеющее близкое к эвенскому батон значение. Но в отличие от эвенского в эвенкийском слове батун акцентируется внимание на поверхностный оттаявший слой почвы.

Общим в семантике эвенского слова батон и эвенкийского батун является указание на визуально заметное состояние поверхности почвы осенью и весной. Эвенское слово батон и эвенкийское батун нередко используются в качестве конкретного названия той или иной местности. Во многих улусах Республики Саха (Якутия) имеются географические названия, происшедшие от эвенского слова батон (батын) или эвенкийского батун. Так, в Кобяйском и Ленском улусах имеются села под названием Батамай. По территории Олекминского и Хангаласского улусов протекает река Буотама, впадающая в Лену справа чуть выше г.Покровск. В верховьях реки Вилюй протекает река Улахан Ботубуя, которая впадает в Вилюй ниже п.Чернышевский. Наличие слова Улахан, означающего в переводе с якутского "Большая", дает основание полагать, что в данном регионе имеется еще Малая Ботубуя. На северо-востоке Иркутской области раскинулось Патомское нагорье, и здесь же мы находим реку Большой Патом. В Хабаровском крае имеется село Батомга и рядом с ним протекает река Батомга, впадающая в реку Мая, правого притока реки Алдан.

Какое основание имеется для того, чтобы утверждать, что названия указанных географических объектов, находящихся достаточно далеко друг от друга и имеющих различные транскрипции, произошли от эвенского батон(батын) или эвенкийского батун?

Первое. Общность географических особенностей всех перечисленных нами мест. Все указанные нами реки протекают по изменчивым местам, где встречаются достаточно большие площади с поверхностной мерзлотой осенью или поверхностной оттайкой весной в отличие от твердого грунта возвышенностей или гор. Географические особенности мест полностью соответствуют семантике терминов, обозначаемых эвенами батон(батын), эвенками — батун.

Второе. Все перечисленные регионы, в первую очередь, указанные нами территории, общепризнанно

признаются местами расселения эвенов и эвенков с достаточно давних времен (минимум 7–8 веков).

Третье. Несмотря на наличие различий в транскрипции этих названий, допущенных под влиянием закономерностей языка других народов, в фонетико-морфологической структуре топонимов Буотама, Батомга, Патом, Ботуобуя, Батамай так или иначе достаточно узнаваемо сохранились фонетико-морфологические особенности словообразования эвенкийского и эвенского языков, в частности, чередование звуков б и п вполне допустимы в различных диалектах эвенского и эвенкийского языков, и аффиксы –ма(–мэ), –май(–мэй), –га, –ба(–бэ) нередко встречаются в словообразовании и эвенского, и эвенкийского языков.

Бүлүн (бүлэн), бүлүн, бүлүр, бүлэмнэн. Все эти термины отличают различные уровни болотистости: бүлүн (бүлэн) *"болотистость"*, *"болотистый"*; бүлүн *"болотистость по окраинам"* или *"окраинная болотистость"*; бүлүр *"сплошная болотистость"*, бүлэмнэн *"болотистость местами"*.

Кинтак – *"твердая почва"*. Термин кинтак образован от прилагательного кинки *"твердый"*, присоединением аффикса –так.

Навнан – *"ягельник"*, *"ягельная почва"*. Образован от корня на- присоединением суффикса внан.

Ньямалда – *"мох"*, *"почва, покрытая мхом"*. Выделение почв на ягельную и мшистую, видимо, связано с тем, что на таких почвах практически мало, что растет. Происхождение слов навта, навнан, ньамалда было объяснено в предыдущих работах.

Ниргин – *"поверхность земли из мелких расчленяющихся по складкам камней (щебней)"*.

Оньюн – *"песок"*, *"глина"*. Песчаная или глинистая почва. Интересна этимология слова оньюн. Слово оньюн образовано от основы о-, означающего *"делать"*, *"творить"*. Присоединением аффикса –ньюн, образующего существительные со значением предназначения. В переводе с сохранением этимологии слова термин оньюн означает *"то, что предназ-*

начено для поделок и творения". От термина оньон образовано и название реки Онон, одного из притоков реки Амур, что означает "несущая или омывающая песок".

Оракаг — "травянистость". Слово оракаг образовано от существительного орат, означающего в переводе "травя", присоединением аффикса —каг, образующего существительные со значением обобщения.

Хинникэг — "поверхность земли, обильная выступающими из-под земли камнями". Термин образован от прилагательного хинни "выступающий", присоединением аффикса —кэг.

Тагин — "каменистый, жесткий покров". Образован от существительного таг — "известковый камень", "камень", присоединением с помощью соединительного гласного и аффикса —н.

Төрнэ — "мягкая почва". Образован от существительного төр — "земля" присоединением аффикса —нэ, образующего существительные со значением обобщения. В переводе с сохранением этимологии означает "землянистость".

Турэн — "лишенная растительности мягкая почва". Термин турэн образован от существительного тур (төр) "земля" присоединением с помощью соединительного гласного аффикса —н, образующего существительные со значением ограничения предмета и означает, как мы отметили выше, "лишенная растительности мягкая почва". Оленеводы, когда слишком долго задерживаются в одном месте говорят "Төрэнэт турэн одни", что в переводе означает "земля наша лишилась растительной почвы, то есть, вытоптана полностью". В связи с термином турэн можно привести следующий любопытный факт. В якутском языке термин турэн означает примерно то же, что и в эвенском. Так как в словарном запасе якутского языка нет существительного тур(төр) в указанном значении, а также производных от него слов, то можно предположить, что якутский язык заимствовал слово тураг из тунгуско-маньчжурских или монгольских языков. Можно привести еще более любопытный факт. В карманном русско-

китайском словаре, включающем около 8500 слов, к китайским иероглифам которого дается транскрипция азбукой латинского языка, мы также находим слово *tugang*, в переводе на русский язык означающем "благоприятная почва". В этой связи можно привести еще одно уточнение в семантике эвенского термина турэн. Дело в том, что "лишенная растительности мягкая почва", то есть турэн со временем обильно разрастается зеленью, кроме тех площадей, где до того был ягельник. То, что в эвенском языке термин турэн произошел от эвенского тур(тор), означающем в переводе на русский язык "земля", бесспорно. А вот в китайском языке земля в смысле планета в латинской транскрипции передается как *dìqiu*, суша – *ludi*, *lingtu*, почва – *tugang*. Исходя из этого, можно предположить, что китайский язык, скорее всего, заимствовал тунгусское турэн в значении "благоприятная почва".

Хэкэтэ. Неудобная для хозяйствования каменистая, скалистая местность или горный ландшафт в эвенском языке обозначается термином *hэкэтэ* (~сэкэтэ, шэкэтэ), что означает: 1. *Остерегающая*. 2. *Опасная для животных и людей*. 3. *Неудобная для хозяйствования (для ведения оленеводства)*. От корня *hэ* произошли слова: *Хэвэк* (~Хэвки) *бог*, "божество", "священный", буквально: "тот, от которого следует остерегаться, бояться", *hэбдэр* – родинка, буквально: отметина божества или описная отметина, *hэкэтэ* "венерическая болезнь" в визуально заметной стадии, когда образуется опухоль половых органов и т.д. В этой связи можно попытаться объяснить происхождение топонима Шикотан (Сикотан). С исторической точки зрения, бесспорно, что тунгусоязычные племена населяли и населяют полуостров Сахалин, от которого относительно недалеко до острова Шикотан, самого большого острова в Малой гряде Курильских островов. В Большой советской энциклопедии об этом острове упоминается следующее: "Берега сильно изрезаны. Высота до 412 м. Сложен вулканическими породами и песчаниками верхнемелового и кайнозойского возраста. На склонах перелески из саха-

линской пихты, курильской лиственницы и широколиственных деревьев, низкорослый бамбучник; на гребнях можжевеловый стланник. На береговых террасах океанические луга" (БСЭ, изд. третье т.29, с. 399).

Подобное описание ландшафта, растительного мира острова Шикотан (Сикотан) полностью соответствует семантике тунгусского, в данном случае эвенского термина *həkətə*. Появление аффикса *h*, образующего слова с обобщающим значением, еще более усиливает вероятность тунгусского происхождения названия острова Шикотан (Сикотан).

Примечание. Интересно отметить, что и в китайском языке, по данным указанного нами словаря, имеется слово с корнем *hə-* (*sha-*) *shangdi* со значением "бог".

ГЛАВА III.

НАПРАВЛЕНИЯ СВЕТА, ВРЕМЕНА ГОДА И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ, ПРОИСШЕДШИЕ ИЗ НИХ

Направления света

Как и у многих народов, у эвенов и у эвенков имеются четыре представления о направлениях света. Однако большинство тунгусоведов, в частности, эвеноведов прошлого и наших дней, не сумели однозначно назвать четыре направления света на эвенском языке, хотя некоторые из них, несомненно, были в той или иной степени знакомы с этими терминами. Так, известный тунгусовед, один из создателей эвенской письменности, профессор В.И.Цинциус приводит несколько терминов. Русское слово *восток* она переводит на эвенский язык как *нюлтэн хилтун* или *нюлтэнидэ*, *запад* – *нюлтэн тыкэн-мэни*, *нюлтэн гобэдекэн*, *север* – *ингэнгидэ*, *юг* – *нъямгида*. Но при этом В.И.Цинциус считала их не соответствующими научным представлениям и пользовалась терминологией, принятой в русском языке, внося эти термины, как неологизмы в эвенском языке. Специалисты эвенского языка позднего времени не затрагивали эту тему. В обыденной же речи эвенов второй половины XX вв. качестве таких используются или якутские или русские термины в зависимости от того, влиянием какого языка подвержен диалект, на котором разговаривают в этом регионе. В источниках более раннего периода мы находим термины, образованные на собственной базе языка, отражающие уровень достигнутых эмпирических знаний. Так, в «Описании пеших тунгусов или так называемых ламутов в Охотске. 1742», проведенном участником Второй Камчат-

ской экспедиции (1733–1743 гг.). Я.И.Линденау, мы находим термины исконно ламутского (эвенского) происхождения. Для обозначения термина *восток* у пеших ламутов использовалось слово *допта*, *юг* – *тигани*, *запад* – *тикупта*, *север* – *синскалтин*. У В.Г. Богораза, собравшего в Колымской ссылке “Материалы по ламутскому языку” у Омолонских ламутов, мы встречаем слово *терга-шпан* в значении *полдень*. Ламуты старшего поколения Кобяйского улуса Республики Саха (Якутия) до относительно недавнего времени, а именно до 40–50-ых годов XX в. знали эти термины, но только в несколько иной огласке, а именно: *дьугуптэ*, *дьуптэ* (*восток*), *тиргани* (*юг*), *тикуптэ* (*запад*), *тинкултэн* (*запад*), *тирга* (*полдень в солнечный день*), *тиргаснан* “*наступил полдень в солнечный день*” или в значении “*наступил солнцепек в полдень*”. В понимании моих родителей слово *тирга* означало еще “*сильный солнцепек в ясный день*”, а *тиргаснан* “*наступил сильный солнцепек в ясный день*”. Дело в том, что термины *тирга* и *тиргаснан* использовались ими не ежедневно, а только в ясные солнечные дни. В ясное утро старики, сидя около скучковавшегося стада оленей, поглядывая на голубое небо и на солнце, начинающего только-только греть после ночной прохлады и утренней свежести, с удовольствием обменивались между собой “*Эрэв инэнив тиргадай һэмкэттэн*”, что в переводе на русский язык означало: “*Сегодня днем собирается (или готовится) наступить сильный солнцепек*”. Все это свидетельствует о том, что не только в XVIII в. ламуты Охотского побережья, но и ламуты Кобяйского улуса Республики Саха (Якутия) еще в 50-х годах XX в. для обозначения терминов “*восток*”, “*юг*”, “*запад*”, “*север*”, “*день*”, “*полдень*” пользовались одними и теми же терминами, но с некоторой разницей в огласовке и внесением дополнительных оттенков в семантике того или иного слова.

Таким образом, наиболее древними и присущими эмпирическим представлениям предков эвенков раннего периода для обозначения понятий “*восток*”, “*юг*”, “*запад*”, “*север*” являются термины *дьуптэ*, *дьугуптэ*, *тиргани*, *ти-*

куптэ, һикултэи (или һикултэнидэ). Чтобы выяснить семантику указанных терминов, нам следует попытаться выяснить этимологию этих терминов, связывая происхождение некоторых из них с основным направлением многовекового передвижения предков современных эвенков с их исторической прародины. Как известно, из многочисленных источников, предки тунгусских племен, некогда населявшие обширную территорию севера современного Китая, называемого монголами Хитай или Хатай, Маньчжурии и Прибайкалья, после разгона их Чингиз Ханом и чингизидами, возможно еще и раньше, будучи племенами, поклонявшимися Солнцу, в большинстве своем передвинулись в том направлении, откуда восходит солнце. О том, что они поклонялись солнцу, подтверждают бытовавшие еще до недавнего времени (до 50-60-х гг. XX в.) традиции эвенков. Эвенки старшего поколения двери юрты, палатки каждый раз устанавливали в восточной стороне юрты или палатки. Обживая новое место, они стремились обследовать, в первую очередь, восточную сторону местности и только после этого они старались обследовать южное или другое направление. Просыпаясь утром, считалось обязательным взглянуть в ту сторону, откуда восходит солнце. Возможно, это было связано не только с их преклонением солнцу, но и объяснялось практической необходимостью сверить время, место нахождения, желанием постоянно выяснять по утрам, не заблудились ли они до этого, а также узнать по солнцу состояние погоды в наступающий день. Именно это направление — направление человека идущего или смотрящего на восходящее солнце — стало называться предками эвенков и эвенков дьугу "восток", буквально "направление, куда мы идем или двигаемся с утра".

Далее, присоединение к основе дьугу аффикса -птэ (-пта) близкого к омертвленным аффиксам -т, -та, -тэ, оформляющих названия различных растений ягоды, частей тела животных и человека, мелких животных, предметов и т.д., типа тэвтэ, навта, образует существитель-

ые со значением указания или уточнения некоторых направлений света: дьугуптэ, тикуптэ. Значение аффикса -птэ(-пта) в лингвистической литературе не указано.

О том, что предки тунгусских племен со своей исторической родины в своем подавляющем большинстве двинулись преимущественно на восток, подтверждает и тунгусское название сложнейшей, но с точки зрения строения земной структуры единой системы горного образования, называемой сегодня Яблоновью, Становой и Джугджур на северо-востоке России. Так, эта единая система горного образования на тунгусском языке имела одно общее название: Дьгудьур (в русской огласовке и транскрипции Джукджур), что означает буквально "направление, куда мы идем или двигаемся с утра", а в переводе с учетом их исторического передвижения в течение многих веков: "направление, ведущее к месту восхода солнца". О том, что предки тунгусских племен преимущественно двинулись на восток, подтверждает и некоторые фольклорные источники, где главный герой обязательно движется в восточном направлении.

Так же, как и термин дьуптэ (дьугуптэ) "восток", образован и термин тикуптэ "запад". Термин тикуптэ образован от слова тикю, которое имеет несколько значений в зависимости от контекста: 1. Падение или выпадение чего-либо. 2. Длительные, обильные дожди. 3. Снегопад. 4. Спуск или снижение с высоты. Присоединение к основе тикю-аффикса -птэ образует существительное со значением постоянства качества или действия. В семантике слова тикуптэ отмечается постепенное "снижение" или "падение солнца" после полудня. В полдень солнце находится в самом зените. В этой связи можно отметить, что эвенский термин тикуптэ и русский термин *запад*, означающие одно и то же направление света, по своей этимологии и семантике практически идентичны, несмотря на то, что выражены разными словами.

Термин тиргани в смысле юг, образован присоединением к основе тирга суффикса -ни, образующего суще-

ствительные, означающие времена года: тугэни "зима", нэлкэни "весна", дюгани "лето", болони "осень". По данным Я.И. Линденау, восточные эвены (пещие тунгусы или ламуты) в середине XVIII в. под словом *tirgo* имели в виду "день" или "полдень". Примерно то же имели в виду в конце XIX в., по данным Богораза, и омоллонские ламуты. Как мы отметили выше, современные эвены (ламуты) Кобяйского улуса Республики Саха (Якутия) семантику слова тирга объясняют несколько иначе, чем их восточные сородичи. Тирга в понимании ламутов, язык которых относится к западному диалекту эвенского языка, означает "сильный солнцепек в ясный полдень", а тиргаснан (тиргашнан или тергашнан по Богоразу) означает "наступил сильный солнцепек в ясный полдень". В пользу правомерности именно такого понимания семантики указанных слов свидетельствуют такие данные.

Во-первых, слова тирга (терга), тиргаснан или тергашнан произошли от глагола тиргадай "испускать сильную жару", "палить или обжигать лучами". Для того чтобы выразить на эвенском языке слова "день" и "полдень", имеются другие, известные эвенкам независимо от принадлежности к тому или иному диалекту, слова: инэни и инэни дулакани.

Во-вторых. В словарном запасе эвенского языка имеются еще другие, происшедшие, как и слова тирга (терга), тиргаснан (тергашнан), от той же основы слова: тирап (тярап) и терандай (тярандай), означающие в переводе на русский язык соответственно "жаркое" и "жарить".

В значении север ламутами XVIII в. употреблялось слово *sinckalpa*, что в современной огласовке и транскрипции *һинултэн* или *синултэн*. Слово *Һинултэн* (*синултэн*) образовано от существительного *һину* (*сину*) "иней", присоединением аффикса *-лтэн*, образующего существительные, означающие место или время начала постоянного действия или наступления, типа *һьэлтин* "солнце", буквально "нечто восходящее", *гулэһэлтэн* "время перед самой откочевкой", *өрилтэн* "время в момент остановки на

стойбище". Если к объяснению семантики слова *Һинултэн* применить подобный метод расшифровки словотворчества, то *Һинултэн* означает "место, откуда начинается (наступает) иней". Таким образом, приведенный нами способ словообразования является одним из присущих эвенскому языку особенностей словотворчества. Одновременно, следует отметить, что в более позднее время вместо *Һинултэн* стало употребляться *Һинултэннидэ*, что в переводе означает "сторона, откуда наступает или начинается иней". Значение суффиксов *-лтин*, *-лтэн* тунгусоведами не раскрыто.

Как мы заметили, семантика некоторых терминов эвенского языка, употребляемых в значении выражения направлений света, в частности, *тиргани* "юг", *Һинултэн* или *Һинултэннидэ* "север" не совсем адекватны с семантикой русских терминов, означающих эти направления. Но в этой связи небезынтересно попытаться узнать этимологию терминов *север* и *юг* в славянских языках. Специалисты русского языка, в частности авторы "Краткого этимологического словаря русского языка" (Н.М.Шанский и др.) не раскрывают этимологию слова *север*, отмечая лишь то, что этот термин является общеславянским. Термин же *юг*, связывают с древнерусским *угь* (совр. *ужин*), первоначально означавшим "полдник". Как видно из приведенного, и термины эвенского языка и термины русского языка, используемые для выражения понятий *север* и *юг* (эвенские *Һинултэннидэ* и *тиргани*) не могут быть названы изначально строго научными, но русские термины *север* и *юг* в ходе исторического развития превратились в научные термины.

Это обстоятельство свидетельствует о том, что нельзя исключать из словарного запаса младописьменных языков термины на том основании, что выработанные этими языками в течение их многовекового исторического развития термины, адекватны или неадекватны с терминами, принятыми в научный оборот в русском или в других языках в более поздний период их исторического развития как условные обозначения. При этом следует

учесть и то, что отдельные термины русского и других языков являются все-таки лишь условными символами. Об этом свидетельствует то, что такие термины нередко не имеют объяснения в смысле их этимологии.

Семантика же эвенских терминов *Һинултэнида* (*Һинултэи*) в значении "север" и тиргани в значении "юг" вполне отражают реальную объективную особенность этих направлений света, очень близкую к научным представлениям. Мы не уделяли бы столько внимания объяснению семантики и этимологии указанных терминов, если бы в трудах многих специалистов тунгусоведов не проявлялась бы тенденция отдельные факты словотворчества, основанные на собственном, как обычно говорят на азиатском мировосприятии, объяснить с точки зрения европейского мировосприятия и мышления. На деле же наука еще не сумела объяснить многие особенности азиатского мировосприятия, мышления и соответственно отношения к окружающему миру, которые составляют основу азиатского пути к прогрессу. Подобный подход к развитию духовности, в том числе особенности процесса словотворчества у народов, принадлежащих к азиатскому континенту, на наш взгляд, не может раскрывать специфические особенности развития духовности этих народов, в том числе возможностей их словотворчества, а в отдельных случаях способствует утере этими народами своего языка, культуры и духовности в целом.

Обозначение направлений по месту расположения, соотношения к направлениям света, окраске, освещению в тот или иной период времени

В эвенском языке достаточно развита лексика, отражающая то или иное расположение, соотношение объекта, его окраску или освещенность светом в тот или иной период времени. Об этом свидетельствуют наши ниже раскрываемые данные.

Боһог(в) - *"обильная завалами, чаще всего северная или северо-западная и по этой причине теневая сторона"*. В этой связи небезынтересно привести толкование семантике термина боһог известными эвеноведами К.А.Новиковой и В.Д.Лебедевым. По их данным, термин боһог(в) расшифровывается только как *"северная, северо-западная или теневая сторона горы"*. Однако слово бо и боһ, от которого образован термин боһог(в), имеет несколько иную семантику, чем отмечено указанными специалистами. Слова бо или боһ прежде всего означают: 1. Завал. 2. Неудобное место. 3. Опасное для пребывания место, так как слово бо в анимистическом смысле означает "смерть", "гибель". Именно поэтому нам представляется, что слово боһог(в) скорее всего означает *"обильная завалами сторона"*. И так как завалы чаще всего встречаются на северной или северо-западной стороне, то слово боһог закономерно приобретает дополнительную семантику: *северная или северо-западная сторона горы*. А поскольку северная или северо-западная сторона горы в большую часть дневного времени находится под тенью, то слово боһог приобретает еще третий смысл - *"теневая сторона"*. То есть один и тот же термин боһог в зависимости от обстоятельств имеет разные значения: 1. Сторона, где много завала. 2. Неудобная или опасная сторона. 3. Северная или северо-западная сторона. 4. Теневая сторона.

О том, что более предпочтителен наш вариант объяснения семантики слова боһог подтверждает и функционирование другого термина, образованного от слов бо и боһог. Так термин боһнав в переводе на русский язык означает *"пространство обильное завалами, возникшими на месте лесного пожара"*. То есть в термине боһнав, как и в термине боһог, превалирует значение завальности, обилие завалов как последствия лесного пожара. Именно от этих географических терминов возникли, на наш взгляд, многие топонимы в Якутии и за ее пределами, в частности в Амурской области, где некогда проживали эвены и эвенки. К ним можно отнести названия Боһогндя в Ко-

байском, Томпонском, Эвено-Бытантайском улусах республики Саха (Якутия), а также Номнах в Амурской области. В топониме Номнах к тунгусской основе присоединен якутский формант -нах.

Химигэнида - *"темная сторона"*. Термин химигэнида образован от существительного химигэн, означающего в переводе на русский язык "тень", присоединением аффикса -нида, образующего существительные со значением места расположения. Значение аффикса -нида эвено-ведями-лингвистами не раскрыто.

Хатаренида - *"темная или темнеющая сторона"*. Термин хатаренида образован от основы хатар (или хатар-ен), означающий в переводе на русский язык "темнота", "тьмень", присоединением аффикса -ида, образующего существительное со значением направления. В этой связи можно высказать одно интересное мнение. По предположению некоторых специалистов, название Шантарских островов на юге Охотского моря имеет тунгусское происхождение. Однако специалисты, высказывающие подобное предположение, не пытались раскрыть происхождение слова шантарские, где формант -ские, несомненно, русский формант, присоединенный к тунгусскому слову шантар (ханта, сантар).

Мы склонны поддержать это предположение и попытаться расшифровать значение слова шантар, обосновать, почему современное эвенское хатар и слово якобы тунгусского происхождения шантар по семантике являются адекватными. В регионе, где расположены Шантарские острова, в период освоения русскими первопроходцами Дальнего Востока (XVII - XVIII в.в.), проживали племена тунгусского происхождения, в том числе пешие тунгусы (ламуты), ороки, орочи и другие. Если язык эвенов Якутии в большинстве своем относится к лекюшим говорам, то язык большинства тунгусов, в том числе ламутов восточных регионов, относится к секяющим и шакающим говорам. Так, современное русское слово тунгусского происхождения шаман, эвены Якутии произно-

сят ламан, эвенки и другие народы, в том числе восточные ламуты, ороки и орочи – саман. Так и в этом случае слова һатар, сатар, шатар в русской огласовке и транскрипции получили форму шантар.

Как мы отметили выше, эвенское һатар в зависимости от контекста означает “темнота”, “темень”, “темный”. Следовательно, топоним Шантарские острова в полном переводе на русский язык означает “*Темнеющие острова*”. Чтобы подтвердить правильность нашего предположения, обратимся к описанию Шантарских островов. В Большой Советской Энциклопедии отмечается: “Шантарские острова, архипелаг из 15 островов в юго-западной части Охотского моря (Хабаровский край РСФСР). ...Острова большей частью гористы; сложены песчаниками и глинистыми сланцами, прорванными гранитами и ультра основными интрузиями. Склоны гор покрыты лиственничными и темнохвойными лесами, на вершинах – заросли кедрового стланника” (БСЭ, М., 1978 г., третье изд., Т. 29, С. 283). Указанное описание гор и растительного мира островов практически подтверждает обоснованность нашего предположения, ибо всякие горные образования, сложенные глинистыми сланцами, прорванными гранитами и ультраосновными интрузиями, покрытые лиственничными, темнохвойными лесами и кедровым стланником с издали, в данном случае с материка, всегда имеют *темный* или *темнеющий вид*. Именно этот темнеющий или темный вид островов отмечен в их названии предками современных тунгусских племен, в том числе восточных ламутов, иначе говоря, эвенов.

Близким по своей семантике географическим термином к термину һатар (һатарси) “темный”, “темнеющий”, “темень”, “темнота” является эвенский термин һакарин, означающий в переводе на русский язык “чернота”, “черный”, “чернеющий”. Слово һакарин имеет и вторую форму, которая в большей мере сохранилась в разговорной речи эвенов, представляющих западный диалект эвенского языка. Эвены говорят: һакарин оран “олень черной

масти", хакаринингиндикки "черный каменный уголь", буквально "черная складчатость".

Хакаринин урэкчал в переводе на русский язык означает "чернеющие горы". Мы привели несколько примеров использования термина хакаринин для того, чтобы высказать предположение, как термин хакаринин, несколько измененный народной этимологией соседних народов, сохранился в топонимике Якутии и Дальнего Востока России. Так, на территории современной Якутии с начала 30-ых годов до 60-х годов XX в. существовал Саккырырский район, основное население которого составляли эвены, представляющие западный диалект эвенского языка (тюгясирский и ламунхинский говоры), и якуты. При этом тюгясирские эвены уже к началу 30-х годов объякутились и говорили на якутском языке. К тому же тюгясирские эвены составляют смесь ассимилировавшихся эвенов, якутов и юкагиров. Видимо, по этой причине многие географические названия на данной территории постепенно приобрели якутскую огласовку и транскрипцию, некоторые частично или полностью скалькированы с эвенского на якутский язык., иные по народной этимологии приобрели хотя и близкое по огласовке, но совершенно иное содержание по своей семантике. К таковым можно отнести, по нашему мнению, названия рек Бытантай, Эмендерян, Нелон, Сынча, Улахан Саккырыр и Аччыгый Саккырыр, озера Нүөлэ, горы Дулга Хая, Хара тала и другие.

Чтобы показать, как, например, термин хакаринин мог превратиться в якутские саккырыр, рассмотрим несколько примеров. Небольшая река, впадающая в Бытантай слева ниже устья реки Улахан Саккырыр называется Эмендерян, что на якутском языке не имеет объяснения. А это нечто иное как эвенское сложное название өмэн дэрэн, что означает буквально "один исток" или в более подробном смысловом переводе "река, притоки которой начинаются с одного истока", то есть все притоки этой реки начинаются с одного места. Гора Дулга Хая, что находится южнее села Батагай-Алыта в междуречьи

рек Улахан Саккырыр и Аччыгый Саккырыр. Исконное эвенское название этой горы Дулов урэкчэн, что означает *“Серединная гора”* или более точно *“Гора, расположенная в середине междуречья”*. По народной этимологии слово Дулов, означающая *“серединная”* или *“находящаяся в середине”*, в якутской огласовке и транскрипции превратился в Дулга, что означает *“Болотная кочка”*. По якутской народной этимологии эвенское Дулов урэкчэн постепенно превратился в Дулга хая, где эвенское Дулов(г) переименовано в Дулга и слово хая, является якутской калькой эвенского урэкчэн. Недалеко от улусного центра с.Батагай-Алыта расположены горы Хара тала (якутское название). По мнению некоторых сторожилов название Хара тала является калькой с эвенского языка с некоторым внесением изменений. Эвенское название этих гор, если исходить из их традиций, обозначать те или иные гор, должно было бы быть Хакарил урэкчэл, что в переводе с эвенского означают: *“Чернеющие горы”*. Автор этих строк склонен поддерживать подобное предложение, так как, пролетая над этими горами на вертолете, визуально убедился, что эти горы чернеют издали, ввиду того, что они состоят из черных скал и черного горного галечника. По традициям же эвенов, любая река, текущая мимо наиболее примечательных или известных гор, получает название этих гор. Об этой традиции эвенов более подробно мы говорили в книге *“Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии”*. По этим традициям река, текущая мимо гор Хакарин урэкчэл, должна была бы называться Хакарин. Надо полагать, слово хакарин по якутской народной этимологии превратился в Саккырыр, означающее в переводе на русский язык *“Текущая тоненькой струей”* или *“Журчащая”*.

Термин хакарин *“чернеющий”*, употребляющийся предками эвенов как географический термин для обозначения любого объекта, мог превратиться в еще один конкретный топоним для обозначения одного из островов на Дальнем Востоке.

Так, общетунгусский термин *накарин*, означающий “черный”, “чернеющий” принят за название острова Сахалин. Подобное предположение подтверждается следующими аргументами или обстоятельствами.

Во-первых. Слово *накарин* означающее “черный”, “чернеющий” и название острова Сахалин очень близки по фонетическому составу и практически созвучны.

Во-вторых. В период освоения Дальнего Востока русскими землепроходцами в XVII–XVIII в.в. в материковой части данного региона, то есть на территории современного Хабаровского края и острова Сахалин проживали тунгусские племена впоследствии известные как эвенки, эвены, нанайцы, ороки, орочи и другие. В словарном запасе этих тунгусоязычных народов слово *накарин* в значении “черный”, “чернеющий” сохранился кроме эвенского языка, в эвенкийском и нанайском языках: по-эвенкийски – *сакарин*, а по-нанайски – *сахари* (*сахалкина*, *сахарин*). Это свидетельствует о том, что именно эвенское *накарин*, эвенкийское *сакарин*, а еще с большей вероятностью нанайское *сахари* (*сахалкина*, *сахарин*) могли быть приняты за основу названия острова Сахалин.

В-третьих. Рассмотрим далее насколько семантика эвенского *накарин*, эвенкийского *сакарин* и нанайского *сахари* (*сахалкина*, *сахарин*) соответствуют визуально наблюдаемому из материковой части суши облику острова. В Большой Советской энциклопедии отмечается: “Сахалин, остров у восточного побережья Азии. Омывается водами Охотского и Японского морей. От материка отделен Татарским проливом, ширина которого в самом узком месте (пролив Невальского) 7,3 км., на Юге острова Хоккайдо (Япония) отделены проливом Ланеруза” (БСЭ, М., 1978, изд. третье, Т.23, С.6). В данной характеристике нас интересует расстояние острова от материка в самом узком месте – 7,3 км. С такого расстояния любой предмет, тем более остров, представляется темным, более того черным. Далее мы рассмотрим описание флоры острова Сахалин. “На Севере господствует редкостойная лиственничная тайга; к

Югу от 52 с.ш. преобладают леса из аянской ели и сахалинской пихты; на Юго-западе усиливается роль широколиственных (клены, бархат, маньчжурский ясень, монгольский дуб и др.) и лиан (актинидия, лимонник, виноград). В верхнем поясе гор — заросли каменной березы и кедрового стланника. В подлеске на склонах Западно-Сибирских гор обилён курильский бамбук” (Там же).

Из приведенной характеристики географических особенностей острова Сахалин (расстояние, растительный мир, преимущественно отдающий чёрный цвет) можно сделать следующее заключение. Тунгусоязычные народы (нанайцы, эвенки и эвены) отметили главную особенность острова при визуальном наблюдении, то есть то, что вдали чернеет нечто темное. Таким образом, название острова Сахалин в переводе с нанайского, эвенкийского и эвенского языков означает “чернеющий”, “чёрный”.

В данном разделе нашей работы мы пытались вникнуть в практику использования предками современных эвенов, а также тунгусоязычных народов, слов, отражающих оттенки света в качестве народных терминов для обозначения тех или иных направлений света или конкретных географических объектов. При этом нас восхищает умение древних людей, при всей так называемой “дикости” с современной точки зрения, очень точно фиксировать визуально обозримые особенности, в том числе световые оттенки, преобладающие в той или иной местности. И все это при внимательном изучении топонимов обнаруживается на таком огромном ареале как от Урала до Тихого океана. Нас заинтересовывает и то, что большинство наиболее значимых объектов данного региона имеют названия, которые можно объяснить предпочтительно средствами тунгусских языков. Этому, на наш взгляд, есть следующие объяснения.

Во-первых, задолго до начала освоения Сибири и Дальнего Востока русскими первопроходцами, а также предков современных саха (якутов) тунгусоязычные племена при всей своей малочисленности уже обжили это огромное про-

странство и дали тунгусские названия наиболее значимым объектам данного региона.

Во-вторых, тунгусоязычные племена, имевшие многовековой опыт общения с тюркскими, маньчжурскими и монгольскими племенами, а также с народами современного Китая, Кореи и Японии, в отличие от других аборигенных племен региона, быстрее находили общий язык с представителями европейских народов, в частности, с русскими колонизаторами. Об этом свидетельствуют, например, то, что по данным Б.О.Долгих и В.А.Туголукова, а также других исследователей населения Сибири, еще в самом начале XVII в., а также в XVIII в. среди предков современных кетов, селькупов, хантов, энцев и татар Западной Сибири были локальные группы тунгусов, в том числе ламутов (эвенгов). Интересно и то, что так называемые соборные княжества на данной территории нередко возглавлялись князьями тунгусского происхождения, например, князцы Бояр и Самар, возглавляли "остяцкие княжества". И это обстоятельство свидетельствует о том, что русские завоеватели по каким-то причинам предпочтительно оказывали доверие представителям тунгусоязычных племен.

В-третьих. Видимо, уже в те далекие времена русские колонизаторы, а за ним и европейские путешественники, заметили у тунгусских племен исключительную наблюдательность и умение точно и адекватно выражать увиденное средствами родного языка. Эти специфические особенности, выработанные многовековым опытом общения этих племен с окружающей средой различных зон (степная, таежная, горная, горно-таежная и тундровая зоны) невольно способствовали возникновению у европейских колонизаторов доверительного отношения к диким, по их мнению, тунгусским племенам. Кроме того, как свидетельствуют исторические документы, проводниками русских первопроходцев в большинстве случаев были представители тунгусских племен. Все это вместе взятое способствовало тому, что русские первопроходцы, а так-

же исследователи более позднего времени при номинации тех или иных географических объектов исходили из тунгусских представлений нередко носящих самые общие представления. Именно поэтому мы обнаруживаем множество тунгусских нарицательных слов, превратившихся в конкретные топонимы в русской транскрипции.

Времена года, названия месяцев и суток

К географическим терминам относятся и названия времен года, месяцев и суток. Эвены, как и многие другие народы, делили год на четыре основных периода: *зима* — тугэни, *весна* — нэлкэни, *лето* — дюгани, *осень* — болони. Интересна семантика и этимология этих терминов. Мы полагаем, что семантика указанных терминов была связана так или иначе с образом жизни или деятельностью человека в тот или иной определенный отрезок времени, связанной или обусловленной объективной необходимостью вести именно такой, например, образ жизни или заниматься тем или иным видом деятельности. Так, по нашим наблюдениям, термин тугэни “зима”, в более точном переводе на русский язык означает “*время оседания*” или “*отсидки*”. Это говорит о том, что в зимнее время, видимо, из-за холодов предки эвенов приостанавливали на время кочевой образ жизни и, ожидая лучшие времена, оседали и отсиживались в одном месте. Присоединение к основе тугэ аффикса —ни образует существительное со значением постоянства того или иного действия человека. Исходя из этого, тугэни в переводе на русский язык означает “*время отсидки*”.

Термин нэлкэни “*весна*” образован присоединением к существительному нэл “*нагрудник*”, аффиксов —кэ и —ни, образующих существительное со значением образа или времени действия. Нэлкэни означает “*время пребывания с распахнутым нагрудником*”, или “*время, когда можно ходить с распахнутым нагрудником*”.

Лексико-синтаксическим способом образован термин дьугани. Слово дьугани возникло путем объединения в одно слово двух слов в процессе их употребления в языке, а именно слова дьу “дом” и основы глагола гадай (“брать”, в данном случае “снять”) и присоединения аффикса -ни, придающего сочетанию дьу+га значения постоянства или образа действия. Подобных случаев словообразования в эвенском языке немного, например, голомо, ункапон, тирапон, билэпон и т.д. В русском языке такой способ словообразования встречается чаще, чем в эвенском (*сегодня, дотла, намедни* и др). Термин дьугани, обозначающее в переводе на русский язык “лето”, в переводе с сохранением этимологии слова будет означать “*время снятия или смены домов (юрт)*”. Возможен второй вариант этого термина — дьугадак, с тем же значением. В западном диалекте, в частности в ламунхинском говоре эвенского языка, а также в томпонском и момском говорах, используется еще одно слово — ирэли для обозначения “лета”. В этом случае слово ирэли “лето”, образовано от основы глагола ирдэй ир-, означающего в переводе на русский язык “зреть, созревать, поспевать”, присоединением с помощью соединительного гласного и суффикса -ли, образующего существительные со значением превосходства того или иного признака или обобщения на этой основе. В переводе на русский язык термин ирэли означает “*время созревания*”, “*время спелости*”.

Термин болони “осень”, по нашему мнению, имеет анимистическое происхождение. Дело в том, что со словом бо-, боло- еще до недавнего времени, а именно до 50-60 годов XX в., старшее поколение связывало *смерть, убийство, опасность*.

Эвены старшего поколения детям, еще не имеющим представления, что такое смерть или убийство, а также болезнь, пытаясь довести до детей это состояние, употребляли слово бо, что примерно должно было означать “*болезнь*”, “*смерть*”, “*убийство*”. Например, когда забивали оленя в присутствии ребенка, то взрослые говорили

“Орон бо оча”, что означало “с оленем стало плохо” или “оленя забили”. Подобных примеров использования того или иного условного термина в значении другого с целью смягчения воздействия на слушателя в эвенском языке достаточно много. Так, вместо слова тарак “тот” иногда используется слово иһип, практически означающий то же, но несколько смягчающий семантику слова, вместо иэлэм “страшный” – мөмө “неизвестное страшное” и т.д. Предки эвенов осенью старались запастись мясом дикого зверя, рыбой и другими продуктами природы. Именно этот процесс удачной охоты, время обильного забивания диких зверей и заготовки рыбы зафиксирован в семантике термина анимистического происхождения болони “осень”. В переводе с сохранением собственной этимологии термин болони означает “время обильного забивания зверей” или “время удачной охоты”. Такая семантика заложена, на наш взгляд, для того, чтобы не отпугнуть дух осени, дух зверей. Эвены в составе осени (болони) различают еще раннюю осень (август и первая половина сентября), которая называется мөнтэлсэ, что означает “время обильных холодных дождей”. Термин мөнтэлсэ образован от основы существительного монди, означающего “обильные холодные дожди”, буквально “многоводье”.

По происхождению и семантике интересен термин ангани, употребляемый в большинстве говоров и диалектов эвенского языка для выражения понятия “год”. Термин ангани “год” образован от существительного анна “ночевка” присоединением аффикса –ни, образующего существительные с обобщающим значением или со значением множественности. Слово ангани означает “множество ночевок” или “множество ночей”. В учебниках 2-го и 3-го классов, а также в научной литературе, появившихся во второй половине 80-х годов, якобы как наиболее правильная и древняя форма слова ангани и производного от него анганич (тв.п.), стали появляться формы аннань, аннанач, что не соответствует закономерностям эвенского словообразования и склонения, т.к. по данным

предыдущих исследователей, а также разговорной практики большинства диалектов и говоров, словообразующих суффиксов с мягким -н в эвенском языке нет. В творительном же падеже при склонении предпочтительна форма -ич, нежели -ач, т.к. сохраняется конечная гласная фонема и.

Названия месяцев. По наиболее известному и распространенному календарю эвены делили год на 12 месяцев. Вместе с тем им был известен и лунный календарь, по которому год делится на 13 месяцев. Исчисление месяцев у эвенов начиналось с макушки головы по кругув, строго следуя по визуальному солнечному движению вокруг земли, перечисляя названия основных частей человеческих рук и обоих плеч, что, на наш взгляд, было доступно каждому в тот период исторического развития. По этому календарю трудно определить, когда начинался новый год, но основное преимущество такого исчисления — установление на эмпирическом уровне некоего единства человека с круговоротом земли в пространстве и во времени.

1. *Январь* — тугани һэйэн “разгар, макушка, вершина земли”.
2. *Февраль* — эври мир “спускающееся плечо”.
3. *Март* — эври ечэн “спускающаяся локоть”.
4. *Апрель* — эври билэн “спускающееся запястье”.
5. *Май* — эври унма “спускающиеся кисти рук”.
6. *Июнь* — эври һаллра “спускающиеся пальцы рук”.
7. *Июль* — дьугани һэйэн “разгар, макушка, вершина лета”.
8. *Август* — ойчири һаялра “восходящий сустав пальцев”.
9. *Сентябрь* — ойчири унма “восходящие кисти рук”.
10. *Октябрь* — ойчири билэн “восходящее запястье”.
11. *Ноябрь* — ойчири ечэн “восходящая локоть”.
12. *Декабрь* — ойчири мир “восходящее плечо”.

В этой связи небезынтересно привести счет месяцев у ламутов Охотского побережья в XVIII в. по данным Я.И.Линденау. Так, Я.И.Линденау отмечает, что “началом года у них считается май месяц — **Bilan**, когда

вскрываются реки ото льда и рыба поднимается из моря в реки. За *Vilan* следуют: *Etschan*, *Mir*, *Oya*, *Udor*, *Otki*. С *Udor* начинается у них осень. Далее "Ламуты считают месяцы следующим образом: *первый сустав на правой руке* называется *Vilan*, *локоть* — *Etschan*, *плечо* — *Mir*, *макушка головы* — *Oya*, а *последний сустав на руке* — *Udor*. На левой руке *первый сустав* — *Udor*, *локоть* — *Otki*, *плечо* — *Mir*, *последний сустав* — *Vilan* (Я.И.Линденау "Описание народов Сибири (первая половина XVIII века) Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока", Магадан, Кн. Изд-во, 1983, С.54).

Я.И.Линденау правильно подметил, что год у ламутов начинается с мая месяца, но, тем не менее, он не сумел соблюсти последовательность в исчислении месяцев. Я.И.Линденау отмечает, что подсчет ведется по суставам рук, но называет при этом части руки. В приведенном им исчислении месяцев интересным является то, что приводятся старинные названия частей рук, в частности: *otki* "локоть", по более поздним данным, ечэн с тем же значением, и *Udor* — сегодня забытое большинством эвенов слово *удьяп* или *уд'оп*, означающее буквально "след оставляющее". Эвены — намотканы (ламуты) Кобяйского улуса до 40-х годов XX вв. отделяли у убитого медведя лапу ниже кистевых суставов. Эта часть лапы медведя называлась *удьяп* (—*уд'оп*). Подобное отделение лапы медведя от остальных частей ноги имело ритуально-анимистическое значение, чтобы дух медведя, лишившись лапы, не имел возможность преследовать того, кто его убил. Если сопоставить эту часть лапы медведя (*удьяп—Udon*) с частями человеческих рук, то она соответствует пальцам и ладони. Кроме календаря, основного исчисления месяцев по частям анатомии человека, у эвенов существовало исчисление месяцев по естественному циклу наступления времени. Этот метод исчисления был более близок к лунному календарю. По этому календарю эвенские названия января и июля месяцев сохранялись, так же как и в первом случае, а именно *тугэни* *һэйэн* и

дьугани һэйэн, но по времени несколько смещались в ту или иную сторону в зависимости от смены цикличности года. При этом названия месяцев, так или иначе, связывались с естественным циклом их производственной деятельности, то есть оленеводством и добычей пушнины. По этому календарю новый год начинался, скорее всего, с конца апреля, с начала отела оленей и назывался этот месяц хонпичан иланни, то есть *“месяц появления оленят”* или *“месяц отела”*, далее примерно с конца мая до начала третьей декады июня мучит иланни или *“месяц озеленения лиственницы”*. В это время лиственница начинает зеленеть и набирает силу. Этот же месяц время появления березового или тополевого сока, поэтому эвены называли этот месяц дилгас иланни, что означают *“месяц появления сока деревьев”*. Этот же месяц (июнь) имел третье название ньөчэлдэ иланни. Данное название уже связано с оленеводством, а именно с линькой оленей. В это время олень начинает активно линять, и начинает появляться новый пух, называемый эвенами ньөчэлдэ, что означает *“только что появившийся пух”*. Все эти три названия июня месяца на эвенском языке отражают процесс ежегодного обновления в природе, в частности, в растительном и животном мире, практически происходящий в одно и то же время, поэтому, на наш взгляд, имеют право на хождение как народные термины. Как мы отметили выше, название июля месяца на эвенском языке дьугани һэйэн (*“разгар, макушка, вершина лета”*). Но со второй половины лета начинается процесс созревания ягод, и поэтому вторую половину июля и первую декаду августа называют ирин иланни, что в переводе означает *“месяц созревания ягод”*.

В некоторых источниках утверждается, что июль месяц иногда называют орат иланни *“месяц сенокосения”*. Но это лишь калька с якутского названия июля месяца. Эвены сенокосами практически не занимались и по этой причине они не могли назвать июль орат иланни.

Со второй декады августа начинаются у оленей процесс обдирания кожи рогов (пантов). Если этот процесс у самцов и важенок заканчивается в основном в августе, то у кастратов и молодняка продолжается примерно до конца первой декады сентября. Этот месяц эвены называют иркин иланни, что в переводе означает *“месяц обдирания кожи рогов”*.

Со второй декады сентября до конца первой декады октября происходит процесс спаривания сначала домашних и диких оленей и с некоторым запозданием лосей. Поэтому этот месяц эвены называли кербэ олгиснин илан, что буквально означает *“месяц хорькания самцов”* или *“месяц спаривания оленей и лосей”*. В это время моче выделения самцов, а также все их тело выделяют особый трепкий запах, поэтому этот месяц называют иногда чираһими илан, что в переводе означает *“пахучий месяц”*. Весь октябрь в горных районах характеризуется обильными снегопадами, и потому эвены октябрь называли имананна иланни *“месяц обильных снегопадов”*. Октябрь месяц иногда называют һиглэн иланни, что означает *“месяц появления шуги и образования льда в горных речках”*.

Времена суток. Сутки в эвенском языке делятся на четыре времени: бадикар *“утро”*, инэни *“день”*, һесэчин *“вечер”*, долбони *“ночь”*. Весьма интересна их этимология и семантика. Так, слово бадикар *“утро”* произошло от прилагательного бади: 1. *Ранний*. 2. *Поспешный*. 3. *Нахальный*. Следует отметить, что в данном случае наиболее уместным можно считать термин *ранний*. Присоединение к основе бади аффикса *-кар* образует существительное со значением обобщения. Бадикар *“утро”*, буквально *“раннее время”*. Слово инэни *“день”* произошло от основы глагола индэй *“жить”*, *“бодрствовать”*. Присоединение к основе ин- аффикса *-ни* через соединительное гласное *-э* образует существительное с обобщающим значением, следовательно, слово инэни означает *“бодрствование”* или *“время бодрствования”*.

Полдень – иээни дулаканни, буквально “*середина или разгар бодрствования*”. Слово хесэчин “*вечер*” произошло от основы глагола хедэй, что в переводе означает “*появляться*”, “*показаться*”. Присоединение к основе хе– аффиксов –сэ+чин образует существительные с обобщающим значением. Хесэчин (“*вечер*”) означает “*появление*”, возникновение, видимо, речь идет о появлении звезд, а также луны.

Не менее интересна этимология и семантика термина долбони “*ночь*”. Слово долбони образовано от основы глагола додай, означающего в переводе на русский язык “*садиться*”, “*присесть*”, присоединением аффиксов –лба и –ни, образующих существительные со значением предназначения или обобщения. Таким образом, долбани, в переводе с сохранением семантики базового слова означает “*время сидения или отдыха*”. В этой связи интересно привести слова, образованные от основы глагола додай до–. Например, догландой “*хромать*”, буквально означает “*садиться на одну ногу*”, “*присесть на одну ногу*”.

В якутском языке есть слово доболон, доболоннуур практически с тем же значением, что и эвенское слово догландай. Мы полагаем, что якутские слова доболон и доболоннуур, скорее всего, заимствованы из эвенского и эвенскийского языков, так как в лексике якутского языка нет других слов, связанных в своей семантике с этими словами. В эвенском же языке основа до является достаточно активной базой словообразования. Так эвены бабочку называют докол или доколдоли, что в буквальном переводе означает “*часто садящаяся*”. Постоянное место посадки какой-либо птицы называют донмай, что означает “*место или площадка для посадки*”, например, гекан донманн (*место посадки сокола*). Эвены ламунхинского говора площадку для посадки самолета нередко называют самолет донманн. Эвены русскую настольную игру шашки называют домат. При этом большинство из них, в том числе специалистов эвенского языка, полагают, что слово домат это заимствованное от якутского языка дуомат.

Мы же утверждаем обратное, что якутское слово дуомат заимствовано от эвенского — домат. Для подобного утверждения есть такие серьезные основания. Во-первых, средствами современного якутского языка слово дуомат не этимологизируется. Во-вторых, в якутском языке нет других слов, происшедших от основы дуо-. В-третьих, в якутском языке нет аффикса —мат, образующего существительное со значением моментальности или результативности действия. В эвенском же языке, как мы отметили выше, основа до— является достаточно активной основой словообразования. Аффикс —мат(—мэт) в эвенском языке служит для образования существительных со значением моментальности или кратковременности действия. Исходя из этого, эвенское слово домат (русская настольная игра *шашки*) в переводе с сохранением семантики основы слова и значения аффикса —мат означает *“быстро пересаживаемое”* или *“быстро переставляемое”*. В этой связи можно предположить, что предки современных эвенов и эвенков, впервые увидев данную игру, заметили одну визуально заметную особенность этой игры. Увидев то, что играющие в шашки, быстро пересаживают фигурки с места на место, тунгусы назвали домат, что в переводе на русский язык *“быстро пересаживаемое”*, или *“быстро переставляемое”*.

ГЛАВА IV.

ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ОБЩИЕ И КОНКРЕТНЫЕ ПОНЯТИЯ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ

Биракчан – “небольшая горная речка”. Образовано от общетунгусского бир (бира), река присоединением аффикса –к, образующего существительные с обобщающим значением, а также аффикса с уменьшительным значением –чан. Например: калди – “сплошь расколотое”; калдин – “сплошная глыба”; калдикчан – “множество сплошных небольших глыб”; тоюк – “седловина на горе”, “впадина”, буквально “продавленное ногой”; тоюкчэн – “небольшие седловины”, буквально “небольшие впадины или продавленные ногой”.

Бирандя – “большая горная река”. Образовано от бира присоединением аффикса с увеличительным значением –ндя. В эвенкийском языке в отличие от эвенского слова бирандя имеет более широкое понятие, а именно “большая река”. Бирая – “горная речка, куда впадают множество горных речек”, обозначаемых в эвенском языке термином биракчан “небольшая горная речка”. Термин бирая имеет и вторую форму “биракчаБав(г)”. Термин бирая, как термин эвенского языка, происходит от общетунгусского бира, означающего в переводе с эвенкийского или нанайского языков понятие “река”. Однако в ламунхинском и томпонском говорах эвенского языка термин бира, бирая, бирандя используются с несколько иной семантикой, нежели в эвенкийском или нанайском языках. Так, в ламунхинском говоре бира означает в переводе “небольшая горная речка”, как и биракчан “горная речка”. Термин бирая имеет и другие формы бираБав(г), биракчаБав(г) с указанным выше значением. Термины бирая и бирандя в несколько измененной огласовке и транскрипции нередко

используются в качестве названий рек, хребтов, гор и даже городов и промышленных объектов на территории Сибири и Дальнего Востока. В частности, в нашей предыдущей работе, изданной под названием "Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии", мы говорим о горной речке Барая в восточной части хребта Джугджур на территории республики Саха (Якутия). В один из левых притоков реки Ангара (Красноярский край) в речку Тасеева впадает слева небольшая река Бирюса (Омо), что является несколько измененной формой эвенкийского и эвенского терминов бираһав, что так же, как и бирая, означает "имеющая много ручейков". На берегу данной реки расположен город Бирюсинск, в одном из заводов которого производится холодильник Бирюса. И второе название этой реки Бирюса Омо, на наш взгляд, также является словом эвенкийского происхождения со значением "прокладывающая себе дорогу". От оми, опча — "сделанная", "проложенная". С точки зрения исторической науки такое предположение является вполне обоснованным, так как до XVII в., то есть до начала освоения Сибири российским государством, в этих краях с незапамятных времен, по данным историков, проживало тунгусоязычное население, в первую очередь предки эвенков и эвенов.

Дьус — "горный ручеек, истоком которого является просачивающаяся из-под горных склонов подземная вода". При этом в числе источников могут быть и родник, называемый по эвенски ньэт. Термины дьус и ньэт при всем различии фонетического состава по семантике и этимологии являются родственными, так как оба этих варианта происходят от основы глагола ньөдэй, означающего в переводе на русский язык "выходить", "просачиваться". Изменение начального н на д (и твердого и мягкого) является достаточно распространенной закономерностью, происходящей при словообразовании в ламухинском, томпонском и момском говорах эвенского языка, например: нудур "тяжеловесный", "трудный на подзем в смысле на начало какой-либо деятельности", дудур "трудный для подзе-

ма или труднодоступный” (ламунхинский говор); ньэт “родник” — дьотис “наледь” (в смысле “выходящая из-под земли вода”), дьус — “просачивающаяся из-под земли вода”. Термины ньэт, дьотис, дьус так или иначе происходят от глагола ньэдэй, имеющего различное значение в зависимости от контекста: 1. Выходить, восходить. 2. Просачиваться. 3. Выступать из-под чего-либо (о влаге).

Дьускэн — “горный ручей или горная речка, питающаяся с просачивающихся мерзлотных вод или из родников”.

Дьунда — “относительно большой, чем дьус или дьускэн горный ручеек, вбирающий свои воды с родничков и мерзлотных вод”.

Дьупка — “небольшая родниковая речка, питающаяся из родников, выходящих в долине основной реки”. В переводе с сохранением этимологии базового слова дьунтидай “повторять”, “сдваиваться” термин дьупка означает “повторно появляющаяся”, “повторно выходящая из-под земли”. Отличительной особенностью речек, отмечаемых термином дьупка, является то, что уровень воды в этих речках постоянен независимо от погодных условий и замерзнет лишь в ноябре-декабре.

Элгэн — “небольшая, но глубокая речка с ровными берегами, плавно текущая по равнине”. Образовано от основы элгэ-, означающего в переводе на русский язык “промежуток”, “пространство между чем-либо”, в данном случае, между берегами. Аффикс —н образует существительные с обобщающим значением, типа: калди-калдин, булэ-булэн, нилга-нилгун, тива-тивун, дара-даран.

Термин элгэн с указанным нами значением на территории Республики Саха (Якутия), в регионах исконного проживания эвенков и эвенков, используются в качестве названий различных объектов. Так, на территории Кобяйского улуса имеется река Себян (по-эвенски Хэван), достаточно длинный участок, которого течет заводью между ровными берегами этой речки, что обозначается словом элгэн. В данном случае термин Элгэн использован в качестве термина и одновременно в качестве названия конк-

ретного участка реки с вышеуказанными особенностями. На территории Верхоянского улуса на междуречьи реки Яна и одного из ее притоков Адыча имеется небольшое село нередко называемое Эльгетск (в якутской транскрипции элгэс), что в переводе с эвенского, скорее всего, означает *“находящийся на междуречьи”*.

В верховьях реки Индигирка и Яна расположен хребет Элгинский, что также, несомненно, происходит от термина элгэ, элгэн и означает в переводе *“междуречный”*. На территории Сунтарского улуса в междуречьи рек Сунтар и Марха раскинулось озеро Эльгей, название которого является несколько измененным по законам якутского языка вариантом термина эльгэ и означает *“находящееся в междуречьи”*. От названия этого озера образовано и название одного из передовых в прошлую эпоху хозяйств — совхоза *“Эльгэйский”*. Исходя из выше изложенного, можно заключить, что географические термины элгэ, элгэн, используемые в эвенском и эвенкийском языках для обозначения определенных географических понятий, приняты в якутском языке. Они служат как топонимы, названия сел и отдельных хозяйств.

В Нерюнгринском улусе найдено Элгинское месторождение углей. Название Элгинское, несомненно, в своей основе имеет эвено-эвенкийское элгэ.

Окат — одно из общих понятий, обозначающих понятие *“река”*. Термин окат *“река”* образован от основы глагола одай *“делать”*, *“сделать”*, присоединением малопродуктивного аффикса —кат, образующего существительные с обобщающим значением, типа: бур *“остров”* — буркат *“кварц или кремний”*, буквально *“встречающее островками”*; но *“очень”* — покат *“хвастун”*, буквально *“говорящий очень”* или *“самовосхваляющий”*. Наричательное слово окат стало именем собственным по недоразумению еще в XVII в. и в русской адаптации зазвучало как Охота, Охотск и Охотское море. История возникновения названий Охота и Охотское море весьма интересна. Летом 1639 г. отряд томских казаков, руководимый Ива-

ном Москвитинным, из Якутска добрался до устья реки, названной впоследствии Охота. Когда русские спросили у местных эвенов о названии этой реки, то последние ответили: Эрак окат (это река). Сами эвены, видимо, из-за незнания русского языка или из-за того, что на самом деле не знали название этой реки, ответили эрак окат "речка". Русские казаки восприняли это как название реки и записали в русской адаптации Охота, а море — Ламским, т.к. эвены и эвенки (тунгусы) называли его Ламу (Ньам), что означает "море". Видимо русские только впоследствии поняли, что в переводе на русский язык Ламское море означает "Морское море" и поэтому название моря изменялось неоднократно. Оно называлось Камчатским, Пенжинским и значительно позже оно получило название Охотское по названию реки Охота, впадающей в это море.

Нун — "река, образованная от множества притоков", обозначаемых по-эвенски биракчан, бирандя, окат, т.е. основная река в системе множества речушек и рек. Слово нун, по нашему мнению, образовано от основы глагола ньөдэй (ньө-, ньү-) "выходить", "восходить" и, видимо, первоначально означало "далеко выходящее" или "далеко выводящее", впоследствии стало самостоятельным термином, означающим "главная, основная река". В этой связи частично можно согласиться с эвеноведами В.Д.Лебедевым и К.А.Новиковой, которые понятие нун сводили к понятию "большая река, впадающая в море". Видимо, для эвенов, проживающих относительно близко к морю, куда впадает та или иная река, слово нун имеет именно такую семантику.

Ньөт — "родник". Термин ньөт образован от основы глагола ньөдэй "выходить". Ньө — присоединением аффикса с обобщающим значением —т, типа: идэй — "заходить, входить"; ит — "зуб" (буквально: "входящее во что-то"), балдадай — "родиться", балдамат — "новорожденный", "только-толь-

ко родившийся”. Слово нъот “родник”, в буквальном переводе означает “только-только вышедшее”.

Эйэ (эе) – “течение”. Эйэнэ – “большое течение”, “не-что текущее” – тотемистическое обозначение большой реки, выражающее уважительное отношение к этому большому явлению, одновременно потаенное удивление и страх. Образовано от основы глагола эйэндэй – “течь, протекать” присоединением аффикса –н(э), –н, образующего существительные с обобщающим значением типа: нирдай (нир-гдай) “отделять”, “расчленять по суставам позвонка”, ниргин – “мелкий сыпучий камень” (разновидность горного камня, расчленяющегося на продольные части).

Эвено-эвенкийские термины эйэ, эе, эйэнэ, йэнэ “течение”, “текущие”, превратились в названия многих крупных рек на значительной территории Сибири и Дальнего Востока. Мы уже имели возможность высказать свою точку зрения о вероятности происхождения названия таких крупных рек как Енисей и Лена именно от указанных эвено-эвенкийских терминов. Как мы говорили в предыдущей работе, первоначальная запись названия реки Енисей в документах XVII и XVIII в.в. зафиксирована в немецкой транскрипции Goandesí и Genisca, в русской Иандези, т.е. в несколько измененной форме эвенкийского иэндраги и эвенских эйэндидди и эйэниккэн, что означает “большое течение” или “не-что текущее”. Название же реки Лена связано со словами эйэнэ (эвенское) и йэнэ (эвенкийское) практически с тем же значением. К этой же группе названий можно отнести названия рек Яна и Якутии, Ина, Ина в Приморском крае и Магаданской области. Можно предположить, что в эвено-эвенкийских названиях указанных рек обязательно присутствовали слова эйэнэ, йэнэ, например, Инадук эйэнни, что означает буквально “с камня или с гор текущая” или “Большое течение с гор”.

Сложное выражение Инадук эйэнэ, означающее в переводе “С гор текущая” или “Большое течение с гор”, где инадук означает “С камней, в смысле с гор”, эйэнэ – “боль-

шое течение” или “нечто текущее” из-за созвучности фонем в эвенских и эвенкийских базовых словах Эйэнэ и йэнэ, а также Ина (“Камень” в смысле гора) в русской огласовке зазвучали как Яна, Ина или Ина. При этом следует иметь в виду то, что все реки, названные Яна, Ина или Ина, в регионах, где они протекают, являются наиболее крупными, которых предки эвенов и эвенков называли, как правило, эйэнэ или йэнэ. Все эти реки протекают с визуально обозримых гор или в понимании древних людей – с камней. Значит, эти реки вполне могли быть названы по-эвенски Инадук эйэнни.

В этой связи нас заинтересовало происхождение названия еще одной реки на востоке страны, а именно реки Анадырь. Чукотское название этой реки, как отмечают некоторые специалисты, имеет совершенно иную огласовку и транскрипцию. Нам также известно бытующее мнение о происхождении названия Анадырь с названия юкагирского племени яндыр, некогда жившего в данном регионе. Однако по ясным документам XVIII в., установленным видным историком Б.О.Долгих, юкагирские племена, называвшиеся янги или яндыр к тому времени проживали уже в междуречье рек Яна и Индигирка (Собачья река), при этом преимущественно на западной стороне бассейна реки Индигир. Следовательно, предположение о происхождении названия реки Анадырь от юкагирского яндыр становится маловероятным. Кроме того, предки аборигенных народов по анимистическим соображениям избегали давать названия местностям названия племен.

Авторы “Топонимического словаря Северо-Востока СССР” В.В.Леонтьев и К.А.Новикова полагают, что топоним Анадырь восходит к юкагирской основе эн-эн ~ану-ан ~ану-он или к чукотскому названию Йъаайваам, где йъаай от йъайак “чайка”, ваам “река” или чукотскому же Йъа’айычгэваам со значением “быстрая волнистая река”. При этом указанные авторы ссылаются на известного специалиста по чукотской культуре Г.А.Меновщикова и

одного из первых ученых-филологов из чукчей П.И.Инэн-ликэй. Возможно, так и есть на юкагирском и чукотском языках. Однако, все вышеназванные авторы не учитывают то, что записано на картах географических открытий XVII-XVIII в.в. Так, в Ремезовском этнографическом чертеже Восточной Сибири, который считается одной из первых карт данного региона, зафиксирован Ианадынский хребет, при котором на чертеже нет ясного указания бассейна реки, не тем более названия реки. Это свидетельствует о том, что словом ианадырский скорее всего обозначен ландшафт местности, т.е. скалистая местность, нежели название реки, текущей по этой местности. В слове же ианадырский -ский, несомненно, русский формант, основа слова ианадыр, скорее всего, несколько измененное эвенское слово инагидир, или инадир "*сторона сплошной скалистости*" или "*сторона каменистых (скалистых) гор*". Слово инагидир структурно состоит из следующих составных частей: ина ("камень", "скала", "гора") + гида, в данном случае наречие места "*сторона*" + аффикс -р, образующий существительные со значением обобщения множественности или максимальной степени. Таким образом, эвенское инагидир со значением "*сторона сплошной скалистости или сторона скалистых гор*" адаптировано в Анадырь. При этом реально наблюдаемый ландшафт данной местности абсолютно точно соответствует семантике эвенского слова. Исходя из этого можно сделать вывод, что именно эвенское слово инагидир с указанным значением в русской транскрипции превратилось в Ианадырский (хребет) и только потом это название перешло в гидроним Анадырь.

Айан – "залив в море, в озеро или в реке". Термин айан большинством современных эвенков Якутии, а также в разговорном якутском языке воспринимается как собственно якутский термин с указанным нами значением. Однако мы полагаем, что якутский термин айан, на наш взгляд, заимствован и изменен по законам якутского языка от общетунгусских (эвенкийского и эвенского) тер-

минов эйэн, нэн, происшедших из эвенского эйэ и эвенкийского эе со значением *“течение”*. В пользу нашего предположения говорят следующие моменты. Во-первых, восточные эвены, язык который мало подвержен влиянию якутского языка, а также эвенки залив называют айан или эйэн. Во-вторых, семантика эвенского эйэн или айан практически адекватно отражает естественное состояние любого залива, который постоянно подвергается влиянию течения, что обозначается словами эйэ, эе или эйэн, йэн. В-третьих, в якутском языке для выражения термина залив бытует термин хома, который является термином исконно якутского происхождения. По данным А.Ф.Пекарского, термин айан означал, в первую очередь, *“русло (старое) реки с водой, соединяющееся с рекой только в полоую воду”*. Последнее объяснение свидетельствует, что семантика якутского айан скорее всего ближе к семантике эвено-эвенкийского эйэн.

Иһлэн¹. *“Место впадения в озеро весеннего ручейка, образующегося из окрестных талых вод, устье”*. Иһлэн². *“Входное отверстие в нору лисицы или тарбагана”*. Эти термины иһлэн¹ и иһлэн² образованы от основы глагола идэй, означающего в переводе на русский язык понятия *“войти”, “входить”, “впадать”*. При этом иһлэн¹ *“место впадения в озеро весеннего ручейка, образующегося из окрестных талых вод”* или *“устье”* связан с понятием, обозначаемым в русском языке глаголом *впадать* или термином *“устье”*. Но в отличие от семантики русского слова *устье*, означающего место впадения любой реки, в эвенском понятии иһлэн¹ речь идет о месте впадения речки, появляющейся только весной, в период таяния снега.

Термин иһлэн² также означает не любое отверстие (вход) в нору лисицы или тарбагана, которых может быть множество, а именно то *отверстие (вход), куда зверьки (тарбаган, лиса и др.) пролезают для зимней спячки или для оцепенения*.

Нередко термин иһлэн многие эвены более молодого возраста путают с термином һилэн (или силэн), означаю-

щим саму талую воду, появляющуюся в равнинной местности весной в период интенсивного таяния. Термин *Һилэн* (*силэн*) образован от основы глагола *Һедэй*, означающего в переводе на русский язык “появляться”, “показаться”, “выступать из-под чего-нибудь”. От термина *Һилэн*, *Һилэлкэн* образованы название одного из притоков реки Индигирка реки *Силээннээх* и одноименного с ней села *Силээннээх*.

От основы глагола *Һедэй* (–*Һидэй*) *Һе-* (*Һи-*) образовано и название реки *Синэ*, впадающей в реку Лена в среднем ее течении на территории Хангаласского улуса, и одноименного села *Синск*, расположившегося в устье реки. Именно эвено-эвенкийское *Һинэ(Һенэ)*, означающее “появляющаяся или просачивающаяся из-под земли”, “родниковая”, по русской народной этимологии превратилось в *Синюю*.

Как бы промежуточным для обозначения определенных участков рек и озер является термин *маракан* на эвенском и *марака* на эвенкийском языках. В частности, в понимании ламунхинских эвенов *маракан* “достаточно глубокая часть озера, расположенная в некотором отдалении от основной части озера ниже по течению реки”. Но этимология слова *маракан*, на наш взгляд, ничего общего с указанным определением географической особенности части озера, обозначаемой данным словом, не имеет. Дело в том, что слово *маракан* образовано от основы глагола *мадай*, означающего “бить”, “убивать”, “ловить” (рыбу), присоединением аффиксов –*рак-*, образующих существительные со значением места предназначения или действия и аффикса –*н*, образующего существительное со значением обобщения. Таким образом, термин *маракан*, означающий географическую особенность части озера, указанную нами выше, первоначально имел сугубо бытовое значение, а именно “место, где больше всего вылавливают рыбу”. Такая первоначальная семантика термина *маракан* является вполне оправданной, так как весной перед нерестом или осенью, перед тем, как найти место зимов-

ки в озере, рыба скапливается в подобных участках и становится легкой добычей наиболее опытных рыбаков.

Как географический термин слово марака, по данным известного тунгусоведа Г.М.Васильевич, имеет два значения: 1. *Узкий залив на реке.* 2. *Широкая часть озера.* При всей легко уловимой разнице значений в семантике эвенкийского марака и эвенского маракан с географической точки зрения речь идет именно о части реки или озера, где рыба скапливается, прежде чем найти пересыльце или вернуться в озеро, или в наиболее глубокое место, незамерзающее зимой.

Төнэр – “озеро”. Этимологию слова төнэр (в смысле озеро) от глагола төдэй “наступить” помогает объяснить миф, бытующий у эвенов, где рассказывается о происхождении созвездия Большая Медведица. Эвены, да и эвенки, называют Большую Медведицу Хэглэн. Согласно мифу, как только появилась земля төр, буквально “то, на что мы наступаем” или “наступаемое”) и вместе с ней люди и животные (бэйл нян буюл), три охотника, встретившись в тайге, решили помериться в быстроте, выносливости и силе. Чтобы выявить победителя, они решили погнаться на лыжах (мэрэнтэлди) за самым крупным зверем, обитающим в тайге, и признать победителем того, кто первым добудет этого самого крупного зверя и принесет на себя целиком домой. Охотники (буюсэмнэл) обнаружили этого самого крупного зверя и погнались за ним на лыжах. Этот самый крупный зверь был настолько крупным, что там, куда наступала его нога, образовывалось озеро (төнэр, буквально “наступленное”), а охотники, погнавшиеся за этим зверем, были настолько быстры и сильны, что не отставали от бегущего зверя, и настолько тяжелы, что там, где проходила их лыжня, образовывалась речка (биракчан), а там, где они бежали след в след, появлялась река (окат или нун). Гнались охотники за зверем очень долго и побежали в ту сторону, откуда наступает (появляется) хукултан т.е. “проис-

ходит образование инея”, или, по более поздним представлениям, побежали на север. Они добежали до тех земель, где нет леса. И по этим местам охотники гонялись за этим крупным зверем очень долго. Вот почему в землях, где нет леса (в тундре), появилось очень много озер (төнэрэл), т.к. этот зверь наступал часто на землю (төр). Гоняясь за этим зверем, охотники не заметили, как они оказались в верхнем мире, т.к. с тех мест, откуда появляется хингултэн добраться до верхнего мира несложно. Когда они добрались до верхнего мира бог (Хэвэк), следы которого все мы видим с земли (Млечный путь – Хэвэк хотаранни), превратил этого крупного зверя и охотников в звезды (осикат). Вот почему у созвездия Хэглэн (Большая Медведица) семь звезд, из которых четыре звезды – это самый крупный зверь (лось), стоящий на четырех ногах, и за ним три охотника, которые так и не отстали от этого зверя. Вот с тех пор этого крупного зверя “лося” стали называть төки (төкит), что в переводе на русский язык означает “наступивший”, а озеро – төнэр (буквально, “наступленное”).

Автор передал миф, услышанный еще в детстве от своей бабушки, но надо отметить, что этот миф в различных вариантах существует почти во всех регионах проживания эвенков. В последующем мы будем иметь возможность возвращаться не один раз к приведенному нами мифу, т.к. этот миф имеет очень глубокий и разносторонний смысл, раскрывающий мировоззрение эвенков.

ГЛАВА V.

ТЕРМИНЫ, ОЗНАЧАЮЩИЕ ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ, А ТАКЖЕ НЕКОТОРЫЕ ПЛАНЕТЫ, ИХ СПУТНИКИ И ЗВЕЗДЫ

Явления природы

Гарпунна – *“блики, лучи солнца”*. Термин гарпунна в указанном значении образован от существительного гар *“ветка”* (в данном случае, *луч – это ветка солнца*), присоединением аффикса –пун, образующего существительное со значением предназначения предмета (гарпун – *“ветка для кидания”*) и аффикса –на, образующего существительные со значением множественности предмета. Таким образом, термин гарпунна в переводе с сохранением семантики базового существительного означает: *“множество раскиданных солнцем веток или стрел”*. Можно предположить, что древние предки эвенов лучи или блики солнца, направленные на отдельные участки или проникающие в юрту через щели ровдуги, представляли, будто солнце пускает свои ветки или стрелы, как раскидистое дерево. Семантика термина гарпун *“ветка для кидания”*, от которого произошел другой термин гарпунна, свидетельствует о том, что предки эвенов гарпун использовали для охоты на зверей. Судя по семантике производного от него термина гарпунна *“множество раскиданных солнцем веток или стрел”*, можно заключить, что термином гарпун эвены обозначали не просто *ветку для кидания*, а именно *стрелу с костяным*, а позже *с металлическим наконечником*.

В этой связи нас несколько заинтересовал следующий факт. Принято считать, что русский термин гарпун, используемый для обозначения орудия, предназначенного для охоты на крупных морских животных (китов, моржей,

тюлений), заимствован из голландского языка, где имеется очень близкое по фонетическому составу и лексическому значению слово *harroep* (Словарь русского языка в 4-х томах АН СССР, Институт языкознания, Т. 1. С.400). Но, однако, такое категоричное утверждение вызывает сомнение по следующим причинам. Каким образом в трех неродственных языках, относящихся по международной классификации к совершенно разным группам языков, примерно один и тот же тип орудия для охоты (в тунгусском *“ветка для кидания”*, в русском и голландском *“орудие для охоты на морских зверей”*) практически по своему фонетическому составу и даже по семантике близки друг к другу. В первом случае речь идет о более примитивном виде орудия. Эвенский гарпун употреблялся в значении *“ветка для кидания”*. Во втором случае, в частности, в русском и голландском языках речь идет об усовершенствованном орудии, выстреливающим так же металлическими стрелами. Охота на морских зверей, в том числе и гарпунами, возникла значительно позже, чем охота тем же способом на суше. Далее в эвенском языке термин гарпун свободно подвергается структурному анализу слова с вычленением составных частей слова, присущего только эвенскому языку: гар+пун *“ветка для кидания”*. Все это дает нам основание предположить, что термин гарпун в эвенском языке не является заимствованным из каких-либо других неродственных языков. Более того и русский термин гарпун и голландский *harroep* скорее всего заимствованы из тунгусских языков, в частности, из эвенского. Мы каждый раз стараемся привести случаи заимствования из тунгусских (в т.ч. эвенского) языков для того, чтобы показать, как в свое время эти языки пользовались достаточным престижем у представителей неродственных им народов за достаточно емкое и точное отражение семантики выраженного тем или иным тунгусским (эвенским) словом понятия.

В этой связи можно отметить одну тенденцию, на наш взгляд, искусственно внедряемую через научную и

учебную литературу в разговорную и литературную речь эвенков. Начиная с 80-х годов XX в., отдельными достаточно подготовленными специалистами эвенского языка из числа самих носителей этого языка через учебники и специальную научную литературу активно стали внедряться чуждые заимствования из словарного запаса неродственных языков, а также крайне неуклюжие переводы-кальки с сохранением несвойственной эвенскому языку стилистики. В результате действующие с середины 80-х годов отдельные учебники эвенского языка превратились в пособия, обучающие детей как ломать и искажать свой родной и заодно чужой, в частности, русский язык. Речь идет о том, чтобы, где это, возможно, использовать слова и термины, образованные на базе словотворчества в эвенском языке, а там, где нет такой возможности использовать слово или термин, принятый из других языков, в частности из русского. Многих эвенков, владеющих родным языком, шокируют, например, такие предложения, якобы составленные на эвенском языке, как это предложено авторами учебников эвенского языка для II–III классов (В.А.Роббек, Г.Б.Щербаков, Н.И.Гладкова “Мут төрэнти” и учебник для 2-го класса тех же авторов), а также учебника “Эвенский язык” для педагогических училищ К.А.Новикова, Н.И.Гладких, В.А.Роббек.

В этих учебниках для детей, еще не владеющих русским языком, а нередко и своим родным языком, встречаем: “Предложение главнаил нян второстепеннэил членални”. В этом предложении, состоящем из пяти слов, только лишь одно слово нян (союз и) является родным, знакомым, для детей эвенков. Все остальные не знакомы им, так как еще не началось обучение русскому языку. Это же предложение без всякого ущемления “научного уровня” повествуемого положения можно передать знакомыми, понятными для учеников II и III классов словами, например: “Гөмкэн иун ньан һайна членални”. Это только один пример. И подобный, совершенно

искаженный русский язык, разбавленный эвенскими окончаниями, выдается за родной язык. В результате целенаправленного обучения подобному “родному языку” ученики в конце учебы в школе, а также в средних и высших учебных заведениях начинают к основе русского или якутского слова присоединять эвенский формант и изъясняться между собой на невообразимой смеси русского, эвенского и якутского языков, выдавая все это за родной язык. Все это приводит к тому, что учащиеся после завершения учебы в школе отчуждаются от родного языка и не овладевают, как следует, русским или якутским языками. В конечном счете, подобное обучение “родному языку” невольно ведет к ускорению процесса исчезновения эвенского языка.

Геван — “заря”. Существительное геван образовано от прилагательного ге, означающего в переводе “другой”, “второй”, присоединением аффикса -ван, образующего существительные со значением обобщения, и означает “повторение”, “смена” или “возникновение (наступление) нового дня”. Значение аффикса -ван в лингвистической литературе не раскрыто.

Нэрин — “свет”. Термин нэрин образован от основы глагола нэрилдэй нэри-, означающего в переводе “рассветать”, образованного присоединением аффикса -н, образующего существительные с обобщающим значением.

Ньанин — “воздушное пространство, окружающее нас”. Ньанин “просветление воздушного пространства перед рассветом”. Если геван, то есть заря появляется перед ясным днем, то ньанин, то есть “просветление перед рассветом” наблюдается каждое утро и в любую погоду.

Как бы антоним к термину нэрин является термин **Һатар**, **Һатарһи** (Һатарси), означающий, как мы отметили в одной из разделов первой главы, в переводе на русский язык “темнота”, “темень”, “темный”. О том, что название Шантарских островов произошло от тунгусского, в том числе эвенского һатар, мы рассказывали в той же главе.

Близком к термину *hатар* по семантике, является термин *hакарин*. В указанном нами разделе мы также высказали мнение, что название острова Сахалин произошло от тунгусского *hакарин*, *hакари*, означающего “черный”, “чернеющий”.

Некоторые специалисты эвенского языка, большей частью из числа самих носителей языка, то ли потому, что слабо владеют родным языком, то ли потому, что не хотят утруждать себя углубленным изучением родного языка, где больше неизученного, чем изученного, недальновидно стремятся форсированно завершить разработку академической грамматики эвенского языка на основе данных некоторых наиболее изученных говоров или диалектов. Между тем, даже наши скромные исследования по эвенской топонимике, где лингвистический анализ является всего лишь одним из множества (исторического, географического, этнографического и т.д.) методов анализа топонимии, красноречиво свидетельствуют о том, как много еще неисследованного в науке о языке эвенов. Наши же работы по топонимике эвенов и географическим терминам больше посвящены раскрытию духовности и менталитета предков современных эвенов начала XVII–XVIII в.в., даже еще в более ранний период, нежели изучению лингвистических особенностей языка. В изучении эвенского языка далеко не закончился еще период накопления фактического материала и теоретического обобщения накопленного по тематическим направлениям. Форсированная разработка академической грамматики эвенского языка в подобной ситуации не только не способствовала бы возрождению и развитию языка, а наоборот стала бы тормозящим фактором.

В силу ряда обстоятельств далеко недостаточно разработана, например, лексика эвенского языка. Большинство составителей словарей мало интересовались специфической семантикой слова, во многом отличающейся от семантики того же термина в других языках. По этой причине в большинстве двуязычных словарей семантика

эвенского языка механически подгонялась под семантику русского слова. Тем самым выхолащивались особенности эвенского языка, более того особенности этноса, его мышления, психологии, анимистических представлений об окружающем мире. В нашей работе мы путем внимательного анализа семантики и этимологии географических терминов стремимся показать особенности мышления, психологии, представлений об окружающей среде, в том числе связанных с анимистическими представлениями предков современных эвенов (а также эвенков), а через все это их специфическую духовность, более того особый менталитет, складывавшийся уже в период активного словотворчества на основе собственного мировосприятия. То есть предками современных эвенов, а также эвенков все воспринималось по своему и именно этим восприятием обуславливались в дальнейшем своеобразное отношение к окружающему миру.

Интересны эвенские термины, употребляемые для обозначения того или иного состояния природы, как, например, снегопад, ветер, буря и т.д. Словом имананна эвены обозначают *снегопад*, буквально *“обильно или постоянно засыпающее”*. Термин имананна произошел от существительного имана (~иманра) *“снег”*, который в свою очередь произошел от основы глагола имадай *“засыпать”*, *“укрывать путем засылки”*. Присоединение к существительному имана суффикса --нна образует существительное со значением обильности процесса. В переводе на русский язык слово имана будет означать: *“засыпающее”* или *“укрывающее”* (землю). Надо отметить, что при снегопаде действительно земля укрывается глубоким слоем снега.

Для обозначения понятия снег имеется еще другой термин: ирпи. Термин ирпи в переводе с эвенского языка означает *“быстро тающий”*.

Тику — *“непрекращающийся в продолжительное время дождь или снег”*, буквально, *“бесконечно падающее”*. Слово тику образовано от основы глагола тиктэй *“падать”*, присоединением суффикса —у, образующего прилагатель-

ное, типа калтактай “колоть” — калтаку “расколотое”. Слово тикку в переводе с сохранением семантики базового слова означает: “падающее”, “бесконечно падающее”, “не-что падающее”.

Бави — “ясная погода”, буквально “скучный, неинтересный день”. Прилагательное бави образовано от основы глагола бадай “скучать”, “лениться”, “ничем не интересоваться”, присоединением суффикса -ви, образующего прилагательные полной степени качества. Такое, странное, на первый взгляд, обозначение понятия “ясный день” или “ясная погода”, словом бави, означающим “скучный, неинтересный день”, связано, на наш взгляд, скорее всего анимистическими представлениями о некоем творце погоды, о котором нельзя, по мнению предков, говорить вслух, что “в ясную погоду или в ясный день творец погоды скучает, ленится, ничем не интересуется”. В этот день нет ни дождя, ни снегопада, ни сильных ветров, потому что якобы “творец погоды скучает”.

Ньямналтан — “ясное голубое небо”, буквально “несущее тепло”, “тепло сопровождающее”, “тепло приносящее”. Слово ньамналтан образовано от основы ньам (тепло, теплое, теплота) присоединением аффикса -на(нэ), образующего прилагательное или причастие, а также суффикса -лтан(-лтэн), образующего существительное со значением постоянства действия, типа: һи-(һу) — проявление, дуновение, һину(һуну) — сдуваемое (изморозь) һинултэн — “образование, появление инея”, “замораживание”, “ветер, образующий иней” (обычно, северный), буквально: “холодом дующий”, “холод несущий”; дэ — “ширина”, “размах”; дэмнэ — “широкий”, дэмнэлтэн “расширение” и т.д. Таким образом, практически все приведенные нами примеры полностью подтверждают наше предположение, что каждое слово или термин в эвенском языке в большинстве случаев имеет совершенно иную семантику, чем аналогичное слово или термин в других языках, используемый для обозначения того же понятия. Эта особен-

ность порождает трудности достижения абсолютно адекватного перевода с любого языка.

Унан, өнир – “наст”. Существительное унан (унэн) произошло от основы глагола ундэй “таять”, “растаять” и в определенном контексте “смягчиться” или “отогреться”. Присоединение к основе ун – с помощью соединительного гласного –а– (–э–), суффикса –н образует существительное с обобщающим значением. Слово унан (унэн) в переводе на русский язык означает: 1. Оттайка. 2. Согревание. 3. Смягчение. Почему же эвены наст обозначили словом унан (~унэн), которое имеет, как мы отметили выше, значение весьма далекое от семантики русского наст. Дело, видимо, в том, что наст как определенное состояние снежного покрова появляется тогда, когда снег под воздействием солнца смягчается и уплотняется, превращаясь в мокрый снег, а утром в заморозки ненадолго застывает обледенелой коркой. Именно этот слой, смягчившегося и уплотнившегося снега, затем застывшего коркой, как результат или меру вчерашней оттайки, прогревания или смягчения снега, эвены называют унан (~унэн). Период же оттайки днем называется словом унанкан (~унэнкэн) “наступление или время оттайки”. Термин унанкан употребляется и в несколько другом значении. Внезапное появление комаров и мошкары в связи с резким потеплением воздуха, когда становится нечем дышать, в эвенском языке обозначается термином унанкан. В этом случае слово унанкан относится не к потеплению, а к обилию гнуса. Надо полагать, что обилье комаров и мошкары эвенами представляется дополнительным согревающим фактором. Интересно отметить, что восточные эвены дом, юрту или палатку также называют унэн без долготы в начальном у–. В этом случае унэн, означает “место для согревания” или “место, где можно погреться”. Таким образом, один и тот же термин в эвенском языке используется как в значении народного географического термина, так и в значении бытового термина.

В значении эвенского унан “наст” употребляется и другой термин с несколько иной семантикой и этимологией — “өнир” или онир по словарю Цинциус В.И. Мы полагаем, что оба варианта өнир и онир имеют право на существование, так как и первый и второй варианты образованы по законам эвенского словотворчества. Так, термин өнир образован от основы глагола өньэдэй “связать”, “привязать”, “закрепить”, присоединением аффикса —р, образующего существительные со значением результата действия, —и— соединительное гласное. Өнир — “закрепленный (снег)”, “связанный (снег)”, “привязанный (снег)”, в смысле “слипшийся друг к другу”.

Термин же онир образован от основы глагола одай “делать”, “заготовить”, присоединением аффикса —нир, образующий существительные со значением результата воздействия. Исходя из этого, онир “наст” означает буквально “сделанное”, “готовое”. В пользу правильности наших предположений об этимологии терминов өнир и онир “наст” свидетельствует этимология и семантика других эвенских терминов, означающих явления природы близких по значению к терминам өнир и онир, но имеющих все же собственную семантику, как чөнир “снежный сугроб с уплотнившейся коркой сверху, но с рыхлым снегом внутри, образовавшийся, не в результате оттайки снега, а в результате заноса снега ветрами”, так и термин чунмон “рыхлый снег под которым появилась или образовалась вода”. Термин чөнир означает “уплотнившаяся снежная корка с рыхлым снегом снизу или внутри”. Термин чунмон образован от основы глагола чундай, означающего в переводе на русский язык “провалиться”, “утонуть”, “войти во внутрь”, присоединением аффикса —мон (разновидность аффиксов —ман(мэн), образующего существительные со значением пристрастия, и означает “место, где можно провалиться, утонуть”. Как видно из излагаемого нами материала, эвенские термины во многих случаях не имеют адекватного перевода, так как они образуются исходя из собственного мировосприятия окружающего мира,

строго на базе закономерностей эвенского (тунгусского) словотворчества и все это, в конечном счете, повлияло на формирование менталитета эвенков.

Для выражения разных уровней естественных воздушных колебаний в эвенском языке употребляется также несколько терминов, происшедших из разных слов. Воздух в эвенском языке выражается термином нулун, воздушное пространство – ньанин. Но следует отметить, что из этих слов термины, означающие колебания воздуха, как правило, не образуются, хотя эти термины могут быть использованы в качестве глаголов: нулунни – “*появился свежий воздух*”, гулум нулувкали – “*расшевели костер*” или точнее “*сделай так, чтобы на костер дул свежий воздух (ветер)*”. Естественные колебания воздуха выражаются терминами: эдэн – “*ветер*”; һуннэ – “*ветерок*”, “*слабый ветер*”; һуги – “*сильный ветер*”, “*пурга*”, “*циклон*”; идья – “*пронизывающий ветер*”.

Эдэн – “*ветер*”. Можно предположить, что термин эдэн образован от основы глагола эдэндэй, что означает “*ветрит*”. Но также можно предположить наоборот, что глагол эдэндэй образован от существительного эдэн.

Һуннэ (һуннэ) – “*ветерок*”, “*слабый ветер*”, буквально “*слабо дующий*”. Термин һуннэ образован от основы глагола һудэй, означающего в переводе на русский язык “*дуть*”, присоединением суффикса –ннэ, образующего существительные с обобщающим значением, типа: имана (~иманра) “*снег*”, имананна “*снегопад*”.

Һуги – “*сильный ветер*”, “*пурга*”, “*циклон*”. Образован так же, как и термин һуннэ, но на этот раз присоединением суффикса –ги, образующего существительное, ярко выраженного качества. Һуги в переводе с сохранением этимологии и семантики базового слова означает “*сильно дующий*”.

Идья – “*холодный пронизывающий ветер*”. Термин идья образован от основы глагола идэй, означающего в переводе “*входить*”, “*пронизывать*”, так же как существительное тудь “*олово*” от глагола тудай. Слово тудь переводимое

как олово, в переводе с сохранением семантики базового слова означало бы *“быстро застывающее”*. Если применить подобный способ словообразования в эвенском языке, прошедшего мимо внимания эвеноведов, к объяснению происхождения слова идья, то существительное идья, образованное от основы глагола идэй, означает *“проникающее насквозь”*, *“пронизывающее моментально”*, что полностью соответствует воздействию холодного пронизывающего насквозь ветра. Следует учесть, что в разговорной речи слово тудь нередко произносится тудье с гласным е в конце слова. Если учесть это обстоятельство, то появление конечного гласного –а в слове идья не является какой-то неожиданностью. В этой связи автор предполагает, что указанный нами способ словообразования тудай-тудь, идэй-идья является одним из редких, никем еще не отмеченных вариантов суффиксов –мат, – мэт, образующих прилагательные со значением новизны качества.

Икэнь – *“холод”*, инэньэлдэй *“холодать”*, инэнь *“холодный”*, инэньси *“холодный”*, инэньгидэ или инэньсигидэ *“холодная сторона”*, *“северная сторона”*, *“север”*. Можно предположить, что все эти слова, как и слово идья, образованы от основы глагола идэй *“входить”*, *“заходить”*, *“проникать”* присоединением аффикса –нэнь или точнее –нэ+нь и означает *“проникающее”*, *“входящее”*. Подобная фиксация семантики труднообъяснимого или необъяснимого в те времена явления природы является одной из характерных особенностей эвенского словотворчества.

Парга – *“кратковременный проливной дождь”*. Слово парга образовано от звукоподражательного слова пар –р–р, издаваемого при падении проливного дождя на ровдугу, присоединением суффикса –га, образующего существительные со значением обобщения. Значение суффикса –га в лингвистической литературе не отмечено.

Удан – *“дождь”*. Существительное удан образовано от существительного удь *“след”* присоединением суффикса –н через соединительное гласное –а–. Существительное удь в переводе на русский язык означает *след*. В переводе с

сохранением собственной семантики слово удан “дождь” означает “след оставляющее” или “след имеющее”. Таким образом, для выражения понятия дождь в эвенском языке употребляются в зависимости от силы осадков слова: удан, парга, тикю. Однако эти же термины могут быть усилены термином мөр. Мөр удан, мөр тикю, что означает соответственно: “обильный дождь”, буквально “дождь с обильной водой”, “продолжительные дожди с обильной водой”.

Мы анализировали эвенские термины, означающие такие явления природы как *снегопад, ветер, дождь*, выяснили этимологию и семантику этих терминов. Семантика каждого из этих терминов отражает мировосприятие и особенности мышления эвенков, фиксируемые специфическими закономерностями эвенского словотворчества. Эвенские термины, указывающие другие явления природы, образуются аналогичным способом. Так, такое явление природы как “*снежный обвал*” эвены выражают термином *имапра эмэһэндэнэн*, что в переводе с эвенского означает “*сход снега*” или “*продвижение снега*”, “*снежный обвал*” или терминами *эмэһэн, эмэһэнча*, буквально “*приход*” или “*сползание*”. Существительное *эмэһэн* “*приход*”, “*сход*” и причастие *эмэһэнча* образованы от основы глагола *эмэһэндэй*, означающего в переводе “*начать приходить*”, “*начать сходить*”, “*сползать*”. Так же примерно обозначается “*обвал земли*” — төр “*земля*” *эмэһэнча* “*обвалилась*”. Но в отличие от снежного обвала *обвал земли* имеет в эвенском языке второе значение — термин *уһла*. Эвенское *уһла* в переводе на русский язык означает “*сползание*”. Образовано от глагола *уһладай* “*сползать*”.

К терминам *эмэһэн, эмэһэнча* “*обвал*”, *уһла* “*сползание*” по своей семантике близко название озера Ниджли. Эвенское слово *ньидили*, которое стало названием озера, этого своеобразного чуда природы, образовано от основы глагола *ньидьирдэй*, означающего: 1. *Вдавиться*. 2. *Осесть, опуститься*. 3. *Провалиться*. 4. *Увязнуть*.

К основе *ньидь*— присоединен суффикс —*ли*, образующий прилагательное с резко выраженным внешним

признаком типа: будущи “*неровный*”, гургули “*бородатый*”, “*мохнатый*” и т.д. В этой связи небезынтересно напомнить одно действительно происшедшее явление природы на озере Нидили. По сообщению газеты “Саха сирэ” от 22 апреля 1995 г., отмечалось, что в конце 1994 г. на северной и восточной стороне озера Ньидили произошло поднятие берегов, а затем опущение большого участка. Видимо, предки эвенков и эвенков, уже много веков назад заметили такое же явление, которое произошло в 1994 г. – опущение дна озера на определенном участке после поднятия в период природных катаклизмов. Именно поэтому предки эвенков и эвенков называли это озеро Ньидили, что означает в переводе “*провалившееся*”, “*опустившееся вниз*”.

Одним из интересных явлений природы, возникающих как последствие воздействия ветра на водную поверхность является образование волн. Если от слабого ветра на поверхности воды появляется рябь, то эвенки называют эвикэ, что в переводе на русский язык означает “*изри-вость*”, “*шутливость*”. Термин эвикэ “*рябь*” произошел от основы глагола эвидэй “*играть*”, “*шутить*” присоединением афикса –кэ(–ка), образующего существительное или прилагательное со значением свойства или качества. Существительное эвикэ “*изри-вость*”, “*шутливость*” может употребляться без изменения формы эвикэ в значении прилагательного “*изри-вый, изри-вая*”, “*шутли-вый, шутли-вая*”.

Термин эвикэ употребляется и в другом значении, а именно в значении названия одного из первых ступеней уровня достижения шаманских качеств. В этом случае эвикэ в переводе на русский язык означает “*шутник*”, “*фокусник*”, “*добрый колдун*”, “*поддразнивающий*”, то есть человек, готовящийся стать шаманом, назывался по-эвенски эвикэ. Эвикэ умел, когда это нужно, показать несложные фокусы, но не был еще фокусником в полном смысле слова, мог, если ему что-то не понравится, подшутить над человеком, но так, чтобы не навредить ему. Эвика не был злым, но, тем не менее, эвенки относились к нему настороженно.

Волна по-эвенски называется *ота*. Эвенский термин *ота* “волна” образован от корня глагола *одай* “*делать*”, “*творить*” о- присоединением суффикса *-та*, образующего существительные, означающие явления природы, названия ягод, растений, частей тела человека и животных и т.д. Однако следует иметь в виду, что в научной литературе значение суффикса *-та* перечислено не полностью. Термин *ота* в переводе с сохранением семантики эвенского слова означает “*сама себя делающая*” или “*сама себя творящая*”. В эвенском языке очень много слов, образованных от основы глагола *одай* (о-). К ним можно отнести *оюлло* (~*оюлчан*) “*кедровка*”, “*сойка*”, *олон* “*мастер*”, *осал* “*камус*”, *орон* “*олень*”, *олонхотгон* “*природа подготавливается*” и т.д. Ни один из специалистов эвенского языка в тунгусском происхождении большинства указанных слов не сомневается. Однако ни один из них не только не пытался, но и не осмеливался объяснить этимологию и семантику указанных слов, ограничиваясь переводом некоторых из приведенных слов, приспособленным под семантику соответствующего слова на русском языке. Между тем, выяснение этимологии и семантики выше приведенных слов может открыть очень важные специфические особенности словообразования в эвенском языке, в том числе географических терминов. Мы считаем уместным сознательно отклониться от темы и остановиться на этих особенностях словообразования, чтобы в дальнейшем иметь возможность высказать ряд предположений очень важных для того, чтобы по-новому взглянуть на многие закономерности языка, в том числе принципы образования географических и других терминов. Для этого нам следует разобраться в этимологии и семантике перечисленных слов. Как мы уже говорили, все эти слова образованы от основы о- присоединением различных аффиксов, придающих то или иное значение образованному таким образом новому слову. Рассмотрим каждое из них в отдельности.

Оноло или онолчан. Так называют эвены *кедровку* или *сойку*. При этом эвены-намотканы предпочтительно употребляют слово онолчан, где суффикс *-чан* образует существительное с уменьшительным значением. Оба эти варианта образованы присоединением к основе *о-* суффикса *-нол*, образующего существительные со значением высшей степени качества или мастерства. Вариантами данного суффикса могут быть суффиксы *-нал(-нэл)*. Мы полагаем, что эти суффиксы являются в свою очередь усеченными вариантами суффиксов *-нолон* (*-налан, -нэлэн*), например, онолон (то же, что и онолло), таналан, кэнэлэн. В переводе с сохранением семантики базового слова (*о-* “*делать*”, “*мастерить*”, “*уметь*” и т.д.) онолло (онолчан) означает “*мастер делать*”, “*умеющая выколупливать*” или “*мастер выколупливать*”. Если семантика слова *кедровка* в русском языке связана с обитанием этой птицы в кедровом лесу и с ее питанием кедровыми орехами, то семантика слов оноло и онолчан в эвенском языке связывается со способом добывания этой птицы орехов из кедровой шишки. Таким образом, в семантике указанных слов в русском и эвенском языках выражена разница словесного оформления той или иной мысли, понятия у представителей различных этносов. Большинство лингвистов нередко игнорировалась эта разница, и допускалось стремление привести к некоей общей закономерности в развитии языка, что в целом приводило по существу к нивелированию различий между этносами.

Олон — “*умеющий делать, творить*” или “*мастер*”. Термин олон образован присоединением к корню *о-* аффикса *-лон* с тем же значением, что и *-нол*. От термина олон “*мастер*” образован другой термин олонкон, используемый для обозначения явления природы, происходящего перед сменой погоды или появлением обильного количества комаров или мошкары. Явление природы, называемое эвенами олонкон, практически не замечено для большинства людей. Это явление могут наблюдать

лишь те, кто годами привык внимательно наблюдать за скрытыми для обычных людей изменениями погоды. Эвенское слово олонкон в переводе на русский язык означает: 1. *Подготовка или приготовление*. 2. *Приготавливается, готовится*. Таким образом, слово олонкон без изменения формальной структуры может употребляться и в значении существительного и в значении глагола. Термин олонкон может получить конкретную глагольную форму олонкоттон, что означает “готовиться” или “приготавливается”. В эвенском языке имеются существительные, образованные от глаголов присоединением аффикса -нка, -нко и т.д., например, тоготтай “лежать”, тоганка “*лежище для горного барана*”, далдай “лизать”, даланка “*посуда для кормления собак*”, буквально “облизываемое”, олдай — “начать делить” или “начать готовить”, блонхо — “приготовленное”.

В эвенском и эвенкийском языках основа о— является одной из самых активных словообразующих основ, присоединением к которой различных аффиксов образуются самые неожиданные с точки зрения утвердившихся в тунгусской филологии, а также у большинства носителей этих языков слова. Так, сегодня большинством носителей современного якутского языка такие слова как олох “печь”, оночо “лодка”, олонхо — разновидность жанра устного народного творчества, еще неимеющего адекватного перевода на русский язык, принимаются словами исконно якутского происхождения. Большинство же эвенов и эвенков не оспаривают подобное мнение. Однако отдельными весьма компонентными специалистами якутского языка и якутской этнографии высказываются достаточно обоснованные сомнения о якутском происхождении некоторых из этих слов. Так, Э.К. Пекарский в широко известном “Словаре якутского языка” пишет: оюччо, оючо (ср. кар. оюта *русская лодка*, бур. оючо, монг. оюоча, тунг. оюосо “*берестяная лодка*”, “*берестянка*” “тонус оюочото, омук оюочото” (Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка. АПН СССР. Изд. 1959, т. II, с. 1857). В.Л. Се-

рошевский в известном труде "Якуты. Опыт этнографического исследования" пишет: "... у якутов нет ни одного собственного названия для рыбацких лодок и судов. Плот они зовут по-русски пулуот или булот, вообще лодку — по-тунгусски огончо. Сшитый из досок карбас — по-русски карбас. Берестянку откровенно признают тунгусской лодкой, тонгус или омук онончо" (Указанная работа, С. 290). Однако, более поздние авторы, в частности составители "Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков", слово оночо однозначно относят к якутскому языку, т.е. считают, что слово оночо заимствовано эвенками и эвенками от якутов. Данный вывод вызывает сомнение по следующим причинам. Слово оночо практически в той же транскрипции встречается по данным авторов "Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков" в словарном запасе письменно-монгольского и монгольского языков" (п-мо онгуица: 1) лодка, судно; 2) корыто, колода, сруб; монг. онгоц (он) 1) лодка; 2) колода (у колодца, проруби); 3) кормушка. (Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. АН СССР, Институт языкознания, изд. Наука, Ленинград, 1977, Т. II, С.21).

Именно этот факт, указывающий на множественность значений слова оночо в п-монгольском и других языках, дает нам основание предположить, что слово оночо имеет монгольское или тунгусо-маньчжурское происхождение и заимствовано из этих языков якутами, возникшими как этнос в более позднее время. Кроме того, в тюркских языках, к которым относится якутский язык, это слово не встречается. В якутском же языке для обозначения несколько других разновидностей лодки имеются слова тыы и аал. И самое главное, фонетический и морфологический состав, лексическое значение слова оночо полностью соответствует закономерностям словообразования в эвенском и эвенкийском языках. Так, в слове оночо основа (корень) о-, означающий в переводе на русский язык, "делать", "сделать", —ночо — разновидность аффиксов —нича, —нуча, —уча, —учэ, присоеди-

ем которых образуются существительные со значением способа, результатов и последствий действия, типа онича – картина, рисунок, буквально нарисованное (ая, ый), дёнича – образовавшееся по подобию или подобное. Само же слово оючо в буквальном переводе на русский язык означает “сотворенное”, “сделанное”, “приготовленное” (человеком). Все предметы, обозначаемые словом оючо в письменномонгольском, монгольском и бурятском языках, как видно из приведенных примеров, при всем многообразии являются сотворенными или сделанными человеком. Такое совпадение или близость семантики и этимологии п-монгольского оюгүса, монгольского онгон (он) и эвено-эвенкийского оючо говорит скорее всего о том, что не эвены и эвенки у якутов, а якуты приняли у эвенов и эвенков (тунгусов) слово оючо. Данное предположение может быть подтверждено и историко-этнографическими данными. Предки якутов, будучи скотоводами, были скорее всего обитателями низменных мест, степей, где мало было озер, рек и морей. Неслучайно в якутском языке нет слова адекватного слову море. Тот же Серошевский отмечает: “У якутов сохранились прямые предания, указывающие на их недавнее относительно знакомство с лодками, сетями и вообще рыболовством” (В.Л.Серошевский. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд., М., 1993, С. 290). Здесь же, приведя несколько преданий, Серошевский высказывает мнение, что якуты лодку увидели только у русских, когда двое русских убежали от Тыгына на построенных ими лодках.

К такому же типу по своему происхождению относится слово оюок “нечь”, которого якутский исследователь Г.В.Попов в своей работе “Слова неизвестного происхождения в якутском языке”, относит к группе слов данной категории. Слово оюок, на наш взгляд, является словом эвенского (или общетунгусского) происхождения. Оно образовано от того же активного корня о-, означающего, как мы отметили, “делать”, “сделать”, “готовить”, “творить”. Присоединение к основе о- аффикса -юок (-нэк)

образует слово со значением назначения предмета. Исходное из этого, слово онок, переводимое как "печь" и принимаемое многими эвенками и специалистами как слово якутского происхождения, на самом деле является словом эвенского (а также общетунгусского) происхождения и означает в переводе на русский язык "предназначенное для приготовления чего-то" или "то, на котором что-то приготавливают". Таким образом, семантика русского слова печь, а также семантика эвено-эвенкийского онок практически совпадают, ибо русское слово печь означает "место, где пекут, жарят".

В эвенском языке достаточно много слов, образованных также как слово онок, присоединением к основе аффикса -нок, например, дьэбдэй — "есть"; дьэбэһэк — "посуда для еды", буквально "то, на чем едят"; нэдэй — "класть"; нэһэк — "ящик", буквально "то, куда кладут" и т.д. Все это, по нашему мнению, является достаточным основанием для того, чтобы считать слово онок словом эвенского и даже общетунгусского происхождения. Тем не менее, можно привести еще одно косвенное доказательство. К приходу русских (начало XVII в.) ни у предков современных якутов, ни у предков современных эвенов и эвенков не было таких печей, как у русских, в первую очередь, железных. Поскольку русские землепроходцы вначале встретились с тунгусами и только позже с якутами, то более вероятно предположение, что тунгусы передали якутам слово онок, которое обозначало невиданную доселе ими русскую печь, а не наоборот.

Олонхо — один из специфических жанров устного народного творчества народа саха (якут), где наиболее ярко отразились его национальное самосознание, национальный дух, национальное мировоззрение. Якуты не без гордости называют Якутию древней землей Олонхо. И это полностью соответствует роли олонхо в происхождении, становлении и развитии народа саха, как одного из аборигенных народов, ставших этносом на территории современной Якутии. Но само слово олонхо средствами

современного якутского языка не этимологизируется и, видимо, по этой причине не имеет адекватного перевода в русском языке, тогда когда такие жанры народного творчества: *песня, стихотворение, рассказ, повесть* имеют вполне адекватные со смыслом термины в русском языке: *ырыа, хоһоон, кэпсээн, сэһэн*. Некоторые термины жанров обозначаются адаптированными по законам якутского языка терминами литературных жанров русской словесности. Вот что пишет Э.К.Пекарский в указанной нами работе, объясняя, что представляет собой олонхо: "Олонхо, олоно.. ср.кирг *ölöң* четверостишие, песня, олонхо героическая былина, эпическая песня о подвигах богатырей: героическая поэма, имеющая стихотворный размер; сказка; вымышленный рассказ" (Э.К.Пекарский. Словарь якутского языка. АН СССР, 1959, Т.II, С.1818). В данном объяснении достаточно точно передана многозначность олонхо, которое вбирает в себе элементы или признаки всех указанных разновидностей жанров народного и литературного творчества. Однако, в этом определении, на наш взгляд, не уловлена семантика самого слова олонхо, его этимология, посредством которой творец этого термина (народ) проявляет специфическое мировосприятие или самовыражение. Если какое-то слово (термин) не имеет объяснения с точки зрения национального менталитета, то, скорее всего, это слово (термин) является внесенным извне.

Отталкиваясь от многих исторических и лингвистических источников, выдвигающих идею происхождения и становления этноса саха (якут) как самостоятельного народа в результате ассимиляции этнической группы тюркского происхождения с аборигенными, в первую очередь, с тунгусоязычными народами, на территории современной Якутии, мы проверили наличие в словарном запасе эвенского и эвенкийского языков слова или слов, близких по звучанию с якутским термином олонхо, и попытались сравнить семантику этих слов и выяснить, хотя бы предположительно, их этимологию.

В эвенском языке имеются слова, производные от основы глагола одай о—, означающего в переводе на русский язык “делать”, “готовить”, “творить”, “мастерить”. Одним из таких слов можно назвать слово олон, образованный от основы о— присоединением аффикса —лон(—лак), образующие существительные со значением степени качества или степени мастерства. Слово олон означает: 1. Умелец. 2. Мастер. 3. Творец. В свою очередь от существительного олон образуется глагол олонкоттай, означающий в переводе: 1. Приготавливаться. 2. Выделяваться. 3. Мастерить. 4. Предвещать. 5. Творить.

Так, автор данных строк еще в детстве слышал от своих родителей выражение: “Хинимкин, һи нав олонкочонни?”, что в переводе означало: “Грех, что ты выделяешься?” или “Грех, что ты предвещаешь?”. По поверьям, сохранившимся еще до 50-х г.г. XX в., если ребенок ни с того, ни с чего начинает мастерить ножом или топором что-то неизвестное, то бабушки и дедушки настораживались и видели в этом предвестника нежелательного явления, например, то, что взрослым в ближайшее время придется делать гроб. Именно поэтому старые люди, особенно старухи, считали греховным, если ребенок начинает творить, мастерить с упорством не по возрасту что-то неизвестное.

Слово олонкоттон эвенами старшего поколения употреблялось и в несколько других обстоятельствах. В частности, когда на небе появляются еле заметные изменения, предвещающие изменение погоды или наступление мошкары, то они говорили: “Ньямналтан олонкоттон”. “Тогэчин олонкоттон” и т.д., что в переводе на русский язык означает: “Небо голубое готовится (творит)”, “Тучи приготавливаются (творят) к появлению мошкары”. Таким образом, слова олон, олонкоттан, которые практически очень близки по фонетической и морфологической структуре к якутскому термину олонхо и так или иначе связаны по своей семантике с творением или результатом творения. В эвенском языке много образований, проис-

шедших от основы о-, связанных по своей семантике с творчеством или результатом творчества. Таковы, кроме приведенных выше, слова: о^ночо – “лодка”, буквально “сделанное или сотворенное”; о^нок – “печь”, буквально “место для приготовления”; очинка – “строительство”, буквально то, что делается, строится; очилдывун – “инструмент”, буквально “то, с помощью которого делают, строят, творят”.

К этому достаточно длинному списку слов, происшедших от корня о- можно отнести еще слова оня, онича, оба, омчак, ота, онкой, окат и т.д. Оня – рисунок, изображение, знак, отметина; онича – зарисовка, украшение, орнамент; оняс – твой рисунок, твое изображение (портрет). Отсюда, надо полагать ойконим Оньюс. Как отмечают археологи, в окрестностях данного села найдены древние предметы или изображения. Следовательно, первые обитатели этих мест уже в древности были знакомы с этими предметами или изображениями. Омчак – “изменность на истоках горной реки, окруженная со всех сторон горами”, буквально “нечто сотворенное” или “похожее на чье-то творение”. Оба – “небольшое понижение на горном ландшафте”, буквально “кем-то сотворенное или разрытое”. Ота: 1. Рябь. 2. Волна. Буквально, “самообразующийся”. Онкой (в якутской транскрипции онхой) – “яма”, буквально “кем-то разрытое”. Окат – одно из обозначений понятия река, буквально “сама по себе прокладывающая путь, дорогу”. Как видно из объяснения этимологии и семантики указанных тунгусских, в данном случае эвенских слов, значение каждого из них связано с творчеством, деятельностью субъекта. В якутском же языке практически нет других слов, кроме как образованных от термина олонхо, олонхосут – “исполнитель олонхо”, олонхолоо – “исполни олонхо” и т.д. Все это дает нам основание предположить, что термин олонхо, означающий один из жанров устного народного творчества якутов является заимствованным от эвенского или эвенкийского языков.

Имеются еще другие аргументы, которые, возможно, и косвенно, но однако достаточно убедительно свиде-

тельствуют о правомерности нашего предположения. Интересно отметить, что многие герои олонхо, не без основания перечисляемые к героям якутского происхождения, зачастую носят почему то тунгусские имена или в их именах, имеются слова тунгусского происхождения. Таковы, например, главный герой одного из известных олонхо “Ньургун Боотур Стремительный” (“Дьулуруйар Ньургун Боотур”). В этом очень сложном имени собственно якутским словом можно назвать только слово Дьулуруйар (Стремительный). Боотур, видимо, слово общетюркского происхождения, означающий в переводе с древне-монгольского *vaqatur* — “храбрый воин”, а Ньургун, адаптированный с эвено-эвенкийского (тунгусского) языка ньургин, означающего в переводе на русский язык “передовой”, “ведущий” (в отношении человека). Слово ньургин образовано от основы ньур— присоединением аффикса —гин, образующего существительные или прилагательные со значением места расположения или положения того или иного предмета (объекта) по отношению к сравниваемому или с сравниваемым, типа: һэрги(г) “нижний”, һэргин “внизу”, “низенький”, улги “вырытый”, улгин “углубленное место”, “заводь”, эдьэг “нижний по отношению к течению реки”, эдьигэн (эдьэгэн) “низовский”, “располагающийся ниже по течению”. Слово ньургин образовано от основы ньур, означающего в переводе с этих языков: 1. Каменный или железный наконечник, или просто наконечник стрелы. 2. Стрела. Поскольку наконечник стрелы в первую очередь служит для направления стрелы, то есть как *ведущий, направляющий элемент для стрелы*, то слово ньургин или ньургун означает “ведущий”, “передовой”. С учетом выше изложенного, полный перевод названия якутского олонхо “Дьулуруйар Ньургун Боотур” с сохранением этимологии и семантики, скорее всего, означает: “Стремительный (Дьулуруйар) передовой (ведущий) храбрый воин (Ньургун) богатырь (Боотур)”. Как видно из названия олонхо, как и термин олонхо — “заранее приготовленное”, “заранее созданное”. Олонхо “Дьулуруйар Ньур-

гуи Боотур” является творением не только якутского, но и тунгусских народов.

Еще одним из примеров, подтверждающих наше подобное предположение, является и то, что героями одного из якутских рассказов, записанных В.Серошевским являются тунгусские богатыри Бюлюй-Эрюнча, Джэнгы-Даринча, Энкебиль бого. Последний из этих героев народного предания Энкебиль бого в олонхо чаще фигурирует под именем Юнкэбил. В этой связи можно высказать следующее. Под приведенными выше именами, скорее всего, имеются в виду не отдельные богатыри, а персонифицированные образы тунгусских родов. Так, богатырь Бюлюй Эрюнга – это собирательное название тунгусских родов, оставшихся или обосновавшихся в регионе реки Вилюй. В буквальном переводе с эвенского языка Бюлюй Эрюнча (в эвенской транскрипции Булулэ Ёринчэ) означает “осевший или обосновавшийся на Вилюе”. Под именем Джянгы-Даринча означены тунгусы, ушедшие в горы Верхоянья. Джангы – это эвенское Иана или Ина. Даринча – также эвенское дэриһэнчэ, означающее в переводе “убежавший или ушедший в горы”. В памяти эвенов старшего поколения еще до 50-х гг. XX в. бытовало мнение, что многие роды эвенов в незапамятные времена остались в Вилюе, где обосновались и впоследствии объякутились. Многие же роды ушли в Верхоянские горы. В их рассказах первых называли Булулэ ёринчэл, вторых Ианала дэриһинчэл. По рассказам бабушки автора, родившейся в первой половине XIX в., между якутами, а также объякутившимися тунгусами (эвенками), оставшимися на Вилюе, и тунгусами, ушедшими в Верхоянские горы (Джаны), нередко происходили межродовые конфликты. Так, якуты и объякутившиеся тунгусы, осевшие на Вилюе, нередко совершали набеги на тунгусов, ушедших в горы: отбирали оленей и молодых женщин. Этот момент зафиксирован в эвенском фольклоре. Видимо, эти рассказы в измененном варианте перешли в якутский фольклор.

Богатырь Энкэбилъ бого, чаще фигурирующий под именем Юнкэбил, это некто иной как Дьукагир или в якутском варианте Дьукээбил. Дело в том, что предки современных эвенов одулов (юкагиров), живших где-то на севере, называли дьукагир, что в переводе с эвенского означает *“имеющий где-то жилье (дом)”*. Так называли предков современных юкагиров, которые имели жилье (дом) чандал где-то на севере. Поскольку они не знали, где живут эти дьукагиры (в русской транскрипции юкагир), предки эвенов полагали, что в зимние холодные ночи от костра юкагирских племен на небе играет огненное пламя. И это огненное пламя, появляющееся в особо холодные ночи, эвены называли дьукагир тоголли в якутском варианте дьукээбил уоттара, что означает *“северное сияние”*, а буквально *“огни юкагирских костров”*. Если объединить все эти факты, то под именем богатыря Энкэбилъ бого, Юнкэбил скорее фигурирует богатырь из племени юкагиров. Кроме того, по народным преданиям, бытующим среди эвенов, юкагирские роды нередко конфликтовали с эвенскими родами. Все эти моменты, вначале были зафиксированы в эвенском (тунгусском) фольклоре, а затем в несколько измененном варианте заимствованы якутским фольклором. Приведенные нами аргументы о семантике и этимологии термина олонхо, а также о некоторых сюжетах и именах, действующих лиц этого жанра, дают нам основание достаточно уверенно отстаивать свое предположение о тунгусском происхождении термина олонхо, считающегося одним из наиболее самобытных и популярных видов якутского народного творчества.

Названия планет, некоторых звезд, атмосферы и спутника Земли

У предков эвенков, как и у всех тунгусоязычных народов, по известным причинам, не было каких-либо серьезных научных представлений о звездах, планетах и их спутниках. Однако названия известных им звезд, планет, наблюдаемых с планеты Земля, атмосферы и ее спутника (Луны) очень точно отражают особенности их мышления, отношения к ближней и дальней окружающей среде и соответственно особенности их словотворчества. Эти названия основывались на эмпирических представлениях предков эвенков, но по степени адекватного отражения реальных визуально заметных особенностей наблюдаемых ими объектов не менее интересны и точны, чем названия аналогичных объектов у других народов. Иногда в литературе, чаще в обыденных представлениях отдельных людей, а также в средствах массовой информации нет-нет да отвергаются или презрительно высмеиваются представления древних людей и их современных потомков об окружающем мире.

Предки современных эвенков, как и всех других младодписьменных народов, даже тысячелетия назад, в период их первоначального возникновения как представителей человеческого общества, обладали достаточной наблюдательностью и мудростью, чтобы выразить увиденное средствами языка, которое при внимательном анализе семантики и этимологии данного слова не может быть скоропалительно отвергнуто как несоответствующее объективной реальности. Иногда эти термины-названия привлекают меньшей точностью и мудростью отражения особенностей обозначаемого тем или иным словом, зародившимся на заре их исторического развития. Приведем бытующие в эвенском языке названия планет, звезд, атмосферы и спутника Земли.

Төр — «земля», буквально «то, на что мы наступаем» или «наступаемое». Когда мы объясняли происхождение

термина тэнэр “озеро”, мы на основе фольклорных данных попытались объяснить, что слова төр “земля”, тэнэр “озеро”, токи “лось” произошли от основы глагола төдэй “наступать”. С точки зрения современных представлений о происхождении этих объектов и на самом деле на первый взгляд несколько примитивно. Но, однако же, то, что предки эвенков землю называли төр “наступаемое” вполне соответствует реальной истине, доступной тому уровню развития. Так и в наши дни трудно оспорить тот факт, что по этой земле все мы ходим, то есть, наступаем на нее. А вот термины тэнэр “озеро” и токи “лось”, бесспорно, имеют мифическое происхождение, вызванное неумением объяснить истинное происхождение этих объектов действительности. Следует иметь в виду, что в современной огласовке и транскрипции в эвенском языке эти термины, казалось бы, имеют различные основы: то-, то-, ту-.

Однако это можно объяснить постепенно происшедшими изменениями в фонетическом оформлении слова в самом эвенском языке, а также некоторым влиянием неточностей при первоначальном письменном оформлении тех или иных слов в прошлом представителями иноязычной среды. Так, и гласные, и согласные звуки эвенского языка и в настоящее время, и тем более далеко до создания письменности, по вполне объективным причинам не всегда были адекватными с аналогичными звуками языка народов, имеющих письменность. Это обстоятельство повлияло на появление отдельных неточностей в первоначальной письменной фиксации этих звуков в тех или иных словах. В свою очередь, эти неточности невольно стали восприниматься в последующем специалистами и даже самими носителями языка, как закономерности, присущие фонетическим особенностям эвенского языка. Так, практически во всех диалектах эвенского языка гласные а, о, е, э, у не всегда различаются друг от друга отчетливо и по этой причине в разговорной речи они нередко переходят друг в друга. В этой связи надо отметить, что закон гармонии гласных наиболее полно и удачно

описан К.А.Новиковой в работе “Очерки диалектов эвенского языка”. Так же происходит и со многими согласными. Данное обстоятельство мало учитывается специалистами эвенского языка и ведет к затруднениям в объяснении семантики и этимологии многих слов, на первый взгляд, несвязанных между собой. В эвенском языке подобных явлений преобразования звуков в родственных словах достаточно много. По ходу объяснения семантики и этимологии терминов, обозначающих звезды и планеты, мы будем иметь возможность подтверждать сказанное примерами. Возвращаясь к термину *төр* “земля” (буквально, “наступаемое”), можно привести еще одно слово, родственное по своему происхождению со словами *төр* и *төдэй*, употребляемое для выражения взаимоотношения людей. Так, в эвенском языке имеется термин *төнкэ*, что означает “уважительность”, “предупредительность”, “недопущение пренебрежительного отношения”.

Далее в эвенском языке имеется термин *тураг* (-*турэн*), означающий “земля или место без каких-либо растений”. В слове *тураг* (-*турэн*) гласное *у* ближе к гласному между *о* и *ө* или *у*. Это именно тот случай, когда гласные *о*, *у* переходят в некий средний гласный между ними. *Тураг* (-*турэн*) образован присоединением к основе *төр*(*тур*) аффикса *-н*, образующего существительное с ограничительным значением, типа: *булун* “болото”, “болотистость”, *булун* “болотистость по окраинам”. Эвенский термин *тураг* или *турэн* означает “участок земли без каких-либо растений”, превратившийся в подобное в результате интенсивной эксплуатации, например, место стоянки большого количества животных или людей, место стойбища и т.д. Интересно отметить, что термин *тураг* имеется в словарном запасе других неродственных тунгусо-маньчжурским этносам народов. В частности, по данным русско-китайского словаря, в китайском языке имеется термин *tugang*, означающий “благоприятную почву”. Если так, то китайское *tugang* и эвенские *тураг* или *турэн* практически близки по своей семантике. Как известно,

подвергшаяся интенсивной эксплуатации почва со временем становится местом обильным зеленью. В якутском языке термин туран означает “Минеральной тууһа элбээбит сир, үүнээйи кыайан үүммэт буора” (Краткий толковый словарь якутского языка).

И в китайском, и в якутском языках термины *tugang* и туран, на наш взгляд, являются заимствованными из тунгусо-маньчжурских, в том числе из эвенского языков, так как в китайском языке планету Земля и сушу называют *didiu*, а в якутском — сир. А в эвенском языке, как мы отметили выше, планета Земля и суша обозначается термином *tөр* или *тур* со значением “наступаемое”.

Биаг или бег — “луна”, “месяц”. Термин биаг или бег в значении “луна (месяц)” образован от бытового термина *биа* или *биас*, означающего буквально “противоположные стороны очага жилья, юрты”. Термин биаг в значении “луна”, “месяц” в переводе с сохранением семантики базового слова означает “появляющееся тогда, когда люди собираются по обе стороны очага юрты, жилья”. Можно предположить, что предки эвенов в течение длительного наблюдения в жизни заметили, что луна (месяц) появляется постоянно в одно и то же время, а именно тогда, когда обитатели жилья собираются по обе стороны очага жилья, которая по-эвенски называется биас. Данное представление о луне трудно отнести к научным представлениям. Вместо термина биаг в значении “луна”, “месяц” большинством эвенов используется и термин *илан*. Термин *илан* образован от основы глагола *илдай*, означающего в переводе “вставать, подниматься (после ночного сна)”. Те, кто обозначил луну термином *илан*, скорее всего, отметили другую изуально наблюдаемую особенность луны, а именно то, что луна сохраняется до того, как люди встают после ночного отдыха. В этом случае термин *илан* в переводе на русский язык означает “сохраняющееся до того, как люди встают с ночного сна”. Термин *илан* используется и для обозначения названия планеты

Венера. В этом случае в понятие илан вкладывается примерно то же значение, что и в первом случае, то есть Илан в смысле *Венера* в переводе с сохранением семантики базового слова означает “сохраняющееся до того, когда люди встают после ночного отдыха”.

Интересно отметить, что термин илан в значении “луна” в несколько измененном варианте используется как в китайском, так и в якутском языках. В частности, в якутском языке существует выражение “ылаңны ыйдар”, что означает “лунные месяцы”. Но, однако, в якутском языке для обозначения спутника Земли Луны имеется слово исконно якутского происхождения “Ый”. Следовательно, термин Ылаанны в якутском языке заимствован из тунгусо-маньчжурских языков.

В китайском же языке луну обозначают термином *iulang*. Фонетическое сходство и значение эвенского слова илан и китайского *iulang* (луна), несомненно, очень близки. Вместе с тем, если учесть, что исторически Китаем владели в течение почти шести веков сначала кидани, а затем чжуржене и маньчжуры, относящиеся к тунгусо-маньчжурской группе алтайских языков, то не исключено, что китайцы заимствовали этот термин с языка или киданей, или чжурженей, или маньчжур, язык которых сегодня считается забытым.

Однако, на наш взгляд, на основе сравнительного анализа семантики отдельных терминов, сохранившихся в исторических документах из словарного запаса указанных народов, а также аналогичных терминов в словарном запасе северной группы тунгусоязычных народов, в том числе эвенов и эвенков, вполне возможно выявить и восстановить первоначальное значение этих терминов, что и попытались мы сделать выше. В истории языкознания известны факты восстановления не только отдельных слов, но и целых текстов на языках вымерших тысячелетия назад этносов (майя).

Воздушное пространство эвены называют ньанин, околосемную атмосферу и все визуально видимое про-

странство вне этой атмосферы эвены называли ньэлбэн, что в переводе означает *“бесконечно расширяющееся”*, *“бездонное”*, *“бесконечное”*. Термин ньэлбэн образован от основы глагола ньэлбэндэй ньэлбэ- *“расширяться”* присоединением аффикса -н, образующего существительное со значением обобщения.

В этом бесконечно расширяющемся, бездонном пространстве (ньэлбэндулэ) в темные ночи наблюдаются осикатал *“звезды”*. Термин осикат *“звезда”* по-эвенкийски осиката образован от основы глагола осондай, означающего в переводе на русский язык *“вылетать”*, *“отскочить”* (имеется ввиду *искра, отлетающая от костра*). Но в эвенском языке семантика слова осондай ближе к семантике слова *“прыгнуть”*, *“отскочить”*. Таким образом термин осикат, как мы отметили, образованный от основы ос- присоединением аффикса -кат с помощью соединительного гласного и, означает скорее всего *“прыгающая”*, *“скачущая”*. Предки современных эвенов (а также и эвенков) в звездах отметили главную, визуально заметную особенность, а именно то, что они как бы скачут, прыгают, отлетают или иначе говоря, мигают. Исходя из этого значение слова осикат, осиката в переводе с эвенского и эвенкийского означает *“скачущая”*, *“прыгающая”* или *“мигающая”*.

Ньэлтин — *“солнце”*, буквально *“восходящее”*, *“нечто восходящее”*, *“нечто появляющееся”*. Этимология термина ньэлтин *“солнце”* или, как мы отметили, *“нечто восходящее”* связано с основой глагола ньэдэй, означающего в переводе на русский язык *“выходить”*, *“восходить”*, *“появляться”*. То есть слово ньэлтин, обычно переводимое на русский язык как *“солнце”*, в переводе с сохранением этимологии базового слова *“ньэдэй”* на самом деле означает *“выходящее”*, *“восходящее”*, *“появляющееся”* или *“нечто восходящее”*, *“нечто появляющееся”*. Как видно из этого, в отличие от предков славянских народов, отметивших в данном космическом объекте то, что оно дает тень или сильно печет, то предки современных эвенов отметили то, что этот объект постоянно восходит. Следует отме-

тить, что некоторые эвенки солнце называют сигун, что так же очень близко по семантике с эвенским ньэлтин. В отличие от эвенского ньэльтин *“нечто восходящееся”* эвенкийское сигун означает *“появляющееся”* или *“нечто появляющееся”*, в маньчжурском сизун или шун.

Термин ньэлтин образован присоединением к основе ньё- аффикса -лтин, образующего существительные со значением постоянства действия. Так, в эвенском языке имеются термины ньамналтан *“голубое небо”* или более точно *“приносящее или сопровождающее тепло”*. Ёрилтан *“постоянно в момент остановки на стойбище”*, гулэхэлтэн *“постоянно, в момент выступления (отъезда) кочевья”* и т.д. В этой связи мы поддерживаем мнение доктора филологических наук, эвеноведа В.А.Роббека о том, что в эвенском языке несколько шире категория времени: имеются не только прошлое, настоящее и будущее время. Категорию времени не всегда можно ограничить лишь этими временными рамками. В отличие от указанного автора, рассматривавшего категорию времени только в глаголах, мы считаем, что и некоторые отглагольные существительные в эвенском языке сохраняют и имеют категорию времени. Одним из таких существительных в эвенском языке является существительное ньэлтин *“солнце”*, буквально *“нечто восходящее”*. В существительном нэлтин сохранился признак постоянного настоящего времени, то есть ньэлтин *“нечто восходящее”* сохраняет признак настоящего времени и в прошлом, и в настоящем, и в будущем.

Корень ньё-, ньу- или ню- в эвенском языке является достаточно активным корнем, присоединением к которому самых различных суффиксов образуются новые слова, относящиеся к разным, иногда весьма далеким друг от друга сторонам реальной действительности. Так, ньёчэ – *“растение”* или *“трава”*, буквально *“только или недавно вышедшее”*; ньёт – *“родник”*, буквально *“выходящее”*, *“выступающее из-под земли”*; ньимэт – *“панты”*, буквально *“свежевыросшее”*; ньурит – *“волос”*, буквально *“по-*

стоянно растущее”; дьотис – “имеющее множество родников” и т.д. Как видно, при образовании нового слова достаточно активно изменяется гласный и даже согласный звук корня. Все эти изменения гласного и согласного звуков в корне мы приводим для того, чтобы высказать одно весьма интересное предположение, а именно высказать мнение о происхождении микротопонима Япония.

Япония – одна из высокоразвитых цивилизованных стран мира, очень ревностно и строго стремящаяся сохранить и развивать специфическую традиционную духовность, созданную предками за многовековую историю. Все мы привыкли называть эту страну “Страной восходящего солнца”, принимая это выражение за китаизированный перевод японского представления о своей стране. Так, автор “Краткого топонимического словаря” В.Никонов утверждает, что слово Япония состоит из двух слов ни–, означающего в переводе на русский язык “солнце”, и пон–, означающего в переводе “страна”. Надо отметить, что В.Никонов воздержался уточнить к какому языку относятся эти слова. С точки зрения иноязычного исследователя, возможно, не столь важно с какого языка осуществляется подобный перевод. Однако с точки зрения научной объективности и точности было бы, на наш взгляд, предпочтительнее конкретизировать язык, с которого делается перевод, так как то или иное конкретное слово или выражение может дополнить наши достоверные и объективные знания об истории народов, даже поновому взглянуть на прошлое народов.

Если предположить, что сами японцы называли свою страну “Страной восходящего солнца”, то видимо, подобное представление о своей собственной стране скорее говорило бы о недостаточной наблюдательности самих японцев и несуразности их представления, так как даже в древние времена они могли реально наблюдать, откуда же на самом деле восходит солнце. Можно предположить, что подобное представление о земле, называемой Япония, могло быть высказано представителями других

народов, которые еще не побывали на этой земле, но наблюдали издалека, как из-за этой страны восходит солнце. Такими народами могли бы быть обитатели континентальной части данного региона. Этими народами могли быть китайцы или другие народы Китая. Представление о том, что это китаизированный перевод является, на наш взгляд, ошибочным по следующим причинам. В русско-китайском карманном словаре (автор не известен), где переводы с китайских иероглифов даны в начале в латинской транскрипции, слова *солнце*, *страна* и *японский* (в смысле язык) звучат совершенно иначе, чем *ни*, *пон* или *япон* (*нипон*). Так, по данному словарю слово *солнце* обозначено на китайском в латинской транскрипции *taiyang*, что, как видно, совершенно не напоминает слово *Нирон*. Слово же *страна* обозначено словом *guojia*, слово японский (язык) — *riben*. Как видно из этого, по-китайски слова “солнце”, “страна”, “японский” (язык) звучат совершенно по иному, чем приведенные нами *ни* и *пон*. Таким образом, указанные слова не относятся к китайскому языку и перевод названия Япония как “*Страна восходящего солнца*” не является китаизированным переводом.

Зато в современном эвенском языке, по научной классификации считающемся родственным к маньчжурским языкам, сохранился очень активный корень *ньу-* (*ньө-*), от которого, по нашему мнению, в несколько иной транскрипции образовался корень *ни-*, составляющий первую часть топонима *Нирон*. Присоединением к корню *ньу-* (*ньө-*) различных суффиксов образуются слова, связанные с понятиями “*выходить*”, “*восходить*”, “*уходить*”, “*расти*” и т.д. Мы также говорили, что солнце по-эвенски называется *ньөлтин* или *ньултин*, что означает: 1. *Восходящее*. 2. *Нечто восходящее*. 3. *Постоянно восходящее*. Это говорит о том, что первая часть слова *нипон* *ни*, считающегося относящимся к китайскому языку, скорее всего, относится или к маньчжурскому или к чжурженскому, или к киданьскому языкам, с которыми тунгусские язы-

ки, в том числе эвенский язык, принадлежат к одной группе языков. Мы полагаем, что слова ньѳ, ньу—имели в указанных языках ту же семантику, что и в современном эвенском языках, и были связаны с понятием “восходить”, “выходить”.

Далее и вторая часть слова нипон пон в эвенском языке сохранилась как застывшая форма наречия или частицы. При этом присоединением, к какому-либо слову этой застывшей формы наречия или частицы пон, образуются сложные слова, обозначающие предмет, место или назначение того или иного предмета. Так, в современном эвенском языке имеются слова ункапон, билэпон, билгапон, уньяпон, тирапон и другие. В этих словах пон указывает место или назначение предмета, или предмет. Слово ункапон образовано присоединением к слову ункан “ложка” слова пон “место” и означает “место для ложек”. Слово билэпон образовано присоединением к слову билэн “запьястье” слова пон в данном случае “предмет” и означает “предмет, носимый на запьястье”, то есть “кольцо, носимое на запьястье”. Слово билгапон образовано присоединением к слову билга (“шея”, буквально “горло”) слова пон, означающего, как и в первом случае предмет. Билгапон в буквальном переводе “предмет, носимый на шее или там, где находится горло”, то есть “ожерелье”. Слово уньяпон образовано присоединением к слову уньякан “указательный палец” слова пон и означает “предмет, носимый на указательном пальце” или “наперсток”. Слово тирапон означает “предмет, за которое застегивается или закрепляется что-то” и т.д.

Таким образом, застывшая форма пон в эвенском, а также эвенкийском языках первоначально означали место, предмет или его назначение. Видимо, и в манчжурском, и в чжурженском (или джурженском), и в киданском языках слово пон имело такое же значение, т.е. “место” или “предмет”. Если так, то название страны Япония (нипон), переводимое на русский язык как “Страна восходящего солнца”, первоначально могло иметь несколь-

ко другой, но близкий к этому смысл, а именно: *“Место или предмет из-за которого восходит нечто восходящее”*, то есть *“солнце”*. Как известно из истории человечества, более обобщенное понятие *“страна”* возникло значительно позже, чем понятия *“место”* или *“предмет”*. Именно по этой причине понятия *“место”* и *“предмет”* в ходе исторического развития заменены более обобщенным понятием *страна*. А все остальные в понятиях *“Место или предмет из-за которого восходит нечто восходящее”* и *“Страна восходящего солнца”* практически имеют адекватный или очень близкий к адекватному значение. Из изложенного выше по поводу происхождения названия япон (*Япония*), можно сделать вывод, что выражение *“Страна восходящего солнца”* является не китаизированным названием данной страны, как утверждают большинство специалистов. Это скорее осовремененный перевод с языка маньчжур, чжуржен или киданей. И это вполне можно объяснить средствами современного эвенского языка, который относится к той же группе языков, что и первые.

Могут возникнуть сомнения в связи с тем, откуда могли появиться в Китае маньчжуры, чжуржене и кидани. Во всех исторических источниках, начиная со сборника летописей Рашид-ад Дина (конец XIII-начало XIV вв.), кончая историческими материалами более позднего периода, в том числе, исследованиями советского периода и китайскими источниками указывается, что в многовековой истории Китая кидане, чжуржене и маньчжуры играли существенную роль, господствуя более чем шести веков над этой древней страной.

Восточные эвены Венеру называют Илан. Семантика термина Илан *“Венера”* сводится к тому, что данная звезда еще ярко виднеется до утра, когда людям следует вставать после отдыха ночью. Термин илан, как мы отметили при объяснении названия Луны, образован от глагола илдай *“вставать”* присоединением суффикса -ан или -н. Однако эвенам известно и другое название этой звезды — Чолбон, которое большинством специалистов и

неспециалистов считается термином тюрского, в частности, якутского происхождения. И действительно данный термин известен и в других тюрских языках. Однако в якутском языке нет ни корня чо, ни словообразующих суффиксов -лбо и -н. Таким образом, в якутском языке нет подобной структуры слова. Семантика и этимология данного слова также не выяснена. Зато во всех тунгусских языках, в том числе в эвенском языке имеется и слово чо и словообразующие суффиксы -лбо, -н. Так, слово чо, от которого, по нашему мнению, образовалось слово чолбон имеет несколько значений: 1) остановиться, встать (сигнал оленю при его ловле); 2) прислушаться; 3) насторожиться, быть внимательным. В последних двух случаях значение слова чо близко к значению междометия в русском языке Чу!

Можно привести достаточно примеров, образованных присоединением к корню указанных суффиксов или их вариантов: ньэлбэн *"бесконечно расширяющееся"*, *"бездонное"*, *"бесконечное"* — околосемная атмосфера и все видимое пространство вне этой атмосферы; чалбан *"береза"*, буквально *"отдаляющее"*. В этой связи можно отметить одну особенность березового леса. В любом березовом лесу происходит некий зрительный обман. Благодаря преобладанию белого света предмет как бы отдаляется. Именно эта особенность березового леса зафиксирована, по нашему мнению, в тунгусском названии березы. Ньалбан *"жестяной"*, *"жестяная банка"*, буквально: *"гнущаяся"*, долбани *"ночь"*, буквально: *"время посадки на отдых"* или *"время отдыха"* и т.д. Как видно из приведенных примеров, термин чолбон скорее всего имеет тунгусское происхождение. С учетом базового слова чо и словообразующих суффиксов -лбо и -н значение термина чолбон означает *"время подъема"*, *"время вставания"*, а также *"Звезда времени подъема или вставания после ночного отдыха"*. Таким образом, предки тунгусских племен название Венеры связали с деятельностью челоака, принимая его за некий временной ориентир.

Млечный путь тунгусы, предки современных эвенков, называли Хэвэк хотаранни или Хэвки хотаранни. Хэвэк или һэвки означает “бог” или “божество”, хотаранни “путь”, “дорожка” или “след”. Выражение Хэвэк хотаранни “след (“путь”, “дорожка”) бога (“божества”). Однако, в переводе с сохранением собственной этимологии слова Хэвэк (Хэвки), данное выражение звучит несколько иначе: *“Путь или дорожка того, от которого следует предостерегаться”*. Дело в том, что в эвенском языке понятие бог имеет несколько иной смысл, чем в русском. Об этом свидетельствует семантика и этимология слова һэвак или һэвки. Термин һэвак или һэвки образованы от основы глагола һэдэй һэ— присоединением аффиксов —вак или —вки, образующих существительные со значением предназначения. Хэдэй в переводе на русский язык означает *“побаиваться”, “предостерегаться”, “уважать”*. Следовательно, перевод эвенского выражения Хэвэк (һэвки) хотаранни может иметь и другие варианты: 1. *Путь, дорожка или след того, от которого следует побаиваться.* 2. *Путь, дорожка или след того, кого следует уважать.* Все эти приведенные варианты переводов выражения Хэвэк хотаранни, на наш взгляд, наиболее точно отражают отношение предков эвенков к богу или божеству, который в отличие от многих религий не имеет конкретного имени или названия.

О созвездии “Большая медведица”, как и у многих древних этносов, у эвенков имеются свои мифологические представления. О том, как произошло название созвездия Большой медведицы, мы уже вскользь говорили, когда говорили о том, как “возникли” озера, реки и звезды. Согласно мифу, в давние времена, когда еще только возникли планета Земля (төр), на ней реки (окат) и озера (төнэр), а также звезды (осикат), встретились три охотника: эвен, эвенк и юкагир (во втором варианте — чукча “һэек”). Они решили узнать, кто же из них сильнее, быстрее и выносливее. Чтобы определить это, они договорились найти самого крупного и быстрого зверя, добыть его и принести на себе домой целиком неразделанного.

Тот, кто делает это, т.е. догонит, убьет и целиком неразделанного зверя на себе принесет домой, тот будет считаться самым сильным, быстрым и выносливым охотником, то есть лучшим охотником в среднем мире. Они стали искать самого крупного, быстрого и тяжелого зверя в среднем мире, нашли его и стали гоняться за ним. Никто из них не знал, как называется этот зверь. Гонялись они долго за этим зверем. Зверь этот был настолько тяжелым, что там, куда он наступал ногой, сразу появлялось озеро (төнэр). Төнэр в буквальном переводе означает *“наступленное место”*, т.е. *след ноги*. А охотники эти также были настолько тяжелы и сильны, что там, где проходили их лыжи, появлялись речки, а там, где они бежали след в след, появлялась целая река (окат). Зверь этот побежал в ту сторону, откуда появляется *иней* (һинултэн), то есть на север. Гоняясь за ним, охотники прибежали туда, где не растет лес (т.е. в тундру). И по этим безлесным местам охотники гоняли зверя так долго, что зверь тот оставил много-много следов в виде озер (төнэр). Вот почему в тундре много озер (төнэр). С тех пор этого зверя стали называть токи (токит), то есть *“наступивший или след оставивший”*. Гоняясь за этим зверем (за лосем), охотники не заметили, как они оказались в верхнем мире, т.к. как до верхнего мира недалеко от тех мест, откуда появляется *иней* (һинултэн). Иначе говоря, чем ближе к северу, тем ближе до верхнего мира. А там Хэвэк *“тот, от которого следует побаиваться”* или *“кого следует уважать”* превратил зверя (токи *“лося”*), охотников (эвена, эвенка и юкагира), собаку (нин) в звезды (осикат) за то, что они без позволения Хэвэка поднялись в верхний мир. Четыре звезды *“Большой медведицы”* — это четыре ноги превратившегося в звезду лося. Около этих четырех звезд (ног лося) недалеко друг от друга застыли также превратившиеся в звезды три охотника, а недалеко от этих семи звезд еще одна часто мигающая *“Полярная звезда”* — это *собака* (нин) охотников, также превращенная Хэвэком (*богом*) в звезду. Так

и не узнали охотники, кто из них сильнее, быстрее и выносливее. Но зато они остались вечно на виду у всех.

Группу звезд "Малой Медведицы" предки эвенков называли Дьолэкэчэн удьан "Заячьи следы". Кроме того, древние эвенки (тунгусы) знали еще одну группу звезд, называемую ими Укэн, что в переводе означает *Ковш*. Под этим названием эвенки, скорее всего, имели в виду созвездие *Кита*. Как видно, предки эвенков знали небольшое количество звезд и созвездий. Однако это им не мешало прекрасно ориентироваться по ним в кромешную тьму осенней ночи или в холодные ночи зимой.

Таким образом, названия планет, звезд и спутника Земли Луны в эвенском, а также практически во всех тунгусских языках связаны с визуально наблюдаемым положением объекта (Ньолгин "Солнце"), с деятельностью субъекта или положением этого объекта в определенный период (Төр "Земля", Биаг "Луна", Илан "Луна" или "Венера", Чолбон "Венера") и чаще всего с мифическими представлениями древних людей о возникновении этих звезд: Хэвэк һөтаранни "Млечный путь", Дьолэкэчэн удьан "Заячий след" и т.д.

При всей примитивности подобных представлений на первый взгляд в этих названиях заложено стремление древних людей подчеркнуть некое единство и взаимосвязь окружающего мира и человека, как составной части этого мира.

ГЛАВА VI.

ОБОЗНАЧЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОБИТАНИЯ СУБЪЕКТОВ

Обозначение горного ландшафта в зависимости от сезонного или постоянного обитания на них зверей

Билэк — *“гора или любая местность, где постоянно или по сезонам обитает зверь”*. Термин билэк образован от основы глагола бидэй, означающего в переводе на русский язык *“быть”, “находиться”, “присутствовать”, “обитать”*, присоединением аффикса —лэк, образующего существительные со значением назначения. Термин билэк, отражая те или иные природно-климатические особенности данной местности (наличие кормов, обветриваемость, обзоримость близлежащих подступов, слышимость звуков и т.д.), носит для зверей, а также для людей функцию ориентирования в местности. Звери по этим и другим особенностям таких мест инстинктивно и безошибочно ориентируются при миграции.

Бута — *“небольшое обильное зеленью возвышение на склоне горы, где тарбаган и устраивает себе зимнее лежбище (нору)”*. Термин бута образован от основы существительного буг присоединением омертвелого аффикса —та, образующего существительные со значением предназначения предмета. Слово буг, от основы которого образован термин бута, в переводе на русский язык означает *“страна”, “родина”*. Исходя из этого, можно предположить, что бута первоначально имело значение *“место, где тарбаган уст-*

раивает себе зимнее лежбище", то есть "зимнее лежбище". Бута служит ориентиром в данной местности.

Донка (дононка) — "место, где перелетная птица садится во время длительных перелетов на отдых". Термины донка и дононка образованы от основы глагола дондай, означающего в переводе "садиться" и "пересаживаться". Присоединение к основе до-аффиксов -нка, -онка образует существительное со значением предназначения или места действия.

Донмай. 1. Место посадки перелетной птицы. 2. Авилощадка или аэропорт. Аффикс -май имеет такое же значение, что и аффиксы -нка, -онка. Однако аффикс -май несет дополнительную семантику, подчеркивая постоянство действия на данном месте.

В этой связи можно высказать следующее предположение. Якутское слово дуобат "шашки", видимо, произошло от эвено-эвенкийского домат, означающего "только что посаженное", "быстро переставляемое" или "быстро передвигаемое".

Тоганка — "лежбище зверей", устраиваемое ими на наиболее удобных для обозрения окрестностей местах или на местах, где наибольшая слышимость. Тоганка "лежбище" зверей отличается в зависимости от разновидности зверей и от сезона времени. Слово тоганка образовано от основы глагола тоготтай, означающего в переводе на русский язык "лежать", "отлеживаться", присоединением аффикса -нка(-нкы), образующего существительные со значением предназначения.

Төнмэй. 1. Скала (кадар, нюлка, хөлэң, хөрилэ), где укрывается горный баран от хищников. 2. Укрытие на пути постоянного маршрута зверей, устанавливаемое охотниками сложением камней или использованием других естественных материалов. Термин төнмэй образован от основы глагола төндэй "наступать", присоединением аффикса -мэй, образующего существительные со значением назначения.

Обозначение объектов в зависимости от образа жизни

Агалкит — *“объезжаемое место”, “объездная дорога”*. Термин агалкит образован от основы глагола агалдой *“обходить”, “объезжать”* (агал—), присоединением аффикса —кит (—кич), образующего существительные со значением возможности или допустимости действия.

Аламкин — *“наиболее удобное для перехода через гору место”*. Термин аламкин образован от основы глагола аландай *“перевалить”, “переходить через гору”* (алан—) присоединением аффикса —мкин, образующего существительные со значением предназначения или места (пути) действия.

Аргаһамкин — *“наиболее удобное место для перехода через междуречную возвышенность или мыс”*. Термин аргаһамкин образован от основы глагола аргастай *“перевалить или переходить через мыс или возвышенность, расположенную между двумя реками”*.

Апкит — *“теснина”, “ущелье в русле реки”, буквально: “место, где река как бы душится горами с обеих сторон”, “горловина”*. Термин апкит образован от основы глагола апкадай *“душить”, “задушить”* (ап—) присоединением аффикса —кит, образующего существительные со значением возможности или постоянства действия.

Гиһикит — *“место, где проходят вдоль узкой кромки горного образования, берега реки”*. Термин гиһикит образован от основы глагола гиһидай *“проходить по узкой кромке чего-нибудь”* (гиһи) присоединением аффикса —кит, образующего существительные со значением возможности или постоянства действия.

Ньулгэкит — *“наиболее удобное место в горах, где можно проехать кочевьем”*. Термин ньулгэкит образован от основы глагола ньулгэдэй *“кочевать”,* присоединением к основе ньулгэ аффикса —кит с указанным выше значением.

Орикич (—эрикич) — *“место, где постоянно останавливаются на стойбище”*. В этой связи следует сказать следу-

ющее. Большинство специалистов-эвеноведов под словом *өрикич* подразумевают, скорее всего, *несколько юрт*, установленных в том или ином месте, то есть *стойбище*. Но такое представление о семантике слова *өрикич*, как о нескольких юртах установленных в одном месте, не раскрывает первоначальную семантику этого слова. Наличие суффикса *-кит* (*кич*), образующего существительные со значением возможности или постоянства действия, свидетельствует о том, что здесь речь идет скорее всего о возможности или постоянства совершения действия, выражаемого в эвенском языке словом *өриндэй* (*~эриндэй*) *“остановиться на стоянку”*, *“установить стоянку в этом месте”*. Исходя из этого, можно заключить, что *өрикич* означает, скорее всего, *“место наиболее удобное для того, чтобы остановиться на стоянку”* или *“место, где постоянно останавливаются на стойбище”*, т.е. это уже географический термин, связанный с образом жизни предков эвенов. Так же с теми или иными возможными или постоянными действиями человека связаны географические термины *амкан*, *эмкэр*, *ойчири*, *эври* (*оври*), которые одновременно означают различный уровень высоты или характер действия человека. *Амкан* + *“небольшая гора”*. Этимологию слова *амкан* трудно выяснить. Но можно предположить, что слово *амкан* произошло от основы глагола *эмэндэй*, что в переводе с эвенского означает *“подняться на высоту и показаться на вершине”*. В последующем в ходе употребления произошли изменения первоначального звука *э* на *а*, как и в словах *атикан* *“старуха”* и *этикэн* *“старик”*.

Эмкэр — *“небольшое возвышение на берегу реки (берег) или в любом другом месте”*. Мы полагаем, что слово *эмкэр* произошло от основы глагола *эмдэй*, в данном случае *“спуститься быстро, скоро”*, присоединением аффикса *-кэр* (*-кар*), образующего существительные со значением места или образа действия.

Ойчири и *эври* (*~оври*) — термины-антонимы.

Ойчири — “подъем на возвышение или на гору”. Слово ойчири образовано от основы глагола ойчидай “подниматься”, присоединением аффикса —чири, образующего существительные со значением способа действия.

Эври или эври — “резкий спуск с большой высоты”. Существительное эври (эври) образовано от основы глагола эвдэй (~эвдэй) “спускаться”, “натыкаться”. К основе эв- (~эв) присоединен аффикс —ри, образующий существительные со значением образа или способа действия. Однако мы полагаем, что суффиксы —чири и —ри, это разновидности суффикса —р, образующего существительные со значением обобщения. В этой связи следует отметить, что наличие в эвенском языке аффиксов —чири и —ри, близких по значению к суффиксу —р, образующего существительные со значением обобщения, в лингвистической литературе не указана.

С географическим термином эври, эвдэй “крутой спуск”, “спускаться круто”, по мнению большинства эвеноведов, связано и самоназвание эвенов — этноним эвын “спускающийся с горы”. Для того, чтобы высказать такое предположение есть следующие основания:

1. Эвенки, ближайшие родственники эвенов по языку, культуре и образу жизни, называют себя эвэнки “идущий поперек горы”. Почему именно так? Дело в том, что тунгусы, впоследствии назвавшие себя эвенками, со своей исторической прародины в большинстве своем двинулись поперек горных хребтов, начинающихся практически с Прибайкалья и идущих до побережья Тихого океана, называемых ими Дьугудьур (в русской транскрипции Джугджур). При этом хребты Яблоновый, Становой и Джугджур тунгусами назывались хребты Дьугудьур. Такое объяснение возможно и небесспорно, но оно полностью учитывает традиции тунгусов называть себя, исходя из конкретной ситуации или своего действия на данной местности. Если исходить из такой утвердившейся традиции тунгусов, возникновение этнонима эвын со значением “спускающийся с горы” вполне закономерно.

Дело в том, что тунгусы, направившиеся по *Джугджуру* (*Дьугудьур*) в период прибывания на побережье Охотского моря называли себя ламутами с указанием родовых этнонимов. Двигаясь с Охотского побережья, они стали называть себя ламутами с указанием тех же родовых этнонимов. Когда стали спускаться с хребтов Сунтар-Хаята, Верхоянский и других более мелких в равнины, стали называть себя эвын “спускающийся с гор”.

2. Этноним эвын по времени своего возникновения совпадает с периодом, когда тунгусы (эвены) стали, в основном, спускаться с горных регионов на равнинные земли побережья Средней Лены, тундреной зоны Якутии, Магаданской области. Неслучайно, эвены Камчатки, Амурской области и Приморского края до недавних пор продолжали называть себя родовыми этнонимами или ламутами, или ороченами. Таким образом, возникновение самоназвания большинства эвенов эвын связано с географической терминологией и с изменением основного региона проживания, и в этом смысле вполне соответствует общетунгусским традициям связывать свою судьбу с окружающей средой.

Должен отметить, что и наши предшественники, в частности, В.А.Туголуков и Г.М.Василевич в своих трудах склонны были связывать возникновение этнонимов эвенки и эвен со словами “*поперек идущий*” и “*спускающийся с гор или с высоты*”. Однако они не пытались расшифровать подробно эти самоназвания, что давало многим недобросовестным людям толковать эти самоназвания произвольно, связывая семантику этих самоназваний с якобы негибкостью характера отдельных представителей этих этносов с некой поперечностью, что в некотором смысле оскорбляло чувство и достоинство самих этносов. Именно по этой причине мы сочли обязательным внести некоторое уточнение в понимании семантики эвынки и эвын, связывая их с географической средой их расселения в определенный исторический период их развития.

Хөвтэн – “*постепенный спуск с горы*” или “*постепенный подъем на гору*”. Термин һөвтэн образован от основы глагола һөвтэрдэй “*спускаться или подниматься*”. Однако термин һөвтэн “*постепенный спуск с горы*” или “*постепенный подъем на гору*” следует отличать от другого географического термина. В этом случае һөвтэн означает “*гряда постепенно понижающихся горных склонов, расположенная с одной стороны реки, но каждый склон которой отделяется от другого склона горной речкой*”. В этом случае географический термин һөвтэн имеет несколько иную этимологию и образован от основы глагола һөвдэй “*настилать ветки*”, то есть гряда горных склонов уподоблена аккуратно настланным веткам, концы которых направлены в одну сторону. Таким образом, географический термин һөвтэн в данном случае имеет естественно-бытовое происхождение.

ГЛАВА VII. ПРЕВРАЩЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ЭТНОНИМЫ И ЭТНОНИМОВ — В ТОПОНИМЫ

У предков современных эвенков и эвенков, как и у многих тунгусо-маньчжурских народов, термины географической лексики нередко использовались для обозначения группы или нескольких групп родов. К таким этнонимам можно отнести многие названия этнических групп, входящих в тунгусо-маньчжурскую группу языков, а также некоторых других народов. Мы уже объяснили, что последние самоназвания эвенков и эвенков произошли от географической терминологии, отражавшей характер движения предков этих народов в определенный период их исторического передвижения. Так, эвенки или эвенки означает *“поперек идущий”*. Здесь имеется в виду то, что группа тунгусских родов со своей исторической родины двинулась поперек хребтов Яблоновского, Станового хребтов и хребта Джугджур, объединенных в те далекие времена общим названием Дьугдьур или Дюгудюр. В этом смысле, надо полагать, самоназвание эвенки возникло значительно раньше, чем самоназвание эвен (эвен) или эвын *“спускающийся с гор”* или *“спускающийся с высоты”*. А спускаться с гор тунгусские племена начали лишь в XVIII–XIX вв., когда они, достигнув побережья Охотского моря, двинулись на запад и на север по горным регионам современной Якутии, Хабаровского края и Магаданской области. Когда эвены располагались на побережье Охотского моря, то они называли себя намоткан, т.е. помор (приморчанин) или ламут по-эвенкийски с тем же значением. Но термин намоткан первоначально имел

огласовку несколько иную, чем в наши дни, а именно ньяматкан, с мягким н в начале слова, ибо море эвены называли ньям, что в переводе на русский язык означает “теплое”, “тепло несущее или тепло сохраняющее”. В современном эвенском языке мягкий н в начале слова в некоторых случаях стал произноситься тверже. О том, что первоначально в слове нам был мягкий н (ньям), свидетельствует эвенкийский вариант, где вместо мягкого н появился л.

Специалистами тунгусских языков выявлена следующая закономерность: если в начале эвенского слова слышится мягкий звук н, то в эвенкийском языке мягкий н произносится как л. Например, *древесная смола* по-эвенски означает ньут, по-эвенскийски — луч; *русский* по-эвенски ньуч (отсюда якутское ньуучча), по-эвенскийски — лоч и т.д. Самоназвание намоткан в несколько измененном варианте сохранился у эвенов Кобяйского улуса в названии ламуихинский. Следует отметить, что указанное название получило подобную огласовку под влиянием тех, кто официально зарегистрировал род намотканов в XVIII в.

Интересно отметить, что ныне известные этнонимы аборигенных народов Якутии в большинстве своем происходят из географической или бытовой лексики эвенского или эвенкийского языков. Мы уже высказали свое мнение о происхождении названия народов саха (*якут*) и русский. При этом подчеркнули, что и самоназвание народа саха, и считающийся русским переводом названия саха — *якут*, на самом деле имеют эвено-эвенкийское происхождение, а именно от эвенского *нако*, *накут*, *накал* или от эвенкийского *еко*, *екун*, *екул*, означающих в переводе на русский язык “кто-то”, “некто” или же “все-таки кто же это?”, буквально: “что это?”, “что же все-таки это?”. Дело в том, что и в эвенском, и в эвенкийском языках вопрос “кто это?” задается лишь в том случае, если заранее известно имя человека, о котором идет речь

или подробности о нем. Во всех остальных случаях задается вопрос “что?” или “что это?” (“иако?”, “иакут?”).

О том, что этноним саха и считающийся его русским вариантом якут (якол) на деле являются несколько измененными вариантами эвенского накут и накал (мн.ч.) и эвенкийского еко, екут, екал, подтверждают наличие на карте Якутии и сопредельных регионов других топонимов, производных от иако, еко. Так, в Алданском улусе Республики Саха (Якутия) до недавнего времени существовало небольшое поселение Якокут. Это эвено-эвенкийское иакокут, означающее “ведущее к якутам”. В Амурской области в верховьях реки Зейя и ее основного притока Бурейя протекает речка Якодовкут, что в переводе эвенкийского и эвенского означает “ведущая в сторону якутов”. Об этом подтверждает и одно из первых названий города Якутск — Якольск, где —л является показателем множественного числа (в эвенском и эвенкийском языках), —ск — формант русского языка. Таким образом, этноним саха, якут (якол), считающийся первым самоназванием якутов, а второй якут (якол), считающийся русским вариантом, образованным по законам образования этнонимов на русском языке типа алеут, телеут и т.д., являются лишь вариантами транскрипции на якутском и на русском языках, эвено-эвенкийских этнонимов иако, накут, накал и еко, екут, екол.

Русских эвены называют ньуч (отсюда якутское ньучча). Ньуч в переводе с сохранением семантических вариантов эвенского слова означает: 1. *Липкий, навязчивый как древесная смола.* 2. *Настойчивый.* 3. *Упорный.* 4. *Волевой.*

Из исторических документов известно, что в период освоения Россией территорий восточнее Урала проводниками первопроходцев чаще всего становились представители тунгусоязычных народов. Нередко первопроходцы держали проводниками тунгусов не по доброй воле последних. Многие убегали от неизвестных им людей, но их возвращали обратно насильственным путем. Вот эта не-

понятная тунгусам навязчивость, настойчивость и упорство в достижении своих целей, видимо, определило возникновение этнонима нъуч “русский” с указанными выше значениями.

Если этноним нъуч “русский” и его якутизированный вариант нъуучча используется в качестве этнонимов местного значения, то этноним саха и его вариант якут, производные от эвенского иако, иакут, стали использоваться не только в качестве известных в мировом масштабе этнонимов, но и стали основой возникновения макротопонима, охватывающей одну седьмую часть Российской Федерации и называемой сегодня по-якутски Саха сира, по-русски *Якутия*. Поскольку оба варианта возникли от эвенского иако? и иакут?, и эвенкийского еко? екут? с адаптацией по законам якутского и русского языков, то их следует считать топонимами гибридного происхождения. Наличие фонемы -л в более старинных вариантах (Якольская земля, Якольск) практически ничего не меняет, так как -л в конце слова иакол является формантом множественного числа.

В наши дни не может не удивить то, что этнонимы всех аборигенных народов Якутии имеют тунгусское происхождение. Почему так произошло, что и якуты, и долгане, и юкагиры, а также некоторые другие народы соседних регионов приняли названия, данные им предками современных эвенов и эвенков, несмотря на то, что у некоторых из них были и продолжают употребляться самоназвания. Одной из причин появления и утверждения этнонимов тунгусского происхождения, на наш взгляд, было то, что в период первоначальной номинации аборигенных этносов русскими первопроходцами их проводниками, более того посредниками в установлении контактов русских с представителями других этносов, были тунгусы. Но не это основная причина появления и утверждения этнонимов тунгусского происхождения. Главное, видимо, в том, что, следуя своим установившимся традициям,

предки эвенов и эвенков давали другим этносам названия, исходя из собственных наблюдений, отмечая при этом наиболее характерные особенности тех или иных племен, или какой-то группы этих племен. Это, видимо, вызвало доверие и уважение и, следовательно, восприятие их как названия племен или народов.

Чукчей эвены называли хэек *“обитающий по вершинам гор”*, или *“появляющийся из-за вершин гор”*, *“вершинный”*. Возникновение этнонима хэек, несущего в своей семантике оттенок или содержание географической лексики эвенского языка, на наш взгляд, связан с действительно встречавшимися в жизни фактами появления чукчей из-за гор, когда чукчи наблюдали за стойбищем с вершины горы, боясь подойти к людям поближе. Как поведали мне жители Нижнеколымского улуса чукча Г.И.Вельвин (чукотский поэт Григорь Пура), оленеводы: чукча Н.А.Дьячков, эвен, отлично владеющий чукотским языком, известный в стране оленевод И.Я.Горулин, у чукчей до относительно недавнего времени, т.е. до конца XIX и начала XX вв., существовал довольно жесткий обычай. Если человек попал в какую-то экстремальную ситуацию, например, унесен ветром на льду или остался по болезни где-то далеко, то после происшествия определенного времени, по представлению многих людей, достаточного для возвращения, то родичи, в том числе самые близкие, считали, что этот человек умер. Если этот человек, каким-то чудом остался жив, то те, кто считал его уже погибшим, не принимали его обратно, считая его призраком умершего, и называли по-чукотски *“келе”*. При этом не только не принимали, но и изгоняли его, забивая чем попало, так как, по повериям чукчей, приход призрака умершего *“келе”* приносил беду всей семье или всему роду. Вот такие чудом оставшиеся живыми чукчи, зная обычаи своих соплеменников, избегали их и не приближались к человеческому очагу, наблюдая за людьми только издали, из-за вершин гор, называемых эвенами *Һэе “вершина”*. Присоединение к тер-

мину *hэ* аффикса *-к* образует существительное и прилагательное со значением обозначения признака по месту наиболее вероятного нахождения. По народным преданиям, бытовавшим до недавнего времени, среди эвенов Кобяйского улуса, жителей сел Сеген-Кюель и Себян-Кюель название реки Келе, берущей свои истоки с гор Верхоянского хребта в районе границы между Кобяйским и Томпонскими улусами, связано с тем, что когда-то эвены встречали чукчу-хэек “келе”. И название этой реки якобы происходит от чукотского “келе” (“призрак умершего”). Подобной легенде о происхождении названия реки *Келе* скорее всего можно поверить, т.к. до 50-х годов среди эвенов Кобяйского улуса эта легенда была достаточно распространенной.

От эвенского народного географического термина *hэ* “вершина”, “макушка” происходит не только этноним, но и топонимы в разных регионах России. Так, на территории Якутии, Магаданской, Амурской областей, Хабаровского края есть много рек с названиями Сеймчан, Оймякон, Сэймиде, Өйүмү и т.д. Все эти и другие варианты подобных названий, несмотря на различные транскрипции, произошли от эвено-эвенкийского термина *hэйэм*, “заводь с глубокой долго незамерзающей водой в реке, где обычно зимует рыба”, буквально “заводь с незамерзающей вершиной (глубоким местом), макушкой”. Как мы отметили выше, *hэ* или *hэйэ* означает “вершина”, “макушка”. Термин *hэйэм* по своей семантике в данном случае ближе к семантике слова “макушка”. Присоединение к основе *hэйэ* или *hэ* аффикса *-м*, образует существительное со значением склонности к какому-нибудь недостатку или болезни. Надо отметить, что эвеноведами значение суффикса *-м* не выяснено. Иргэ “мозг”, иргэм “олень, у которого заболел костный и мозг (белокровие)”; ур “живот”, урам “человек, у которого часто болит живот (понос)” и т.д. В переводе с сохранением семантики термина *хэйэм* означает “заводь, макушка, которая склонна к длительному незамерзанию”.

С термином *Һэе*, возможно, связано возникновение топонимов Саяны и Зее. “Саяны, горная страна, расположенная в средней части гор Южной Сибири. Саяны разделяются на две горные системы: Западный Саян и Восточный Саян. Высота до 2736 м.” (БСЭ, изд. “Советская энциклопедия”. Изд. 3, Москва, 1976 г., С. 16.)

Какое обоснование имеется для того, чтобы высказать предположение о тунгусском происхождении макротопонима Саяны и производных от него топонимов? Во-первых, макротопоним Саяны еще не имеет объяснения на языке народов, в настоящее время расселяющих территорию этой горной системы. Во-вторых, формальная структура топонима Саяны полностью соответствует тунгусскому слову *Һэен*, означающему в переводе “его вершины” или “одни вершины”. В-третьих, семантика термина Саяны или, как мы предположили *Һэен*, полностью соответствует высокогорному ландшафту этой системы гор. С точки зрения исторической науки также имеются достаточно серьезные аргументы в пользу обоснованности нашего предположения. Если, допустим, мы не можем сказать о том, что на территории Саян когда-то жили эвены, то не вызывает сомнения тот факт, что там некогда проживали тунгусы. Далее с северных склонов восточных Саян берет свои истоки одна из крупнейших рек Сибири — Енисей, название которой расшифровывается средствами современного эвенкийского и эвенского языков. В предыдущей нашей работе мы, ссылаясь на русского путешественника Мессершмидта, привели один из первых вариантов названия реки Енисей *Jangesi* в немецкой и *Иандеси* в русской транскрипции и свели его эвенскому *Эйэндидди* со значением “текущая” или “нечто текущее”. Этот факт может быть дополнительным аргументом обитания тунгусских племен в этих краях. Кроме того, семантика эвенского *Һэен* “ее вершины” или “одни вершины” полностью совпадает с реальным ландшафтом горной системы: куда ни глянь одни вершины. Не исключено, что предки тунгусских племен, до того как оказа-

лись в этих местах обитавшие в равнинных землях, могли принять эти горы за вершины всей земли. Ведь подобных фактов в истории достаточно много. Например, название Поднебесная или Срединная равнина дана китайцами своей стране не из-за того, что хотели подчеркнуть таким образом свою исключительность, как иногда допускалось объяснение, а потому что в древние времена самим китайцам, расселявшимся в основном страну, окруженную горными системами и морем со всех сторон, возможно, казалось, что эта страна единственная страна под этим небом (Поднебесная) или эта страна расположена в срединной равнине (Срединная равнина). Эти и другие варианты названия Китая отражали уровень эмпирических знаний китайцев в древнюю эпоху. Так же, как и в этом случае, предки тунгусских племен, до того как попали на территорию данной горной системы, кочевавшие по равнинному ландшафту, вполне могли принять эти высокие горы за вершины всей земли и потому назвали их Хэен, то есть *“вершины чего-то”* или *“одни вершины”*. В данном случае их наблюдения на эмпирическом уровне переплелись с их анимистическими представлениями, желанием настороженно и уважительно выразить словесно свои впечатления. Подобное обозначение географических объектов практически присутствует во всех наиболее значимых топонимах, что можно подтвердить, анализируя семантику названия одной из крупнейших рек юга Восточной Сибири и Дальнего Востока (реки Амур) не только на языках тунгусских, но и других народов. Реку Амур монголы называют Хара-мурэн, что означает *“Черная вода”*; маньчжуры — Сахалин-Ула, т.е. *“река черной воды”*, где сахалин *“черная”*, ула, видимо, *“вода или река”*. Древние китайцы называли эту реку Хэй-шуй *“Черная река”*, на современном китайском языке — Хэйлунцзян *“река черного дракона”*. В переводе с современных тунгусских, в частности, с эвенского название реки Амур, Эмур или Өмур, означает *“Полнонесущая”*. О тунгусском происхождении названия реки Амур именно от Эмур или

Өмур (по другим источникам Амар, якобы “река”) подтверждают семантика названий двух ее основных притоков в верхнем ее течении Шилка и Шилкар, которые легко расшифровываются средствами современного эвенского языка. Шилка, по-эвенски и по-эвенкийски һилка, силка, означает “моющая”, “вымывающая”, шилкар, һилкар, силкар — “постоянно моющая” или “постоянно вымывающая”. Речь идет, надо полагать, о том, что в период половодья эти реки постоянно вымывают берега и несут мутные воды. Исходя из этого можно заключить, что и монголы и манчжуры, и древние, и современные китайцы, а также предки современных эвенков и эвенков отметили одну общую визуально заметную всеми особенность этой реки, а именно то, что река постоянно что-то несет. Отсюда Хара-мурэн “Черная река” на монгольском, Сахалин-Улэ “Река черной воды” — на маньчжурском, Хэй-шуй “Черная река” и Хэйлунцзян “Река черного дракона” — на древнем и современном китайском, Эмур или Өмур “Полонесущая” — на тунгусских, в частности на эвенском, языках. Именно тунгусское, сохранившееся в эвенском языке Эмур или Омур в русской огласовке и транскрипции превратилось в Амур. Из исторических источников известно, что в данном регионе с древних времен наряду с киданями, чжурженями, маньчжурами и монголами проживали и предки современных тунгусоязычных народов: эвенков, эвенков, солонов, ороков, орочей, нанайцев и других. А если брать территорию бассейна реки Амур, то и в настоящее время аборигенным населением данного региона считаются именно эти этносы. Таким образом, и наше предположение о тунгусском происхождении названия реки Зей от эвенского Хэйэ (Хэе) с исторической точки зрения не является неожиданностью. С точки зрения же соответствия реальности географического положения реки Зей, то река Зей (Хэе) берет свои истоки с вершин (Һэе) гор Станового хребта. Река Зей начинается с безымянного озера, расположенного на вершине (Һэе) гор. Многие притоки самой реки Зей также имеют тун-

гусские (эвенкийские) названия, расшифровываемые без больших усилий. Таковы, например, название реки Яковкит “*речка, ведущая к якутам*”, Онони – “*Песчаная*”, Луча – “*Русская*” и т.д. Все эти факты дают нам основание предположить о тунгусском происхождении названия реки Зей, которое можно расшифровать, зная эвенкийский язык.

От эвено-эвенкийского географического термина *шолог(в)* “*верхний*” происходит этноним солон (сологон). Однако следует отметить, что этноним солон, по нашему мнению, означал и означает определенную территориальную группу тунгусов, относящихся к эвенкам или эвенкам, проживавшим некогда в верховьях рек и поэтому солон (сологон) означает “*верховские*”. По мнению кандидата филологических наук, эвенского поэта В.Д.Лебедева, язык солонов и ороков ближе к эвенскому языку. По его же информации, некоторые солонны склонны признать эту близость. На территории Республики Саха (Якутия) имеются две территориально-административные единицы. Это шологоны Горного и Оленекского улусов. Эти шологоны проживают главным образом в верховьях рек Хина (Синья), Кенкеме и Ситта (Горный улус) и Оленек, Марха (Оленекский улус). Шологоны указанных мест – это объякутившиеся эвенки и частично эвены. Таким образом, расшифровка семантики этнонима солон, сологон наводит нас на мысль, что принятая в 30-х годах классификация северных тунгусских языков, по нашему мнению, имеет неточности. Указанная классификация была принята еще задолго до углубленного изучения тунгусских языков. Возможно, по этой причине, иногда сами тунгусоведы, в частности этнограф В.А.Туголуков, не обнаруживают разницу между сологон и шалаган, считая последнее слово вариантом первого этнонима. Между тем термин *шалган* или, как фиксирует В.А.Туголуков, *шалаган* в переводе на русский язык означает “*пеший*”. Так называли себя в XVIII в. пешие тунгусы (ламуты) Охотского побережья. Как видно, этнонимы сологон и *шалган*, несмотря

на некоторую фонетическую близость, имеют совершенно разную этимологию. К тому же термин *налган* практически не превратился в эвенском языке в этноним.

Этноним долган. Долгане — один из наиболее изученных этносов, входящих в состав малочисленных народов Севера. Вместе с тем происхождение этнонима долган имеет неоднозначное толкование. Большинство тунгусоведов, а также специалистов, изучавших историю происхождения долган и долганский язык, объясняют происхождение этнонима долган тем, что некогда предки долган жили *“в среднем течении какой-то большой реки”*. В частности, доктор исторических наук В.А.Туголуков в известной работе *“Тунгусы (эвенки и эвены) средней и Западной Сибири”* пишет: *“Все три этнонима — Долган, Сологон и Эдиган — имеют территориальный характер: первый (его более ранняя эвенкийская форма — дулиган) означает “средние” (по течению реки), второй — “верхние” и третий — “нижние”*. Вероятно, это были три весьма многочисленные группировки древних эвенков, которые до появления якутов осваивали среднее течение Лены приблизительно между устьями Олекмы и Вилюя. Каждая из этих трех группировок к приходу якутов, по-видимому, включала уже как эвенкийские, так и эвенские (ламутские) этнические элементы, что было связано с поглощением эвенками части юкагиров, проживающих на данной территории или, точнее их предков. Появление якутов в XIII–XIV вв. Привело к деформации указанного тунгусского массива, в результате чего значительная часть сологонов оказались на среднем Вилюе, а большинство эдиганов — в низовьях Лены (ниже устья Вилюя)” (В.А.Туголуков. Тунгусы (эвены и эвенки) Средней и Западной Сибири.— М.: Наука, 1985. С.186). В приведенном нами отрывке мы усматриваем одновременно несколько, на наш взгляд, ошибочных представлений. Главное из этих неверных представлений — желание увязать семантику этнонима долган только с территориальным понятием. Следующая неточность — утверждение о том, что *“каждая из этих трех группировок*

к приходу якутов, включала уже как эвенкийские, так и эвенские (ламутские) элементы, что было связано с поглощением эвенками части тамошних юкагиров...". Попробуем более подробно разобраться в этом.

Эвенкийские роды Долган (мн.ч. Долгашал), Дуливар, Дулигар, Дулигит, Дулигир, Дуликагир, которых предположительно можно считать предками современных долган, с XVII по XX вв., по данным тунгусоведа Г.М.Василевич, практически никогда не расселялись в среднем течении какой-либо реки. Это говорит о том, что этнонимы долган, дуликагир и подобные им никак нельзя связывать с географическими терминами дулиг, дулав, означающими "житель среднего течения". О том, что этноним долган, дулиган несет несколько иную семантику нежели "житель среднего течения реки" свидетельствует и такой факт. По данным историка Долгих Б.О., еще в XVII в. на побережье Охотского моря, зафиксирован эвенский род долган. Потомки этого рода практически проживают и в настоящее время в данном регионе. Территорию расселения эвенского рода дулиган или долган также невозможно отнести к среднему течению какой-либо реки. Следовательно, и название рода дулиган (долган) нельзя связывать с понятием "житель среднего течения реки". Но нас заинтриговывает то, что эти дулиганы в XVII в. расселялись на территории в соседстве с тауйскими пешими тунгусами (ламутами) и иретскими чаучевенами, а в настоящее время между эвенками Охотского побережья и коряками Камчатки, и, возможно, этот эвенский род долган или дулиган представлял собой смесь эвенков с коряками. Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что и эвенки, и эвенки под этнонимом долган или дулиган имели ввиду, скорее всего, выходцев из смешанных этнических родов, то есть межэтническую группу людей. Именно это понятие, мы полагаем, легло в основу этнима долган, представляющих смесь эвенков, эвенков и якутов. Об этом подтверждают язык, образ жизни и культура долган. По данным лингвистических исследо-

ваний, долганский язык это по существу якутский язык, подвергшийся влиянию заимствований из эвенкийского и эвенского языков. При этом в словарном запасе долганского языка практически нет сколько либо заметных заимствований из юкагирского языка. По образу и укладу жизни долгане — это этническая группа ведущая, как и эвены и эвенки, традиционный кочевой образ жизни оленеводов, охотников и рыбаков. По культуре долгане — это этнос, вобравший многие элементы якутской и тунгусской духовности. По месту расселения современные долгане это, главным образом, жители лесотундренной и тундровой зоны севера Якутии и Красноярского края, которая, как известно, никак не может быть отнесена к понятию “среднее течение какой-либо реки”. Таким образом, предположение о том, что этноним долган происходит от географического термина дули или дулиг, означающего в переводе на русский язык “среднее течение реки” является, на наш взгляд, неправомерным. Так же неправомерным является предположение о том, что долгане представляют собой смесь эвенов, эвенков и юкагиров. Более точным, на наш взгляд, не является мнение о том, что долгане это смесь якутов с эвенками, эвенами и частично юкагирами и другими народами Севера, возникшая значительно позже после появления якутов на территории современной Якутии и Красноярского края. Дополнительным подтверждением правоммерности нашего предположения является то, что долгане продолжают называть себя саха, что является якутизированным вариантом эвенского *иако* и эвенкийского *еко*.

Средствами современных тунгусских, в том числе эвенского, языков можно объяснить происхождение и некоторых других этнонимов народов, проживающих вне пределов Якутии, более того и за пределами Российской Федерации. Так, этноним негидальцы, которым называют одно из тунгусоязычных племен, можно объяснить средствами эвенского или эвенкийского языков, хотя, по данным тунгусоведов К.М.Мыльниковой и В.И.Цинциус,

авторов работы “Материалы по исследованию негидальского языка”, семасиология слова *ne (γ) ida (1)* означает “береговой, крайний” (*ne* – коренная основа, имеющая значение “берег, край” – *γi-* да частица, означающая “сторона”). По данным указанных авторов, негидальцы сами себя называют *ełkaŋ boyoŋiŋ*, что в переводе означает “свой, здешний, местный человек, туземец”, а также *aŋgyn boyoŋiŋ*, то есть, *амгунский человек, амгунец*. Все эти три названия без особых усилий можно объяснить средствами современного эвенского языка. При этом семасиология каждого из указанных этнонимов практически изменится незначительно. Если негидальцы в качестве самоназвания используют термин *ełkaŋ boyoŋiŋ*, то и некоторые эвены, в частности эвены Нижнеколымского улуса Республики Саха (Якутия), до сих пор продолжают относить себя к *ułkaŋ bəi*, что в переводе означает примерно то, что и *ełkaŋ boyoŋiŋ*, то есть “*стоящий человек*”. Разница лишь в том, что в негидальском варианте слово *boyoŋiŋ* имеет аффикс притяжательности. С учетом этого *ełkaŋ boyoŋiŋ* скорее означает “*из настоящих людей*”. Об этом свидетельствует и третий вариант самоназвания *aŋgyn boyoŋiŋ*, означающее “*из амгунских людей*”. Этноним же негидальцы или скорее негидал, на наш взгляд, имеет так же несколько иную семантику, чем приведено в работе у указанных авторов. Слово *ne* в большинстве тунгусских языков означает “*не береговой*” и “*не крайний*”, а “*нижний*” по отношению к наклонной плоскости. Антонимом к слову *ne* можно считать слово *de* (дегэв), означающий “*верхний*” по отношению к наклонной плоскости. Наречие или частица *гида* в данном случае употреблено в значении “*сторона*”, –*л* показатель множественного числа –*цы* – русский формант, показывающий принадлежность к той или иной местности или группе. С учетом вышеизложенного негидал или в русской транскрипции негидальцы означает “*низинные*” или “*живущие в низинной местности*”, “*жители низменных мест*”. Мы полагаем, что такая расшифровка семантики слова негидал более правомерна,

т.к. не все негидальцы проживали и проживают в побережье моря или реки, т.е. являются береговыми, а расселены, в основном, по бассейну реки Амгунь (amgun booulin), который является низинной или равнинной по сравнению с гористой местностью, окружающей бассейн этой реки.

Средствами современного эвенского языка можно объяснить не только этнонимы тунгусоязычных народов, но и народов, относящихся по мировой классификации к другим группам языков. Интересно отметить, что в "Сборнике летописей" Рашид-Ад-Дина можно обнаружить этнонимы племен, семантику которых можно объяснить через географическую лексику современного эвенского или эвенкийского языков. Так, Рашид-Ад-Дина, рассказывая о тюркских племенах, называемых монголами, упоминает о племенах баргут, кори и тулас. Он пишет: "Эти племена близки друг с другом. Их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища (находятся на той стороне реки Селенга, на самом краю местностей и земель, которые расселяли монголы и которые называют Баргуджин Токум" (Рашид-Ад-Дина. Сборник летописей.— т.1. С.121). Далее "В стране Могулистан холод бывает чрезмерным, а в особеннсть той ее части, которую называют Баргуджин-Токум...эту область называют Баргу, а также Баргуджин-Токум. Там шаманов больше всего" (Там же, с. 157). И, рассказывая о племени кият, Рашид-Ад-Дина пишет: "...однако прозванием детей Есугэй-бахадур, который был отцом Чингизхана, стало Кият-Бурджигин; они — и кияты, и бурджигины. Бурджигин же по-тюркски (значит) человек, глаза которого синие. Цвет (кожи) их впадает в желтизну. Они были очень отважны и весьма смелы, так что их мужество вошло в пословицу" (Там же, с.155). Из приведенных отрывков из летописи нас заинтриговывают термины баргут, Баргу, Баргуджин — Токум и Бурджигин. В переводе с современного эвенского языка баргут означает: "преимущественно с противоположной стороны реки

(озера)” или “житель, проживающий преимущественно на противоположной стороне”. Баргу — *“противоположная сторона”*. Рассказывая о географических терминах, мы отметили, что баргаган или баһаган, отсюда и Васюган, название одного из протоков реки Енисей, означает *“его или ее противоположная сторона”*. Именно термины баргаган или баһаган в якутском варианте превратились в борогон, в русском — в варгаган и в васюган. Варгаган — волости в XVIII в. на левой стороне реки Енисей. Васюган — название реки и территории на правой стороне реки Обь.

Баргу — это не что иное, как эвенское барги *“противоположная сторона”*. Баргуджин — Токум. Сегодня на карте Прибайкалья и Забайкалья мы не находим местность под названием Токум. Но в верховьях реки Нена, впадающей в Нижнюю Тунгуску на территории Иркутской области, имеется небольшое село Токма. Возможно, местность Токум в описываемой Рашид-Ад-Дином в этот период находилась где-то в этом регионе современной Иркутской области. А Баргуджин это, на наш взгляд, река Баргузин, впадающая в озеро Байкал в районе напротив острова Ольхон, севернее устья реки Селенга. Здесь же имеется и Баргузинский Хребет. Семантика слова Баргузин сегодня сводится к тому, что *“река, впадающая с той (противоположной) стороны озера”*. Как видно, из изложенного, и в XIII в., и в настоящее время под термином Баргуджин и Баргузин речь идет об одной и той же реке, впадающей в озеро Байкал севернее устья реки Селенга, и потому река Баргузин не может быть названа противоположной к реке Селенга. Следовательно, небольшая неточность, допущенная Рашид-Ад-Дином в XIV в., вполне может быть объяснима в наше время, когда мы имеем более точные географические документы.

Мы не можем сегодня объяснить средствами эвенского языка название Токум. Но близкое к этому названию мы обнаруживаем и на территории Верхоянского улуса Республики Саха (Якутия). Так, на территории

Бетенкесского наслега современного Верхоянского улуса Республики Саха имеется участок Токума на левой стороне небольшой речки Халтысы, впадающей в реку Адыча, которая в свою очередь впадает в реку Яна ниже поселка Ватагай и села Элгэс. Интересно отметить, что и село Токма в Иркутской области и участок Токума в Верхоянском улусе расположены на излучине рек. Далее на территории современной Амурской области в верховьях реки Олекма впадает небольшая речка Толума. Общим для всех для этих мест является то, что в этих местах некогда проживали или проживают и в настоящее время тунгусское население или население, некогда считающееся тунгусским. Это дает основание предположить, что топонимы Токум, Токма, Токума и Толума имеют тунгусское происхождение.

Выше мы привели еще один термин, правда, не относящийся к географической лексике, а именно Бурджигин, который с якобы монгольского языка переводится как синеокий. И этот термин можно объяснить средствами современного эвенского языка. В эвенском языке имеется слово бурния, которое происходит от того же корня, что и монгольское бурджигин. При этом семантика монгольского бурджигин и семантика эвенского бурния или очень близки или адекватны в зависимости от контекста. Современные эвены под термином бурния отмечают и синеоких, и сероглазых, и тех, кто имеет белое пятно (бельмо) на глазу. Сходство семантики и близость фонетического и морфологического составов приведенных нами монгольских и эвенских терминов приводит нас к мысли, что в те древние времена монгольский и тунгусские языки были очень близки друг к другу или, возможно, тунгусские термины Рашидом-Ад-Дином ошибочно выдавались за монгольские термины. Если же так, то потомки отца Чингисхана Есудея — бахадура Кияты и Бурджигины, могли иметь тунгусское происхождение. В пользу такого предположения говорит еще один факт. Как утверждает В.А.Туголоков, ссылаясь на "Сказания бурят", собранных

Токаревым, "В бурятских преданиях часть бурят, и в том числе род Харанут, рисуются происходящими от некоего Барго-батора, жившего у местности Баргузин у подошвы горы Бархан" (Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. — М.: Наука, 1985. С. 26).

Интересно отметить, что имя Барга, Баргачан сохранилось у эвенов Кобяйского улуса Республики Саха (Якутия) до нашего времени. Так, эвенский поэт В.С.Кейметинов взял себе псевдоним Баргачан в память о своем родственнике, прозвище которого так и звучало. Вместе с тем этимология данного прозвища не выяснена. По предположению людей старшего поколения эвенов, имя Баргачан происходит от баргав "с противоположной стороны", по предположению других, от слова баргуттай, означающего в переводе "отвечать", "откликаться". Однако географический термин баргав и слово баргуттай и производные с этих слов барга, баргачан так или иначе по своей семантике и этимологии близки и родственны, означают в первом случае *"местность, расположенную с другой стороны"* и *"действие со стороны противоположного субъекта"*. Все это также говорит о том, что человек, носивший имя Барго-батор, герой бурятских сказаний, несомненно, имел имя тунгусского происхождения. В приведенных выше фактах много интересных совпадений. Во-первых, потомки отца Чингисхана Есудея-бахадра кияты или бурджигины проживали, по данным Рашид-Ад-Дина, на востоке Могулистана напротив реки Селенга в местности Баргуджин. Во-вторых, и родовое название кият и бурджигин и название местности Баргуджин могут быть расшифрованы средствами современных тунгусских, в частности эвенского, языков. В-третьих, имя Барго-батор, героя бурятских сказаний, проживавшего также в этой местности, можно объяснить средствами этих же языков. Все это наводит на мысль, что, возможно, потомки Есудея-бахадра, а также герой бурятских сказаний имели тунгусское происхождение или в те далекие времена монгольский и тунгусский языки

все еще были близки друг к другу, или тунгусоязычные или маньчжуроязычные племена исследователями воспринимались за собственно монгольские, язык которых не относится к тунгусо-маньчжурским языкам.

Еще более интересны термины тунгусо-маньчжурского происхождения, семантику и этиологию которых можно объяснить средствами современного эвенского языка в языках народов, не являющихся родственными с тунгусо-маньчжурскими народами. Эти термины, относящиеся к бытовым или иным терминам тунгусо-маньчжурских языков, заимствованные другими языками, превращаются в макротопонимы или этнонимы. Среди таковых можно отвести такие топонимы как Урал, Салны, Саха (Якутия), Шантарские острова, Сахалин, названия практически всех крупных сибирских рек, а также макротопонимы Китай, Япония и другие. Мы уже попытались объяснить в данной работе семантику и этиологию большинства перечисленных топонимов, кроме макротопонима Китай и этнонима китаец.

Макротопоним Китай. Китай – крупнейшее по численности населения и одно из крупнейших по площади государство в мире, расположенное в Центральной и Восточной Азии. На Востоке омывается водами Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей Тихого океана. Китай – многонациональное государство. Кроме китайцев (собственное название – хань), составляющее 95% всего населения, здесь живет еще свыше 50 народов, принадлежащих к различным языковым группам и семьям. Здесь живут народы тюркской языковой группы (уйгуры, казахи, киргизы и др.), народы монгольской группы, а также народы тунгусо-маньчжурской группы: маньчжуры, сибо, а также родственные современным эвенкам и эвенам племена.

Большинство специалистов, изучавших историю Китая, а также топонимию предполагают, что топоним Китай имеет тунгусское происхождение. В частности, видный топонимист советского периода В.А.Никонов счи-

тает, что “Ни русское название Китай, ни иные названия Китая, данные другими народами, например французское *Chine* (Шин), английское *China* (Чайна), немецкое *Sina* (Хина) ничего общего не имеют с самоназванием этой страны”. И далее “...название Китай произошло от названия тунгусского племени кидань”. Не владея ни тунгусскими, ни маньчжурскими языками, В.А.Никонов и все другие авторы, поддерживающие подобные предположения, не смогли, разумеется, расшифровать подобные предположения и не смогли, разумеется, расшифровать, что же означает название этого исчезнувшего племени, впоследствии ставшее по недоразумению общепринятым названием этой великой страны. Интересно отметить, что большинство китайцев, приезжающих в нашу страну, также не знают, что означает это слово. Сами китайцы, именующие себя хань называли свою страну в разные времена то Чжуэн-го (*Срединное государство*), то Тянь-ся (*Поднебесная*), то Чжун-хуа (*Срединное цветущее государство*), то Чжуан-юань (*Срединная равнина*), то Чжэнь-дань (*Восточная заря*), то Тянь-чао (*Небесная династия*). Таким образом, ни в самоназвании китайцев, ни в различных названиях Китая, используемых в самом Китае, нет ничего близкого к слову кидань. Откуда же укоренилось тогда название Китай, восходящее, по предположениям специалистов, к слову кидань? Кто же такие кидане и что означает это слово в переводе на русский язык?

В “Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков”, составленном видными тунгусоведами во главе с профессором В.И.Цинциус, фиксируется чжурженское слово *kit-tah*, наиболее близкое по звучанию к слову кидань, означающее в переводе на русский язык “копье”. Во всех тунгусских, в том числе в эвенском и эвенкийском языках, а также в маньчжурских языках, близких к чжурженскому, *копье* обозначается словом *гид* и *гида*. Исходя из этого, можно предположить, что слово кидань так или иначе, связано, видимо, с эвенским *гид* и эвенкийским *гида*, означающим, как мы отметили, в

переводе на русский язык *копье*. Появление же суффикса *-н* — это характерное явление в словообразовании тунгусских языков. В частности, в эвенском языке присоединением суффикса *-н* образуются отглагольные существительные, означающие склонность, пристрастие или высшую ступень качества или мастерства. Существительное *гидан* (*кидань*) образовано от глагола *гиддай*, означающего “заколоть копьем”, и в указанной форме имеет несколько близких друг к другу значений: 1) *гидан* — “склонный к быстрому применению копья”; 2) *гидан* — “безукоризненно (мастерски) владеющий копьем”; 3) *гидан* — “воинственный”. Подобных примеров словообразования в эвенском языке достаточно, например: *боддай* — “идти за кем-либо”; *бодан* — “имеющий склонность идти за кем-либо”. *Иттэй*: 1. Видеть, увидеть. 2. Заботиться о ком-либо. *Ичэн*: 1. Дальнозоркий. 2. Опережающий остальных в видении чего-либо. 3. Заботливый. 4. Отгадывающий или предугадывающий по каким-либо признакам (первая ступень становления человека шаманом). *Хадай* — знать, узнавать. *Хаман*: 1. Знарок. 2. Предвидящий заранее. 3. Шаман. *Гиркадай* — шагать, ходить; *гиркан* — “беспременно, непрерывно шагающий (об олене)”, “непоседа”; *гиркун* — “умеющий быстро шагать (мастер по хотьбе)”. Присоединение того же суффикса *-н* образуются территориальные названия тунгусских племен, например: *булэ* — “болото”; *булэн* (*булун*): 1. Житель болотистых мест. 2. Житель низменных мест. 3. Противник (в смысле не наш человек). 4. Враг (в переносном смысле). *Эдигэн* (или *эден*) — “житель устья реки”, “житель низовьев реки” и т.д.

Таким образом, предки современных тунгусов (эвенов и эвенков) родственных себе по языку и образу жизни чжурженей или других маньчжурских племен могли называть *гидань*, а сами чжуржене или другие племена маньчжур или тунгусов также могли называть их *кидань* в указанном нами значении. Насколько наше предположение о подобной семантике этого слова соответствует истинному смыслу данного слова свидетельствует много-

вековая история и деяния киданей. Как утверждают исследователи: "Кидане проживали в государстве Ляо, существовавшем с 916 по 1125 год на обширной территории от Маньчжурии и до Тянь-шани" (Сидихменов В.Я. Маньчжурские правители Китая.— М.: Изд-во "Наука", 1985, С. 11). Конец первого и начало второго тысячелетий, как известно, был периодом в истории человечества, когда основные проблемы между различными племенами решались с применением основного в то время оружия—копья. В первой половине XVII в., когда маньчжуры, которых тунгусские племена продолжали, видимо, называть гидан, захватили Китай, их было 300 тысяч, а китайцев 300 млн. Интересно отметить, что, по данным известного тунгусоведа Г.М.Василевич, в XVII в. на территории современного Приморского края в бассейне реки Амгунь был эвенкийский род Кидан (мн.ч. Кидар, Кидатир), но ею не был расшифрован данный этноним. А это также период, когда в данном регионе копьё продолжало еще иметь также решающее значение. Если бы эти тунгусо—маньчжурские племена не владели бы безукоризненно копьем и не были бы столь воинственными, то видимо, не сумели бы завоевать и в течение столь длительного времени держать в страхе и подчинении многократно превосходящий по численности и более развитый, чем они сами, народ. Во все последующие времена маньчжурского господства опорой его были маньчжурские войска, по национальному составу состоящие главным образом из маньчжур. Все совместно взятое убедительно подтверждают, что собственно кидане, проживавшие в X—XII вв., и их прямые потомки чжуржени и маньчжуры вполне оправдывали самоназвание или название кидань (гидан), означающее в переводе на русский язык, как мы указали, *"склонный к быстрому применению копья"*, *"безукоризненно или мастерски владеющий копьем"*, *"воинственный"*. Весьма интересным представляется наличие в китайском языке созвучных, одновременно близких или совпадающих по семантике слов с тунгусскими, в том числе эвен-

скими словами, которые также могут косвенно служить подтверждением нашего предположения о семантике слова *кидань*. По-китайски “собака” обозначается словом *gou* (в латинской транскрипции). В эвенском же языке говдай означает “лаять”. В китайском языке “кипяченая вода” обозначается словом *shui*, в эвенском *һуйэлдэй* означает “вскипеть”. По-китайски почва обозначается словом *tügang*, по-эвенски — *төр (тур)* означает “земля”, а *туран (или турэн)* в переводе с эвенского означает: “земля, лишенная растительного покрова в результате интенсивной эксплуатации, которая становится благоприятной почвой”. О значении аффикса *-н* мы уже объясняли неоднократно. По-китайски слово *луна* обозначается словом *yueliang*, в ламунхинском говоре эвенского языка “луна” обозначается словом *илан*. По-китайски “дом” (жилище) — *jiа* по-эвенски *идэй* означает *заходить*. По-китайски “племянница” (дочь брата) — *shinü*, по-эвенски — *һунил* — *дочери*. И это далеко не все, что можно отнести к заимствованиям из тунгусского в китайский язык или наоборот.

Китайский и тунгусо-маньчжурские языки не являются родственными. Вместе с тем фонетическое сходство и близость в семантике указанных слов наводит нас к мысли, что длительное общение в историческом развитии этих народов, несомненно, могло повлиять и на взаимовлияние их языков. Это дает основание нам продолжить поиски подобных явлений.

Как мы выяснили, термины из географической лексики эвенского языка нередко превращаются в этнонимы или в отдельных случаях этнонимы тунгусского происхождения превращаются в макротипонимы. При этом следует иметь в виду, что превращения этнонимов в макротипонимы это, скорее всего внесенное извне, так как сами эвены, как и все тунгусоязычные этносы, по анимистическим представлениям, не допускали, чтобы именами или родовыми названиями обозначить тот или иной географический объект.

Таким образом, привлекая различные методы анализа, в том числе лингвистический, исторический, географический, а также сохранившиеся до относительно недавнего времени традиции тунгусо-маньчжурских народов давать себе и другим племенам и народам этнонимы, и труды предыдущих исследователей по данному вопросу, мы попытались высказать свое мнение о происхождении бытующих сегодня официально и неофициально этнонимов некоторых народов Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, а также сопредельных с ней государств.

Коротко эти этнонимы означают: эвенки “идущие поперек гор”, эвены “спускающиеся с гор”; нэек (чукча), буквально “вершинный”, “обитающий по вершинам гор”; нако (ско), ньока (саха), накут (екут) или якут “неизвестный”, “некто неизвестный”; долганы, дулиган “средний между якутом или тунгусом”, то есть метис; ньуч, лоч (русский), буквально смола, смоляной, в значении “упорный”, “волевой”, “настойчивый”, “навязчивый”; негидал (негидальцы) “живущие в низинных местах” или “в местах пониже”; гидан (кидан) китаец “мастерски владеющий копьем” (сначала о племенах, овладевших Китаем еще до чжурженей и маньчжур, затем об основном населении современного Китая) и т.д.

Как видно из приведенных примеров расшифровки семантики этнонимов, нет ни одного этнонима тунгусского или маньчжурского происхождения, несущих в своей семантике недоброжелательное, тем более презрительное отношение к носителям данных этнонимов. Здесь мы обнаруживаем короткие характеристики по месту нахождения, по характеру и воинственности носителей этнонимов, по наличию в хозяйстве тех или иных животных (орочи — эвены, ороки — эвенки, буквально оленные и в том и в другом случаях) и т.д. В таком случае, откуда же это название тунгус в русской огласовке, в тон или тун уус (биис) в якутской огласовке и другие, которые в

своей семантике заведомо несут достаточно прозрачные намеки о неполноценности тунгусоязычных народов.

Для того чтобы выяснить первоначальное исконное значение этих этнонимов, обратимся к источникам китайского и корейского происхождения.

По данным справочника Корея, “жителей древнего Чосона в письменных источниках называли тун-и “*восточные лучники*” или “*восточные варвары*”. Далее: “...были известны и другие племена восточных лучников: емэк на территории Маньчжурии и на Корейском полуострове”. Все они были тунгусского происхождения, и в языковом отношении принадлежали к алтайской семье.

По китайским источникам, племена, жившие на территории современной Маньчжурии, назывались tung-hu “*восточные варвары*”.

В этих констатациях нас интересовали: 1) древних жителей Чосона и племен, живших на территории современной Маньчжурии, называли tung-hu “*восточные варвары*” или “*восточные лучники*”; 2) на территории Маньчжурии проживало и тунгусское племя емэк. На каком языке эти странные слова: тун-и, tung-hu и емэк? Что они означают на самом деле? Если они на китайском или корейском языках, семантику и этимологию этих слов можно выяснить средствами китайского или корейского языков.

В современном китайском языке, по данным используемого нами словаря, термин восток в латинской огласовке и транскрипции пишется döng (täng). Следовательно, первая половина термина tung-hu или тун-и и в переводе с китайского означает “*восточный*”. Однако, в этой связи, возникает вопрос. Почему древние китайцы живших на территории современной Маньчжурии племен называли “*восточные*”? Ведь современная Маньчжурия расположена на западе, в лучшем случае на северо-западе Китая, тем более значительно западнее древнего Чосона (Кореи). А если китайский термин tung-hu простое совпадение с другим примерно так же звучащим термином тунгусо-маньчжурского происхождения?

К такому размышлению приводят два обстоятельства: во-первых, Маньчжурия расположена не на востоке от Китая и Кореи, а на западе. Следовательно, китайцы никак не могли назвать эти племена восточными; во-вторых, в корейском источнике отмечается, как мы привели выше, племя тунгусского происхождения емэк. А это, по нашему мнению, вполне расшифровываемое средствами монгольского, тунгусо-маньчжурского, в том числе эвенского, языков: омок, овок — по-монгольски, омокчи — по-маньчжурски, омохо — по-нанайски, емэк или эмэк — по-эвенски. В эвенском языке емэк или эмэк образовано от глагола емдэй, эмдэй, по типу: һэкк “вершинный”, и означает “пришлый”, “пришедший”. Надо полагать, уже в более позднее время это слово заимствовано якутами и приняло огласовку омук, и видимо, оно сначала означало “чужой”, “другой человек”, а затем стало употребляться в значении понятий нация и национальность.

Именно указанные два обстоятельства подтолкнули нас на предположение, что древние китайцы, называя неизвестные им племена tung-hu из-за созвучности указанного термина и какого-то тунгусо-маньчжурского термина близкого по своему фонетическому составу, но имеющего несколько иную семантику термина стали называть tung-hu “восточные лучники”. Таким словом, на наш взгляд, могло и может быть маньчжурское тунги со значением: 1) *лук с короткой тетивой*; 2) *кривоногий, косолапый, ослабленный* (ТМС, т. II, с. 215).

По фонетическому составу и маньчжурское тунги “лук”, и китайское tung-hu “восточные лучники”, и корейское тун-и очень близки, даже почти адекватны, по семантике различны: в первом случае “лук” (лучник), во втором “восточный лучник”, в третьем — “восточный лучник” или “восточный варвар”. Но во всех случаях отмечается одно общее: что эти племена были вооружены луком с короткой тетивой, то есть были “лучниками”. Самоназвание тунгусо-маньчжурских племен по наличию вооружения (лук, копье) не является исключением. Так, рас-

крывая этимологию макротопонима Китай, мы предположили, что термины Китай и китаец образованы от термина гидан, кидан, означающего *“владеющий копьем”* или *“мастерски владеющий копьем”*. Так и в этом случае, этноним тунги скорее всего можно перевести как *“стреляющий луком”* или *“лучник”*.

Надо полагать, эти безобидные в свое время самоназвания манчжуроязычных племен, в ходе исторического развития и общения с другими народами приобрели нелицеприятную для тунгусских племен окраску.

Приведенные данные китайских и корейских источников позволяют сделать следующие выводы о термине тунги и исторических судьбах тунгусских этносов:

Во-первых, под термином тунги древние китайцы и корейцы подразумевали все племена, которые в более поздние времена стали называть тунгусскими и маньчжурскими. Это дает основание предположить, что термин кидань, чжуржен и маньчжур возникли значительно позже, чем термин тунги.

Во-вторых, судьба тунгусских племен многочисленных и могучих в ранний период истории человечества и внесших свой вклад в историю развития народов азиатского региона позволяет отнести их к исчезающим этносам человечества. Могущество и влияние этих этносов на развитие народов данного региона оставило неизгладимые следы в виде топонимов, этнонимов, а также многих элементов лексики неродственных им народов древних цивилизаций.

В-третьих, тунгусские народы сыграли определенную роль в возникновении и развитии новых этносов, в частности, саха-якутов, долган и других.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Географическая лексика и топонимика эвенского языка — это один из важных разделов эвенской лексики. В эвеноведении и, прежде всего, в эвенской лингвистической литературе на сегодняшний день нет ни одной работы, посвященной исследованиям особенностей географической лексики эвенов. Эвенская же топонимика изучалась лингвистами главным образом с целью установления фонетических и морфологических особенностей топонимов. Такой подход не способствовал глубокому раскрытию особенностей эвенской топонимики и обращению вдалеке веков, когда тунгусоязычные племена были известны под общим названием тунгусы. Считалось невозможным пытаться искать общее в топонимике и географической лексике тунгусских племен с их южными родственниками: маньчжурами, чжурженями и с их более древними сородичами — киданями.

В отличие от наших предшественников, опиравшихся главным образом на формально-структурный анализ языковых фактов, в данной работе мы попытались шире и разностороннее проанализировать привлекаемый материал. При лингвистическом анализе мы больше внимания уделили семантике и этимологии слова. Значительно больше внимания уделили на подтверждение наших предположений данными исторической науки, географических открытий, взаимоотношения предков эвенов и других тунгусоязычных народов с окружающей средой, в том числе с себе подобными, эмпирическими и анимистическими представлениями древних людей, фольклорным материалом, образом жизни и сложившейся в этой связи культурой взаимоотношений и духовным развитием. Осуществляя комплексный метод исследований, мы

стремились раскрыть уровень духовного развития предков современных эвенков и эвенков до и в период установления контактов и взаимоотношений с представителями других этнических групп и народов, в частности, с русскими и предками современных якутов и других иноязычных народов.

Действительно ли предков современных эвенков и эвенков можно было отнести к диким или непонимающим племенам или варварам? Насколько объективны утвердившиеся и в научной литературе, и в обыденном сознании многих народов представления о диком варварском уровне развития предков эвенков, эвенков и других тунгусо-и маньчжуроязычных народов? Раскрытию истинного уровня духовного развития предков эвенков и эвенков путем изучения географической лексики и топонимики эвенского языка посвящены проведенные нами исследования.

Исследование географической лексики эвенского языка и топонимики тунгусского, и собственно эвенского происхождения, позволяют нам сделать следующие выводы.

Предки современных эвенков и эвенков, да и всех так называемых тунгусоязычных народов, еще тысячелетие назад, а возможно и значительно раньше, уже имели достаточно богатые по тем временам представления о ближней и дальней окружающей среде. Эти представления позволили им занять достойное место на такой огромной территории с Урала до берегов Тихого океана, севера Китая, Кореи, современной Монголии и Маньчжурии и до берегов Ледовитого океана.

Географическая лексика эвенков практична. Предки эвенков в своем словарном запасе фиксировали лишь то, что может быть полезным в их постоянно перемещающейся жизни. Они не обращали внимание на мелкий растительный мир и насекомых. И по этой причине в их словарном запасе практически незначителен запас терминов, отражающих этот микромир. Географическая лексика эвенков богата словами, обозначающими объекты, ко-

торые могут стать ориентирами. Так, в словарном запасе эвенского языка богато представлена лексика, отражающая различные уровни горных образований, рек, таежной, горно-таежной и горно-тундровой зоны, ее животного и растительного мира. В эвенском языке слово *гора* обозначается словами *урэл*, *урэк*, *урэкчэн*, означающими в переводе на русский язык “похожий”, “похож”, “похоженький”. В семантике данного термина отмечено то, что все горы, на первый взгляд, очень похожи друг на друга. Но зато в эвенском языке очень много терминов, уточняющих эти же горы по месту расположения, по конфигурации, по высоте, по грунту, покрывающему поверхности этих горных образований, и также по другим визуально заметным особенностям. Так, если в русском языке термин или слово *скала* применима ко всем скальным образованиям, то в эвенском языке для обозначения термина *скала* используется несколько различных по этимологии и семантике терминов, в частности, *кадар*, *ньулка*, *хөлэн*, *хөрилэ*, *ина*. *Кадар* в буквальном переводе означает “*теснинная скала*”, т.е. скала, расположенная у подножья или в середине горы. *Ньулка* “*отвесная скала*” (буквально: место, с которого можно слететь или споткнуться вниз). *Хөлэн* “*скала, расположенная (тянущаяся) преимущественно по окраинам (по вершинам) гор*”, буквально “*окраинная скала*”. *Хөрилэ* “*скала, расположенная на хребте*”. *Ина* — “*гора состоящая из сплошных камней или скальных образований*” (буквально, “*камень*”, “*скала*”).

Еще богаче термины, обозначающие разновидности рек и в целом связанных с понятиями *течение* и *родник*. Несколько больше, чем в русском или в якутском языках, использование анатомических и бытовых терминов для обозначения особенностей горного ландшафта. Богаче обозначение гор и возвышенностей по их конфигурации, высоте и особенностям их склонов. Разнообразнее обозначение ландшафта в зависимости от зоны, почвенного покрова, растительного и животного мира. Обозначение объектов в зави-

симости от образа жизни человека в той или иной среде является одной из отличительных особенностей географической терминологии эвенского языка.

Весьма интересны термины, обозначающие общие и конкретные понятия водных объектов. При этом используется и термины, несущие в себе анимистическую или мифическую семантику. Так, слово эйэ используется для обозначения любого течения, а происшедшее от данного термина слово эйэнэ *“нечто текущее”*, *“большое течение”* уже несет анимистическую семантику с дополнительным значением. Предки эвенов термином эйэнэ обозначали не любую реку, не любое течение, а именно *большое течение* или *“нечто текущее”*, выражая тем самым уважительность, восторг и некоторую настороженность.

Своеобразна семантика терминов, означающих общие направления света, времен года, месяцев и суток. Эвенские термины, означающие юг (тиргани) и запад (тикуптэ) близки по своей семантике к значению русских терминов. Термины, означающие север (һинултэнидэ) и восток (дьугуптэ или дьуптэ), несут уже иную семантику. Термин һинултэнидэ *“север”*, означая понятие *“сторона, откуда начинается образование инея”*, отражает объективную реальность. В северном полушарии планеты Земля наступление холода и образование инея происходит или начинается с севера. Таким образом, в семантике термина һинултэнидэ, как и в терминах тиргани и тикуптэ, отражена объективная реальность, с которой трудно не согласиться. В отличие от терминов һинултэнидэ, тиргани и тикуптэ термины дьугуптэ или дьуптэ в значении *восток* несут элемент субъективизма. Как мы отметили в разделе о направлениях света, дьугу первоначально означало то направление, когда человек располагался лицом к восходящему солнцу. Именно восток дьугудьур стал основным направлением движения предков эвенов и эвенков со своей исторической прародины. С тех пор тунгусы восток стали называть термином дьугуптэ или дьуптэ с указанным нами значением.

Времена года тугэни “зима”, нэлкэни “весна”, дюгани “лето”, болони “осень” связаны с образом жизни или деятельностью человека в определенные периоды года. Параллельные или уточняющие более коротки периоды годовичного цикла термина ирэли “лето” (буквально: “период созревания”), мөнтэлсэ “ранняя осень” (буквально: “период обильных дождей”) отражают естественное состояние природы в тот или иной период. В терминах, означающих времена года, предками эвенков, выражены или объективная реальность, или субъективная деятельность человека в этой реальности. Счет названий месяцев по анатомии человека можно назвать условной, облегчающей запоминание каждым тунгусом. Название периодов сутки увязывается с состоянием человека или самой окружающей среды в те ли иные периоды: инэни “день” (буквально: “период бодрствования или активной жизни”), несэчин “вечер”, (“период появления звезд”), долбони “ночь” (“период отдыха или пора сидения”), бадикар “утро”, “раннее время”. Смысл всех приведенных выше терминов прямо подчеркивает единство окружающей среды и человека, зависимость и обусловенность его деятельности состоянием этой среды.

В словарном запасе эвенского языка действительно мало слов, обозначающих название звезд, планет и их спутников, что связано с отсутствием научных представлений о космическом пространстве в целом. Однако, названия отдельных созвездий и звезд, планет и их спутников, известные эвенкам, мало чем отличаются от народных терминов, которыми обозначают вышеперечисленные объекты те или иные народы, как, например, “Большая и Малая Медведица”, “Млечный путь” и т.д. Как и у других народов, названия звезд в эвенском языке имеют мифологическую основу или связываются с бытовой лексикой, отражая некое сходство конфигурации некоторых созвездий с бытовыми принадлежностями.

Таким образом, географическая лексика эвенского языка по богатству содержания, вложенному в те или

иные термины, свидетельствует, что предки современных эвенов и эвенков отличались специфическим способом мышления, пусть наивной, но несомненной мудростью и толерантным отношением ко всему окружающему, что проявлялось в бережном отношении не только к окружающей среде, но и к себе подобным. Их наивная мудрость выражена, например, в афоризме “Бай-төр тукалан”, что означает “Человек-земли соринка”. Именно этот афоризм служил одним из природосберегающих положений, определяющих место человека в природе, и был как бы руководством к действию. Смысл афоризма, заключался в том, что человек — это не главное существо на этой земле и потому он должен знать свое место. В частности, человек не должен стремиться разрушать, убивать, уничтожать все, что встречается на его пути. Без необходимости он не должен совершать действия, которые могут иметь отрицательные последствия для окружающей среды.

Географическая лексика эвенского языка свидетельствует о том, что предки тунгусских племен отличались исключительной наблюдательностью в обнаружении и фиксации словом мельчайших особенностей той или иной среды и местности, что не было доступно этносам, сложившемуся в иной географической среде. Именно этим качеством можно объяснить наличие в словарном запасе эвенского языка уточняющих или детализирующих общие понятия слов. Что также свидетельствует скорее всего не об отсталости, дикости древних людей, а о том они уже достигли более высокого уровня развития. У большинства современных эвенов, в том числе даже ведущих традиционный образ жизни и постоянно общающихся с окружающей средой, исчезает это очень ценное качество, и вместе с ним забываются слова, выработанные веками их наивными, но по своему умными и мудрыми предками.

Следующей особенностью географической лексики эвенского языка является то, что географические термины легко превращаются в конкретные топонимы, в том числе и этнонимы. Особенностью эвенской топонимики

как составной частью географической лексики является также то, что обозначение любой конкретной местности, географической среды макроуровня (зоны, региона и т.д.), а также явлений природы и объектов звездного неба производится по наиболее ярким и доступным для наблюдения особенностям. Эти особенности или признаки при дальнейшем научном изучении того или иного объекта в большинстве случаев признаются особенностями, присущему только данному объекту. Таким образом, эмпирические знания эвенков об окружающей среде являлись как бы первой ступенью научного познания.

Многие географические термины эвенского и родственных ему тунгусских народов через конкретные топонимы, этнонимы и другие термины превратились в достояние не только эвенского и даже не только тунгусоязычных народов, но и народов, относящихся к другой языковой группе. К таковым, на наш взгляд, можно отнести название практически всех крупных рек восточнее Урала, известных горных массивов, Шантарских островов, полуострова Сахалин и т.д. Разумеется, все эти названия под влиянием иноязычной среды, а также исторических изменений за многовековую историю человеческого общества приняли иную огласовку и транскрипцию. Однако, по нашему мнению, при комплексном анализе сложившихся у этих народов традиций номинаций географических объектов, зная современные эвенский и эвенкийские языки, их традиции, вполне возможно восстановление первоначальной формы и значения этих слов. Много заимствований из тунгусских, в том числе эвенского, языков в словарном запасе русского языка, в основном, в виде адаптированных по законам русского языка топонимов. По данным составителей русско-китайского карманного словаря, в китайском языке имеются заимствования из родственных эвенскому киданского, чжурженского и маньчжурского языков, их фонетическое оформление и семантика очень похожи к семантике и фонетическому оформлению слов из эвенского языка. На-

пример, мы предположили происхождение макротопонима Китай от тунгусо-маньчжурского слова кидан. Но особенно много заимствований из эвенского и эвенкийского языков у их самого ближайшего соседа у якутов. Все это обусловлено, видимо, тем, что многие считавшиеся в XVII в. тунгусами роды, особенно из Вилюйского и Верхнеленского регионов Якутии, в XVIII-XIX вв. подверглись ассимиляции в якутоязычной среде и впоследствии стали называть себя якутами. Документом, ускорившим процесс ассимиляции тунгусов с якутами, стал Указ Александра I, подготовленным известным политиком того времени М. Сперанским "Об управлении инородцами" (1822), реализация которого вынудила многие тунгусские роды перейти с бродячего статуса в кочевой статус с одновременным изменением своей национальной принадлежности. Именно эти тунгусы, перешедшие в статус кочевого народа и одновременно ставшими якутами, видимо, внесли в якутский язык многие термины эвенского и эвенкийского языков, которые впоследствии стали восприниматься как исконно якутские.

Практически любой термин из географической лексики тунгусских, в том числе из эвенского, языков легко превращаются в топонимы. При этом топонимы тунгусского происхождения как своеобразные памятники духовности этих этносов распространены по всему ареалу былого и современного расселения тунгусоязычных этносов от Урала до Тихого океана, от севера Китая до Северного Ледовитого океана.

Все это позволяет нам сделать вывод о том, что задолго до XVII в. предки современных эвенов и эвенков, да и всех тунгусоязычных народов развивались иным путем, чем европейские цивилизованные народы, что нередко воспринималось как дикость. Ближайшие же соседи тунгусов, называя последних "тон биис" или "тон уус" (*мерзлое племя*) первоначально подчеркивали только то, что эти племена не знают якутского языка, и лишь позже значение этого термина приобрело нелицеприятный

смысл. Несмотря на то, что тунгусские племена несколько отстали в своем развитии, в их опыте общении с природой, в умении ориентироваться в ней, есть, многое, чему могли бы научиться многие цивилизованные народы и в наши дни. Так, в период наступления экологической катастрофы, во многом спровоцированной самим человеком следовало бы подумать о судьбе человечества и самой окружающей среды. С этой точки зрения, на наш взгляд, приобретает актуальность эвено-эвенкийский афоризм "Человек-Земли соринка", устанавливающий место человека на планете Земля.

Таким образом, основу менталитета предков современных эвенов и эвенков, на наш взгляд, составляет отличное знание на эмпирическом уровне ближней и дальней среды обитания, бережное отношение к ней, преклонение перед красотой и силой природы, умение ёмко и адекватно выражать словесно особенности природы, уважительное отношение к человеку, стремление избегать серьезных конфликтов и, по этой причине, спасаться путем перемещения с места на место, одновременно постоянно помнить свои корни, умение адаптироваться к условиям жизни самых различных зон, находить общий язык с представителями любой иноязычной среды, завоевывать их уважение. Благодаря этим качествам, предки эвенов и эвенков завоевывали доверие представителей других народов, и это доверие сохранилось до сих пор в макро- и микротопонимах, этнонимах на значительной территории азиатского континента.

Углубленный лингвистический анализ географической лексики и топонимики свидетельствует, что географическая лексика, в том числе топонимика, представляют собой один из богатейших разделов эвенского языка, где наиболее цельно сохранились древнейшие значения слов и особенности языка. Именно поэтому на базе закономерностей образования географической лексики, в том числе топонимики, вполне возможно выработать терми-

нологию грамматики эвенского языка, точнее из уже существующего словарного запаса можно подобрать практически адекватные терминам грамматики русского и других языков слова, тем самым способствовать реальному возрождению эвенского языка. Очень много неисследованных проблем в эвенском языке, разработка которых может изменить отношение к преждевременным выводам лингвистов-эвеноведов. Изучая географическую лексику и топонимику эвенского языка, мы обнаружили более 20-ти аффиксов, значение которых не раскрыто специалистами языка. Выявлено еще больше фактов неправильного толкования семантики того или иного термина. Из-за неправильного установления этимологии слова и толкования семантики в учебниках эвенского языка для начальных классов, средних и высших учебных заведений допускаются ошибки в конструировании предложений и текстов. Закономерности развития эвенского языка неоправданно подводятся под закономерность развития русского и других европейских языков. Нет практики сравнительного изучения эвенского языка и тунгусо-маньчжурских языков в целом с китайским или корейским языками. Длительное общение тунгусо-маньчжурских племен с народами Китая и Кореи не могло не повлиять на те и другие народы. Из русско-китайского словаря автор обнаружил в китайском языке родственные эвенскому языку слова, которые могли быть заимствованы из тунгусо-маньчжурских языков.

Все эти сходства и лежащие на виду факты, подтверждающие эти сходства, подсказывают, что тунгусоведам, и, в первую очередь, эвеноведам, следует глубже изучить взаимосвязи тунгусских и маньчжурских языков с китайскими и корейскими языкам. При этом следует иметь в виду, что сами специалисты китайского и корейского языков недвусмысленно признают влияние тунгусо-маньчжурских языков на становление лексики языка последних.

Таким образом, географическая лексика и топонимика тунгусского, в том числе эвенского, происхождения – это своеобразный свод знаний древних людей об окружающей среде, об их космологических, мифологических, анимистических представлениях, образе и укладе жизни, взаимоотношениях с природой и себе подобными, что впоследствии легло в основу их специфического менталитета и отделения в самостоятельную группу этносов со специфическим взглядом на окружающий мир.

Географическая лексика и топонимика тунгусского происхождения – это самый древний и богатый кладезь словообразовательных возможностей тунгусских языков. Предки современных тунгусоязычных этносов всего лишь с помощью присоединения к корню слова различных аффиксов умели выражать не только отдельные понятия, но и целые мысли, которые на языках других народов выражаются предложениями, в лучшем случае, сочетанием нескольких слов. И это легло в основу лексических и синтаксических особенностей тунгусских языков, которые также в дальнейшем складывались в основу тунгусского, в том числе эвенского, менталитета.

В этой связи уместно привести цитату, взятую Э.К. Пекарским из “Русской мысли” за 1886г., №10 для “Словаря якутского языка”: “Язык племени – это выражение всей его жизни, это музей, в котором собраны все сокровища его культурной и высшей уиственной жизни”.

Вот таким своеобразным музеем и памятником духовности и соответственно менталитета тунгусоязычных этносов, в том числе эвенов и эвенков, является топонимика, происшедшая из географической лексики этих народов и сохранившаяся без серьезных искажений и изменений на географической карте Российской Федерации восточнее Урала, Маньчжурии, Монголии, севера Китая и частично Кореи и Японии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII-XVIII вв. - М.: Наука, 1994.
2. Адлер Б.Ф. Карты первобытных народов.- Сиб. 1910, с. 114.
3. Афанасьев П.С. и др. Краткий толковый словарь якутского языка. - Якутск., изд-во "Бичик", 1964 - 260 с.
4. Афанасьев П.С. и Харитонов Л.Н. Русско-якутский словарь. - М.: изд-во Советская энциклопедия, 1968 - 719 с.
5. Богораз В.Г. Материалы по ламутскому языку. - В кн.: Тунгусский сборник 1. - Изд-во АН СССР, Ленинград, 1931 - с.1-106.
6. Болдырев Б.В. Словообразование имен существительных в тунгусо-маньжурских языках. - Новосибирск: Наука, 1987.
7. Василевич Г.М. Древние географические представления эвенов и рисунки карт. - Известие Всесоюзного географического общества, 1963, 95, вып. 4 - с. 306-319.
8. Василевич Г.М. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов. - Советская этнография № 4, 1946 - с.31-49.
9. Василевич Г.М. К вопросу о тунгусах и ламутах Северо-Востока в XVII-XVIII вв. - Ученые записки Института языка, литературы и истории ЯФ АН СССР, 1958, вып. 5. - с.92-106.

10. Василевич Г.М. Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов. - Автореферат монографии. Краткие сообщения 1. 1946, изд-во АН СССР. - с. 46-50.
11. Василевич Г.М. Топонимы Восточной Сибири. - Известия Всесоюзного географического общества, 1958, №4. - с. 324-329.
12. Василевич Г.М. Топонимы тунгусского происхождения. - В кн.: Этнография имен. М.: 1971, изд-во Наука АН СССР, институт этнографии имени Миклухо-Маклая, с. 160-171.
13. Гоголев А.И. Якуты.- Издание журнала "Илин" Министерства культуры РС(Я), 1993.- 136 с.
14. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. - СПб, 1994, 383с.
15. Данилова А.А. Бытовая лексика эвенского языка. - Якутск, 1972, 381с.
16. Долгих В.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.- М., 1960.
17. Иванов В.Ф. Письменные источники по истории Якутии. XVII в. - Новосибирск: Изд-во "Наука", 1979. 239 с.
18. Иванов М.С.-Багдарын Сулбэ. По краям и весям родимой земли. - Якутск: 1985. - 175 с. (на якутском языке)
19. Иванов М.С.-Багдарын Сулбэ. Размышление об истоках языка. - Якутск: 1985. - 175 с. (на якутском языке)
20. Иванов М.С.-Багдарын Сулбэ. Думы у очага. - Якутск: 1992.- 186 с. и др. работы
21. Карманный русско-китайский словарь. - с 7-211.
22. Ксенофонтов Г.В. Ураангхай сахалар. - Национальное изд-во РС(Я), 1992. С. 1-415. С. 5-316.
23. Комаров Ф.К. Словарь русской транскрипции эвенкийских и эвенских терминов и слов, встречающихся в географических названиях Сибири и Дальнего Востока. - М.: 1967.

24. Комаров Ф.К. Словарь географических названий Якутской АССР. - М.: 1987, Главное управление геодезии и картографии при СМ СССР.- 315с.
25. Корея. Справочник. - Республика Корея. Сеул: Кореяская служба информации для зарубежных стран, 1993. - 67 с.
26. Леонтьев В.В. Новикова К.А. Топонимический словарь Северо - Востока СССР / Научн.ред. Г.А. Меновщиков. - Магадан кн.изд-во.
27. Лебедев В.Д. Язык эвенков Якутии. - Л.: Наука, 1978. - 268 с.
28. Лебедев В.Д. Охотский диалект эвенского языка. - Л.: Наука, 1982.- 242 с.
29. Лебедев В.Д. Обрядовая поэзия / В сб. Фольклор и современная культура. - Якутск: Якутский институт языка, литературы и истории, ЯНЦ СО РАН, 1991. - С. 60-66.
30. Линденау Я.Н. Описание народов Сибири (первая половина XVIIIв.) - Магадан: 1983. - 175 с.
31. Маак Р.К. Вилюйский округ. - М.: 2-е изд., "Яна", 1994. - 576 с.
32. Мазин А.И. Традиционные верования и обрядов эвенков ороченков. - Новосибирск: 1984.
33. Мочанов Ю.А. Федосеева С.А. Алексеев А.Н. и др. Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олекмы. - Новосибирск: Наука, 1993.- 391 с.
34. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. - М.: 1974.
35. Мыреева А.Н. Семантическая и морфологическая характеристика собственных имен эвенкийских сказаний / В сб. актуальные вопросы языков народностей Севера.- Якутск: ЯФСО АН СССР, 1986. - С.78-88.
36. Мыльникова К.М. и В.И. Цинциус. Материалы по исследованию негидальского языка. /В кн. Тунгусский сборник.- Л.: изд-во АН СССР, 1931.- С.107-218.
37. Никонов В.А. Введение в топонимику. - М.: Наука, 1965.

38. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. - М.: Мысль.
39. Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. - Л.: Наука, 1980.- 244 с.
40. Новикова К.А. Лингвистический анализ топонимов Северо-Восточной Сибири / В кн. Вопросы языка и фольклора народностей Севера. - Якутск: 1972. - С. 88-112.
41. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - Изд. 4-е, испр. и доп. М.: 1960.
42. Окладников А.П. и др. История Сибири с древнейших времен до наших дней / Т. 2 со вкладками карт. - Л.: Наука, 1968.- 535 с.
43. Ономастика и норма / Сб. статей. АН СССР. - Институт русского языка. "Наука". М.: 1976. - 253 с.
44. Попов Г.В. Слова неизвестного происхождения в якутском языке. - Якутск.
45. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка - АН СССР, 1958, I, Выпуск 1-4.
46. Рашид Ад Дин. Сборник летописей. - Т.1.кн. первая и вторая. - Москва-Ленинград: 1952, Т. 1, книга первая - С. 1-221; кн. Вторая - 315 с.
47. Роббек В.А. Язык эвенов Березовки. - Л.: Наука, 1989.- 201 с.
48. Романова А.В. и Мыреева А.Н. Фольклор эвенков Якутии. - Ленинград: Наука, 1971, 3 ч. - 8 с.
49. Сафронов Ф.Г. Мирское управление в XVII начале XX века. - ЯФ СО РАН СССР Института языка, литературы и истории. Якутск: 1987. - 126 с.
50. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. - 2-е изд. М.: 1993.- 702 с.
51. Сидихменов В.Я. Маньчжурские правители Китая. - М.: Наука, 1985. - 292 с.
52. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки, эвены) Средней и Западной Сибири. - М.: Наука, 1985. - 248 с.

53. Туголуков В.А. Идущие поперек хребтов. - Красноярск: 1980. - 183 с.
54. Шанский Н.М. и другие. Краткий этимологический словарь русского языка. - Изд. 3-е испр. и доп. М.: "Просвещение", 1975. - 527 с.
55. Цинциус В.И. и Ришес Л.Д. Русско-эвенский словарь. - Государственное издательство иностранных и национальных словарей. М.: 1952.- 777 с.
56. Цинциус В.И. и др. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. - Т. 1-2. Ленинград: Наука, 1975-77 гг. т.1.- 672 т.2.- 992 с.
57. Фрэзер Джеймс. Золотая ветвь. - Вт. Издание. М.: Изд-во политической литературы, 1983. - 676 с.
58. Эпос охотских эвенков. В записках Н.П. Ткачика / Под редакцией В.И. Цинциус. - Якутский филиал СО АН СССР. Якутск: 1986. - 302 с.
59. Общегеографические карты Российской Федерации: Амурская область, Магаданская область, Республики Саха (Якутия), Примоский край, Хабаровский край. - Масштабы 1:400000, 1:100000, год изд.: 1994-1995 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава I.	
ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА.....	8
ГЛАВА II.	
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В КАЧЕСТВЕ ДРУГИХ ТЕРМИНОВ.....	16
Термины, обозначающие горный ландшафт.....	16
Происхождение слова урэкчэн “гора” и использование его в качестве макротопонима.....	16
Термины, используемые в эвенском языке для обозначения горных образований, обозначаемых в русском языке словами утес или скала.....	22
Использование анатомических и бытовых терминов для обозначения особенностей ландшафта.....	24
Обозначение ландшафта на истоках горных рек.....	27
Обозначение гор и возвышенностей по их конфигурации, высоте и особенностям их склонов.....	28
Обозначение по наличию различных пород камней или растительности.....	32
Обозначение ландшафта в зависимости от зоны.....	33
Обозначение леса по наличию тех или иных пород растительности.....	35
Обозначение местности по наличию ягод или ягодных кустарников.....	36
Обозначение местности по наличию однолетней или другой дикорастущей зелени (по растительному покрову из скороспелых растений).....	37
Обозначение местности по болотистости, по наличию сухих мест и по отношению к той или иной местности.....	42
Обозначение местности по грунтам.....	46

Глава III.

НАПРАВЛЕНИЯ СВЕТА, ВРЕМЕНА ГОДА И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ, ПРОИСШЕДШИЕ ИЗ НИХ	52
Направления света	52
Обозначение направлений по месту расположения, соотношения к направлениям света, окраске, освещению в тот или иной период времени	58
Времена года, названия месяцев и суток	67

Глава IV.

ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ОБЩИЕ И КОНКРЕТНЫЕ ПОНЯТИЯ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ	76
---	----

Глава V.

ТЕРМИНЫ, ОЗНАЧАЮЩИЕ ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ, А ТАКЖЕ НЕКОТОРЫЕ ПЛАНЕТЫ, ИХ СПУТНИКИ И ЗВЕЗДЫ	88
Явления природы	88
Названия планет, некоторых звезд, атмосферы и спутника Земли	113

Глава VI.

ОБОЗНАЧЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОБИТАНИЯ СУБЪЕКТОВ	128
Обозначение горного ландшафта в зависимости от сезонного или постоянного обитания на них зверей	128
Обозначение объектов в зависимости от образа жизни ...	130

Глава VII.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ЭТНОНИМЫ И ЭТНОНИМОВ - В ТОПОНИМЫ	135
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	162
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	173